

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

№ 2
2010

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

№ 2 (11) 2010

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии

В.А. Поголевич

начальник института, кандидат технических наук, доцент,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

*Заместитель
председателя
редакционной коллегии*

А.Б. Сергеев

заместитель начальника
института по научной
работе, доктор юриди-
ческих наук, профессор

*Заместитель
председателя
редакционной коллегии*

А.И. Семенов

начальник факультета
заочного обучения,
кандидат исторических
наук, доцент

Члены редакционной коллегии

В.С. Кобзов

начальник кафедры
историко-правовых
дисциплин, доктор
исторических наук,
профессор

Р.А. Сабитов

профессор кафедры
уголовного права и
криминологии, доктор
юридических наук,
профессор

Т.В. Попова

заместитель
начальника кафедры
криминалистики,
кандидат технических
наук, кандидат юриди-
ческих наук, доцент

С.В. Зуев

начальник кафедры
уголовного процесса,
доктор юридических
наук, доцент

В.Н. Майсак

начальник
кафедры философии,
кандидат исторических
наук, доцент

Г.А. Казарцева

ученый секретарь
института, кандидат
педагогических наук,
доцент

А.Д. Магденко

доцент кафедры
административного
права и администра-
тивной деятельности,
кандидат юридических
наук, доцент

Я.И. Вашонин

начальник кафедры
административного
права и администра-
тивной деятельности,
кандидат юридических
наук, доцент

А.Н. Мешеряков

начальник кафедры
государственно-
правовых дисциплин,
кандидат юридических
наук, доцент

А.Ю. Попков

начальник органи-
зационно-научного и
редакционно-издатель-
ского отдела, кандидат
юридических наук

А.С. Киселев

заместитель
начальника ГУВД по
Челябинской области
(начальник ГСУ)

А.В. Майоров

доцент кафедры
уголовно-правовых
дисциплин Уральского
филиала Российской
академии правосудия,
кандидат юридических
наук, доцент

Учредитель:

Федеральное государственное обра-
зовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Челябинский юридический институт
Министерства внутренних дел Рос-
сийской Федерации»

Начальник

Федерального государственного обра-
зовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Челябинский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации» генерал-
майор милиции **В.А. Иоголевич**

Научный редактор,

ответственный за издание:

доктор юридических наук, профессор
почетный сотрудник органов внут-
ренних дел Российской Федерации
полковник милиции **А.Б. Сергеев**

Ответственный секретарь:

Е.Ю. Голубицкая

Корректурa:

Е.Ю. Голубицкая,
Н.В. Драничникова

Верстка:

Н.В. Иванова

Адрес редакции:

454081, г. Челябинск,
ул. Либединского, 41.
Тел. (351) 772-39-88.

Эл. почта: ongio6@chelurid.ru
ongio_secretary@chelurid.ru.

Подписано в печать 28.12.2010.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,0.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ № 194. Тираж 999 экз.

Журнал зарегистрирован Федераль-
ной службой по надзору за соблю-
дением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-23979

Выходит 2 раза в год.

Отпечатано на участке
оперативной полиграфии
Челябинского юридического
института МВД России
454081, г. Челябинск,
ул. Либединского, 41.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРАВО, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Бычкова Е.И. Законотворческая и правотворческая инициатива: проблемы понятия и соотношения	4
Савченко Е.Я. Некоторые аспекты судебной защиты прав потребителей	7
Цуканов В.Н. Сфера семейно-бытовых отношений как объект правового воздействия	11
Черепанов А.В., Магденко А.Д. О некоторых проблемах административного процесса в Российской Федерации	17

II. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И КРИМИНАЛИСТИКА

Аксенов Р.Г., Афицинский В.А. Проблемы реализации геномной регистрации	20
Баранов Ю.Н., Попова Т.В. История криминалистики как объект изучения	26
Дик Д.Г. Случаи приостановления производства по уголовному делу на предварительном слушании	28
Зуев С.В. Неюридические стандарты в уголовном судопроизводстве России	32
Луцкий Н.В. Процессуальный порядок ограничения права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела при окончании предварительного расследования	36
Павлов В.С. Легализация доходов как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	39
Пустовая И.Н. Новое о возмещении имущественного вреда в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации	41
Худяков П.В. Обыск при расследовании организации экстремистского сообщества и организации деятельности экстремистской организации	44

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Литвиненко А.Ю. О некоторых проблемах оценки морального вреда, причиненного преступлением	46
Михайлов К.В. Значение неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания	48
Никитин Е.В., Мишанин И.А. Об усилении уголовной ответственности сотрудников органов внутренних дел	50

IV. ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

Зуев С.В. Статья 106 УПК РФ в новой редакции	53
Кондратьев С.М. Смешанная (гибридная) муниципальная система организации органов местного самоуправления	55

V. РЕЙДЕРСТВО

Бычков В.В. Основные этапы совершения корпоративного рейдерства	57
Скалунов В.А., Сергеев К.А. Некоторые способы криминального поглощения юридических лиц и проблемные вопросы выявления и расследования конкретных эпизодов криминального рейдерства	61

VI. ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Абрамовская О.Р. Основные международно-правовые документы, определяющие стратегию борьбы с коррупцией	64
Драничникова Н.В. Право личности на самозащиту прав и свобод и институт самозащиты: содержание и соотношение понятий	67
Иванько И.В. Охрана общественного порядка: отдельные вопросы взаимодействия милиции и органов местного самоуправления	71
Крысин Б.В. Конституционная ответственность как средство обеспечения национальной безопасности России	76
Куковский А.А. Анализ понятия национальной безопасности в контексте безопасности государства и нации	78
Родионова Т.А. Общие вопросы соотношения международно-правовых норм и внутригосударственного уголовного законодательства	81
Сазонова К.И. Особенности предупреждения наркопреступности в местах лишения свободы	83
Соловьева У.Д. Толкование норм уголовно-процессуального права в противодействии преступности	86
Тараканова А.А. К вопросу об использовании специальных знаний следователем при осуществлении расследования	88
Штефан А.В. К вопросу о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних в семье	91

VII. ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ванюшин Я.Л. Отзыв на диссертационное исследование Кучеренко Анны Вячеславовны «Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации»	93
Михайлов К.В. Отзыв на автореферат диссертации Лукьяновой Ирины Михайловны «Отсрочка отбывания наказания»	96

VIII. ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Танаева З.Р. Нравственные принципы как руководящая идея педагогической концепции подготовки будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями.....	98
---	----

IX. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Ермолюк А.В. Советская милиция в системе партийно-государственной атеистической работы (по материалам конца 50-х – середины 80-х годов XX века)	106
Попов К.И. Мобильная связь: история и современность	111
Силаев А.В. Ретроспективный анализ российского законодательства об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (в досоветский период)	114
Тимофеев А.М. Исторические особенности законодательства об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов в организации в советский период (1917–1991 гг.)	116

І. ПРАВО, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ И ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И СООТНОШЕНИЯ

Е.И. Бычкова,
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Челябинского юридического
института МВД России

Согласно традиционной точке зрения, правотворчество – это деятельность государства, направленная на создание юридических норм.

Р. Лукич определяет правотворчество как комплексную деятельность, состоящую из операций, которые являются разновидностью умственной деятельности и каждая из которых выполняется различными способами и методами [4, с. 215]. В этом случае правотворчество толкуется как юридически неформализованная деятельность человеческого разума, т.к. она так или иначе, направлена на создание юридических законов.

В. Нерсесянц придерживается следующего определения: «Правотворчество есть форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену» [7, с. 262]. При этом автор подчеркивает, что «главное для правотворчества – выработка и утверждение новых правовых норм. В этом в первую очередь проявляется назначение данной формы государственной деятельности. Другие проявления правотворчества (отмена и изменение действующих норм, совершенствование их редакции) имеют подчиненное, вспомогательное значение для образования развернутой, четко выраженной и внутренне согласованной системы юридических норм».

Любой процесс, в том числе правотворческий, протекает в определенных формах и может быть разбит на стадии (этапы). Становление правовой системы – это длительный процесс, который происходит поступательно, то есть через создание отдельных нормативных актов. Нормативный акт – это завершающее звено и непосредственный результат правотворческой деятельности. Соответственно, правотворческий процесс есть порядок последовательных операций, в результате которых в правовую систему вливается новый элемент. Логично было бы сделать вывод о том, что в

процесс правотворчества не следует включать организационные действия, содействующие непосредственной правовой работе над нормативным актом. В частности к правотворчеству не относится деятельность по учету, анализу и обобщению предложений о совершенствовании законодательства, организационные мероприятия по совершенствованию работы правотворческих органов и т.д.

Собственно правотворчество – это деятельность по подготовке, обсуждению, утверждению и опубликованию нормативных актов, совершаемая компетентными органами. Как любая процессуальная деятельность, правотворчество представляет собой официальный порядок осуществления юридически значимых действий, в результате которых возникает ряд взаимосвязанных взаимоотношений, например, правоотношения по поводу подготовки и принятия нормативного акта, то есть соответствующие права и обязанности.

Можно выделить общие стадии правотворчества.

Говоря о стадии правотворческого процесса, определим ее как самостоятельный этап процедурных действий по формированию государственной воли, организационно обособленный комплекс тесно связанных между собой действий, которые направлены на создание данного нормативного акта. Стадия правотворческой деятельности всегда выступает этапом процесса подготовки и придания официального значения нормативному акту. Определение количества стадий зависит от понимания сущности правотворческого процесса. Некоторые ученые, определяя правотворчество как процедуру официального происхождения проекта нормативного акта в правотворческом органе, выделяют стадии законодательной инициативы, обсуждения законопроекта, его принятия и опубликования. Другие, например, А.Г. Братко и В.В. Лазарев, помимо стадии законодательной инициативы, выделяют и такие, как «решение компетентного органа о необходимости изучения акта, выработка его проекта, включение в план законопроектных работ и т.п.; разработка проекта нормативного акта и его предварительное обсуждение; рассмотрение проекта нормативного акта в том органе, который уполномочен его принять; принятие нормативного акта; доведение содержания принятого акта до его адресата» [2, с. 123].

Законотворчество и правотворчество, а соответственно и стадии правотворческой и законотворческой инициативы, являются отнюдь не синонимами. Категории «система права» и «система законодательства» разделяются так же, как понятия правотворчества и законотворчества. Понятие правотворчества мы уже приводили выше, а под законотворчеством следует понимать, на наш взгляд, вид государственной деятельности, посредством которого воля определенной, более или менее многочисленной, группы людей возводится в ранг закона и выражается в норме права в конкретном источнике права [3, с. 6].

В отличие от правотворчества, целью законотворчества является создание закона (законодательного акта).

Законотворчество – стержень правотворчества, его важнейшая составляющая часть, поэтому законотворчеству присущи свойства, общие для всех разновидностей правотворчества [6, с. 23].

Если правотворчество – это деятельность по подготовке, обсуждению, утверждению и опубликованию нормативных актов, совершаемая компетентными органами, то законотворчество – деятельность по подготовке, обсуждению, утверждению и опубликованию законодательных актов.

Законотворческий процесс представляет особый вид деятельности, носящий сугубо интеллектуальный характер, сложный по своему содержанию, осуществляемый в присущих ему формах с использованием специального юридического «инструментария» (методов), регламентированный несколькими видами правил, определяющих порядок подготовки, обсуждения и принятия законопроекта. Сущность законодательного процесса составляет, как отмечалось, формирование государственной воли, выступающей содержанием правовых норм.

В строгом смысле слова, «законодательная инициатива» – термин правовой и непосредственно относится только к субъектам законодательной инициативы, прямо предусмотренным в законе. Однако в широком смысле законодательные инициативы, правовые инициативы – это предложения граждан, их объединений и различных организаций по совершенствованию законодательства, и в этом смысле они являются важным механизмом реализации права граждан на участие в управлении делами государства, которое гарантировано гражданам в соответствии со ст. 32 Конституции РФ [1].

Существует точка зрения, что государство является единственным и исключительным источ-

ником права, которое формируется посредством принимаемых им законов. В данном подходе просматривается понимание равенства между правом и законом.

Однако с этим трудно согласиться. Право как регулятор общественных отношений считается «по меньшей мере, относительно независимым от государства и закона или даже предшествующим закону, например, в качестве надысторичного естественного права или в качестве права общественного, социально-исторически обусловленного, рождающегося в объективных общественных отношениях» [5, с. 342].

Например, М.Н. Марченко считает, что государство обладает исключительными полномочиями по формированию законов, но не права. «Государство монополизирует законотворческую, а вовсе не правотворческую деятельность, ибо законотворчество и правотворчество, а вместе с ними закон как результат процесса законотворчества и право как продукт правотворчества, согласно развиваемым при таком подходе воззрениям, отнюдь не всегда совпадают» [5, с. 343]. Эта точка зрения нам более близка.

Из приведенных выше определений следует, что правотворчество включает в себя законотворчество и является более широким понятием. Соответственно:

правотворческая инициатива – это возможность специально уполномоченных субъектов и граждан Российской Федерации своими целенаправленными творческими, правомерными действиями вызывать к жизни права и обязанности, изменять или прекращать их, влиять на процессуальные правила их реализации;

законотворческая (законодательная) инициатива – это право уполномоченных субъектов официально поставить вопрос об издании, изменении или отмене закона. Выступление с законодательной инициативой влечет обязательное обсуждение ее в парламенте. Это право выражается в форме предложений или готового законопроекта, которые высший законодательный орган обязан принять к своему производству. Согласно Конституции РФ, правом законодательной инициативы обладают Президент РФ, Совет Федерации в целом, отдельные члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, а также Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ по вопросам их ведения.

Литература

1. Беляева, Н. Ю. Законодательные инициативы общественных объединений / Н. Ю. Беляева. – URL: <http://ethics.iph.ras.ru/works/GU/7.html>.
2. Братко, А. Г. Источники права: общая теория права и государства : учеб. / А. Г. Братко, В. В. Лазарев ; под ред. В. В. Лазарева. – М., 1994.
3. Лукашева, А. В. Законотворческие ошибки / А. В. Лукашева // Гражданин и право. – 2000. – № 3–4.
4. Лукич, Р. Методология права / Р. Лукич. – М., 1981.
5. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. / М. Н. Марченко. – М., 2005.
6. Мухина, Ю. В. Понятие регионального законодательного процесса / Ю. В. Мухина // Юридический институт ИГУ. – Сибирский Юридический Вестник. – 2002.
7. Проблемы общей теории государства и права / под ред. В. Нерсесянца. – М., 2002.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Е.Я. Савченко,
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых
дисциплин Челябинского
юридического института
МВД России

В соответствии со ст. 11 ГК РФ защиту нарушенных гражданских прав осуществляет суд. Это является основополагающим принципом, предусмотренным ст. 46 Конституции РФ. ГК РФ определяет, что защита гражданских прав в административном порядке является исключением из общего правила о судебной защите и осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом. При этом решение, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд.

Объектом защиты является нарушенное или оспариваемое право. Нарушение права связано с лишением его обладателя возможности осуществить свое право полностью или частично. Такое состояние может быть вызвано неисполнением контрагентом своей обязанности, причинением управомоченному лицу материального или морального ущерба, лишением его возможности владеть, пользоваться или распоряжаться вещью и иными подобными действиями. Оспоренное право еще не нарушено, но возникла неопределенность в праве, вызванная поведением другого лица по отношению к управомоченному. Если, например, оспаривается наличие или отсутствие договора между сторонами, наличие или отсутствие права собственности или иного вещного права, заинтересованное лицо может обратиться в суд с требованием признать наличие или отсутствие между ним и ответчиком правоотношения либо принадлежность ему вещи на праве собственности (ином вещном праве).

Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [1, с. 653–699] также предусматривает судебную защиту прав потребителей и закрепляет, что защита прав потребителей осуществляется судом. Статья 17 данного Закона закрепляет важные демократические начала, гарантирующие гражданам судебную защиту их прав и свобод. Анализ действующего законодательства показывает, что одной из тенденций его развития является расширение сферы судебной деятельности, в том числе судебного контроля за законностью решений и действий должностных лиц, государственных органов, общественных объеди-

нений. И это не случайно, поскольку преимущества судебного порядка обжалования по сравнению с административным очевидны.

Суд независим и подчиняется только закону. Он не связан никакими узковедомственными интересами. Судьи профессионально сведущи в вопросах законодательства. Кроме того, порядок проведения судебного заседания точно регламентирован законом. Он обеспечивает гласность, публичность разбирательства, личное участие заинтересованных лиц.

Ныне действующее гражданское процессуальное законодательство (в первую очередь, ГПК РФ) не отвечает современному уровню развития общества, появлению рыночных отношений, изменениям, происходящим в других отраслях законодательства, в том числе и отдельным положениям Конституции РФ. Все это сказывается на уровне защиты прав и законных интересов граждан [5, с. 102].

Эффективность судебной защиты во многом зависит от максимального обеспечения реального исполнения судебных решений. Отказавшись от преимущественной защиты государственной собственности, следует исходить из равенства защиты всех видов собственности, усилить ответственность должника за невыполнение решений.

Большое значение в сфере защиты прав и свобод личности имеет положение Конституции РФ о возможности обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ).

Согласно ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту:

- нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, – по месту его жительства;
- жительства или пребывания ответчика;
- заключения или исполнения договора.

Если иск к организации вытекает из деятельности ее филиала или представительства, он может быть предъявлен в суд по месту нахождения этого филиала или представительства. Исключения составляют иски по спорам, вытекающим из договоров перевозки груза, которые предъявляются согласно ч. 3 ст. 30 ГПК РФ по месту нахождения перевозчика, к которому в установленном порядке была предъявлена претензия

(п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сент. 1994 г. № 7 [2, с. 6–10]).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ также указывает: «Решая вопрос о принятии заявления, судье следует проверять, подведомственно ли заявленное требование суду, имея в виду, что по ряду требований взыскания производятся в бесспорном порядке на основании исполнительной надписи, совершаемой нотариусами и должностными лицами, которым законом предоставлено право совершать это нотариальное действие. Заинтересованная сторона в указанных случаях вправе обратиться непосредственно в суд, если истек срок исполнительной надписи либо отсутствуют необходимые для этого документы, а также когда ей было отказано в совершении исполнительной надписи либо в случае несогласия с выданной исполнительной надписью» [2, с. 6–10].

Законом РФ «О защите прав потребителей» не установлен предварительный внесудебный порядок разрешения требований потребителей товаров (работ, услуг), однако, как уже отмечалось ранее, по некоторым спорам данной категории действующим законодательством предусмотрен такой порядок (например, ст. 797 ГК РФ предусматривает обязательное предъявление претензии к перевозчику по спору, вытекающему из перевозки грузов). Согласно п. 5 вышеуказанного постановления, судья в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ должен возвратить исковое заявление, если потребителем не был соблюден предварительный внесудебный порядок рассмотрения этих споров и такая возможность не утрачена. При этом необходимо иметь в виду, что истечение установленного законодательством пресекательного срока на предъявление гражданином претензии не является основанием к отказу в судебной защите, так как это противоречит ст. 46 Конституции РФ и названному выше Закону РФ. Следующий пример наглядно демонстрирует, как исправляются ошибки судов в отношении подсудности.

М. обратилась с иском в суд к офису 4313/050 отделения Сбербанка России о взыскании 673 127 руб. в качестве компенсации обесцененных вкладов, а также 40 000 руб. в счет компенсации морального вреда в связи с потерей вкладов. Определением судьи Metallургического районного суда г. Челябинска от 28 июня 2005 г. исковое заявление возвращено. Судебная коллегия по гражданским делам Челябинского областного суда нашла определение судьи подлежащим отмене.

В соответствии с п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 г. № 7 отношения, регулируемые законодательством о защите прав потребителей,

могут возникать из договора банковского вклада, в котором вкладчиком является гражданин, и других договоров, направленных на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Очевидно, что искивые требования М. вытекают из отношений, регулируемых законодательством о защите прав потребителей. Согласно п. 2 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» иски предъявляются в суд по месту жительства истца, или по месту нахождения ответчика, или по месту заключения либо исполнения договора. Таким образом, М. была вправе обратиться в суд с иском по месту своего жительства, то есть в Metallургический районный суд г. Челябинска, и отказ судьи данного суда в принятии искового заявления М. был неправомерным [4].

В соответствии с п. 3 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» и пп. 4 п. 2 и п. 3 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ потребители освобождаются от уплаты государственной пошлины по всем искам, связанным с нарушением их прав, если цена иска не превышает 1 млн руб. Если цена иска превышает эту сумму, потребитель уплачивает государственную пошлину в сумме, исчисленной в соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 333.19 Налогового кодекса РФ и уменьшенной на сумму государственной пошлины, подлежащей уплате при цене иска в 1 млн руб.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей» и пп. 13 п. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ уполномоченный федеральный орган исполнительной власти по контролю (надзору) в области защиты прав потребителей (его территориальные органы), а также иные федеральные органы исполнительной власти (их территориальные органы), осуществляющие функции по контролю и надзору в области защиты прав потребителей и безопасности товаров (работ, услуг), органы местного самоуправления, общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) по искам, предъявляемым в интересах потребителя, группы потребителей, неопределенного круга потребителей, освобождаются от уплаты государственной пошлины.

Требования потребителя носят гражданско-правовой (в основном материальный) характер, выражают личный интерес, основанный на невыполнении своих обязательств другой стороной гражданско-правового договора. Потребитель вправе обратиться в суд по поводу нарушения любого его права, установленного Законом РФ «О защите прав потребителей», если такое нарушение подлежит судебному рассмотрению.

Формой обращения в суд по делам искового производства является исковое заявление, которое может содержать требование о взыскании определенных денежных сумм (неустойки, убытков, компенсации вреда, в том числе морального, понесенных расходов, уплаченных сумм и т.п.), а также о возложении на ответчика обязанности устранить допущенное нарушение прав потребителя, выполнить определенные его требования, не препятствовать осуществлению конкретных прав, прекратить противоправные действия и т.п. Конкретные действия должны формулироваться исходя из тех прав, которые предоставлены потребителю законодательством РФ и которые нарушены ответчиком.

Статьи 3 и 4 ГПК РФ определяют, что всякое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или охраняемых законом интересов, а суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, заинтересованного в защите своих прав, свобод и интересов, а в случае, предусмотренном законом, – по заявлению лица в защиту прав, свобод и интересов других лиц.

Форма и содержание искового заявления определены ст. 131 ГПК РФ, где указывается, что оно должно содержать:

- наименование суда;
- фамилия, имя, отчество потребителя и его адрес (фамилия, имя отчество представителя, если заявление подается представителем);
- наименование, место нахождения или место жительства ответчика;
- в чем заключается нарушение прав потребителя;
- требования потребителя;
- основания этих требований и подтверждающие их доказательства;
- цена иска;
- сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это предусмотрено федеральным законом или договором;
- перечень прилагаемых документов в соответствии с требованиями ст. 132 ГПК РФ.

При обращении в суд необходимо иметь в виду, что нарушенные права граждан и организаций защищаются лишь в течение определенного срока исковой давности. Сроки исковой давности Законом РФ «О защите прав потребителей» не установлены, они определяются в соответствии с Гражданским кодексом РФ, предусматривающим общий и специальный сроки исковой давности

(ст.ст. 196, 197). Общий срок исковой давности составляет три года. Сокращенные или более длительные сроки исковой давности могут быть установлены законом для отдельных видов требований [3, с. 244].

Истечение срока исковой давности не является основанием для отказа в принятии искового заявления судом. Это обстоятельство может послужить основанием для вынесения решения об отказе в иске. Однако такое решение может быть принято лишь по заявлению ответчика о применении исковой давности, сделанному до вынесения судом решения (ст. 199 ГК РФ). Согласно ч. 6 ст. 152 ГПК РФ в предварительном судебном заседании может рассматриваться возражение ответчика относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности для защиты права и установленного федеральным законом срока обращения в суд.

При установлении факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд судья принимает решение об отказе в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу. Решение суда может быть обжаловано в апелляционном или кассационном порядке.

Течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права либо когда возникает право требовать исполнения обязательства (ст. 200 ГК РФ). Вопросы приостановления и перерыва течения срока исковой давности регулируются ст. 202–204 ГК РФ.

Если срок исковой давности пропущен гражданином по причинам, признанным уважительными (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), суд в исключительных случаях может этот срок восстановить. Однако причины пропуска срока должны иметь место в последние шесть месяцев срока давности или в течение срока давности, если он по продолжительности меньше шести месяцев или равен шести месяцам (ст. 205 ГК РФ). Юридическим лицам пропущенный срок исковой давности восстановлен быть не может.

Всякий иск, предъявляемый в суд, необходимо обосновать и доказать в соответствии с требованиями гражданского процессуального законодательства. В связи с расширением в ГК РФ свободы договора и увеличением количества диспозитивных норм в действующем ГПК РФ кардинально применение конституционного принципа состязательности в судопроизводстве. Это сделано за счет

упразднения ряда функций, несвойственных суду, которые предусматривали его обязанности по сбору доказательств, в то время как стороны могли практически бездействовать. В соответствии со ст. 12 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их

прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Все остальное стороны должны решать и осуществлять сами: участвовать в процессе или нет, признавать иск или нет, предоставлять ли доказательства, являться ли на заседание суда и т.д. Разумеется, это не означает пассивность суда. Наоборот, многие статьи ГПК РФ предусматривают его активную роль в собирании доказательств, необходимых для принятия обоснованного решения.

Литература

1. О защите прав потребителей : федер. закон от 7 февр. 1992 г. № 2300-I // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
2. О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей : постановл. Пленума ВС РФ от 29 сент. 1994 г. № 7 // Рос. газ. – 1994. – 4 окт.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : комментарий / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М., 2004.
4. Обзор судебной практики Челябинского областного суда по гражданским делам (2-ое полугодие 2005 г.) // Бюллетень Челябинского областного суда. – 2005. – № 1(8).
5. Парций, Я. Е. О защите прав потребителей / Я. Е. Парций. – М., 2002.

СФЕРА СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В.Н. Цуканов,

старший преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД Пермского филиала НА МВД России, кандидат юридических наук

Одной из основных тенденций современной преступности России является высокий уровень насильственной преступности, в том числе ее наиболее опасной разновидности – тяжких преступлений против личности.

В стране, по данным органов внутренних дел, повышается агрессивность и жестокость насильственных преступлений, увеличивается тяжесть их последствий. Традиционно наибольшее распространение насилие получает в сфере быта. Отмечается, что высокий порог терпимости к насилию в бытовых отношениях провоцирует совершение более тяжких насильственных преступлений.

По статистике, подавляющее большинство правонарушений в быту совершается в условиях общения членов семьи, родственников, соседей или друзей. Объектами посягательства чаще всего становятся женщины и дети. Как правило, бытовому правонарушению предшествуют длительные конфликты между пострадавшим и лицом, совершившим бытовое правонарушение, которые часто создают правовую и моральную основу для вмешательства органов внутренних дел в их разрешение.

Среди служб и подразделений органов внутренних дел, которые принимают участие в борьбе с правонарушениями в сфере бытовых отношений, ведущая роль принадлежит участковым уполномоченным милиции. Они обязаны выявлять на административном участке лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, хронических алкоголиков, психически больных, создающих непосредственную опасность для себя и окружающих; применять к указанным лицам своевременные меры профилактического правового и медицинского воздействия с целью недопущения совершения ими преступлений и административных правонарушений [2].

Анализ практики показывает, что большинство правонарушений в семейно-бытовых отношениях совершается в условиях очевидности, когда об этом знает значительное число посторонних лиц.

Однако семейно-бытовые конфликты могут носить скрытый, порой внешне ненаблюдаемый характер. Это происходит часто в силу того, что лицо, пострадавшее от бытового правонарушения, не информирует об этом родственников, знакомых, коллег по работе и учебе, не обращается в милицию и лечебные учреждения. Как показывает практика, в целях предупреждения тяжких насильственных преступлений участковому уполномоченному милиции необходимо выявить лиц, совершающих незначительные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, когда еще не вполне оформились их жизненные антиобщественные установки.

Работа участкового уполномоченного милиции по предупреждению правонарушений в быту складывается из нескольких стадий:

- выявление правонарушителей;
- постановка совершающих правонарушения лиц на учет;
- осуществление индивидуально-профилактического воздействия в отношении лиц, совершающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

Анализ практики свидетельствует, что наиболее часто семейные правонарушители выявляются в результате изучения поступающих к участковому уполномоченному милиции документов и материалов. К ним можно отнести заявления, сообщения граждан, должностных лиц предприятий, учреждений организаций, где работает или учится лицо, в отношении которого совершаются правонарушения в быту. Также информацию о бытовых правонарушителях можно получить из материалов об отказе в возбуждении уголовных дел, материалов, поступающих из органов прокуратуры, следствия, дознания, исправительных учреждений, травматологических пунктов, бюро судмедэкспертизы, материалов мировых судов по делам частного обвинения, включая те, которые закончились примирением сторон.

Для получения информации о бытовых правонарушителях участковому уполномоченному милиции целесообразно при заступлении на службу проверять соответствующие журналы учета лиц, доставленных в дежурную часть органа внутренних дел. Сотрудники дежурной части органа внутренних дел обычно первыми получают сообщения от граждан и должностных лиц об антиобщественном поведении людей в быту, часто сами прини-

мают меры к неотложному вмешательству в бытовые правонарушения, получают из медицинских учреждений информацию о лицах, доставленных туда с телесными повреждениями, направляют лиц в медицинский вытрезвитель.

В случае если бытовые правонарушения носят скрытый характер, участковому уполномоченному милиции необходимо устанавливать доверительные отношения с кругом лиц, которые вероятнее всего могут владеть информацией о конфликтующих в быту лицах [2]. Такими сведениями, как правило, располагают домохозяйки, пенсионеры, лица, работающие в качестве прислуги, работники жилищно-коммунальных контор, общежитий.

Лицо, совершающее правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений может быть выявлено и самим участковым уполномоченным милиции при осуществлении своих служебных обязанностей. В частности это может произойти в ходе посещения жилья граждан во время проверки паспортного режима, проверки лиц, состоящих на учете по другим основаниям, при рассмотрении материалов, находящихся в производстве у участкового уполномоченного милиции и, конечно, при первичном реагировании на семейный конфликт участковым уполномоченным милиции. В последнем случае для избежания негативных последствий участковый уполномоченный милиции должен знать и применять на практике алгоритм действий при разрешении бытовых конфликтов:

- при реагировании на бытовое правонарушение участковый уполномоченный милиции должен зафиксировать эту информацию в соответствующем журнале и проинформировать об этом дежурного по органу внутренних дел;

- по возможности целесообразно реагировать на бытовые конфликты в составе не менее двух сотрудников милиции или привлекать для этого внештатных сотрудников милиции, членов добровольных народных дружин или иную общественность;

- при разрешении бытового конфликта необходимо обращаться вежливо и тактично с обеими конфликтующими сторонами;

- при разбирательстве конфликта следует выяснять причины, связанные с конфликтом (имели ли место ранее бытовые конфликты, в чем они выражались, их последствия, кто инициатор);

- участковый уполномоченный милиции должен избегать при разбирательстве в бытовом конфликте поспешных выводов и высказываний;

- для фиксации бытового правонарушения необходимо просить не только конфликтующие

стороны, но и непосредственных свидетелей конфликта, членов семьи, соседей;

- участковый уполномоченный милиции обязан принять все меры по недопущению перерастания конфликта в более серьезное правонарушение, попытаться путем профилактических бесед примирить конфликтующие стороны;

- в случае наличия достаточных оснований задержать бытового правонарушителя и доставить его в орган внутренних дел или медицинский вытрезвитель [3];

- при необходимости участковый уполномоченный милиции должен оказать помощь потерпевшей стороне покинуть жилье, где находится инициатор бытового конфликта, в целях избежания более серьезных последствий для пострадавшего лица;

- участковый уполномоченный милиции при разбирательстве в бытовом конфликте должен соблюдать меры личной безопасности и безопасности лиц, находящихся с ним, а также быть готовым к внезапному нападению со стороны конфликтующих сторон.

При выявлении семейно-бытового правонарушения участковый уполномоченный милиции ставит его на списочный учет, предусмотренный Паспортом на административный участок. Однако при решении вопроса о постановке на учет бытового правонарушителя участковый уполномоченный милиции может столкнуться с рядом трудностей. Как свидетельствует практика, лица, которые стали объектами посягательства со стороны бытовых правонарушителей, считают, что с течением времени отношения могут прийти в норму, у жертвы зачастую возникает жалость к правонарушителю либо она боится его, а также не хочет, чтобы об имеющихся конфликтах в семейно-бытовых отношениях узнали окружающие. При такой жизненной позиции лица, пострадавшего в быту, участковому уполномоченному милиции очень сложно осуществлять профилактические меры в отношении правонарушителя. В связи с этим участковый уполномоченный милиции должен знать и разъяснять лицам, пострадавшим в быту, что домашнее насилие – это повторяющийся с увеличением частоты цикл.

Как правило, раз начавшись, домашнее насилие само по себе не прекратится. Оно носит циклический характер и имеет три фазы. К первой фазе, как показывают материалы исследований, относится период, когда возникают первые противоречия между членами семейных отношений по различным жизненным вопросам. Это формирует у

конфликтующих сторон комплекс отрицательных переживаний, которые, накапливаясь, приводят к тому, что между членами семьи возникают противоречия в форме конфликтов. Их содержанием могут быть супружеские разногласия, супружеская неверность, нежелание члена семьи продолжать совместное проживание со своим родственником в связи с употреблением последним спиртных напитков, наркотических веществ, крахом жизненных интересов, смертью близкого человека. Именно на этом фоне часто формируются неприязненные отношения, бытовой правонарушитель злится, ищет повод для выхода своей агрессии.

Во второй фазе скопившееся напряжение выливается во взрыв, то есть происходит само бытовое правонарушение в любой форме. Этот период является самым опасным для жертвы и для нее могут наступить тяжкие последствия.

Третья фаза характеризуется периодом раскаяния и относительного спокойствия, когда лицо, совершившее правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, сожалеет о содеянном, пытается загладить вину перед жертвой. Именно в этот период пострадавшее лицо верит в искренность бытового правонарушителя и попадает в ловушку. Эта фаза создает у пострадавшего иллюзию, что возможно улучшение семейных отношений, что бытовой правонарушитель все осознал и в дальнейшем не будет в отношении жертвы совершать противоправные действия. Как показывает практика, долго эта фаза не может продолжаться. Наступает период, когда правонарушитель вновь становится раздражительным и может решать назревшие проблемы только путем совершения правонарушений. Третья фаза опять переходит в первую, и круг для жертвы замыкается. С течением времени период примирения уменьшается и может исчезнуть совсем, а период совершения правонарушений, наоборот, увеличивается.

Во избежание нарушения конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), на неприкосновенность частной жизни, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), на неприкосновенность жилища (ст. 25) [1] участковый уполномоченный милиции при решении вопроса о постановке на профилактический учет лица, совершающего правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, должен иметь законные основания и поводы. В приказе МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900 «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции» не оговаривается, при каких

условиях лица данной категории ставятся на учет. Однако, как показывает практика, данная категория граждан ставится на профилактический учет при наличии в их действиях системы правонарушений в быту (более двух раз в течение года), подтвержденных документально. Если антиобщественное поведение бытового правонарушителя не носит систематический характер, то за его поведением участковый уполномоченный милиции обязан организовать контроль по месту жительства, используя силы общественности. Данное требование необходимо реализовывать всегда, поскольку игнорирование этого обстоятельства мешает возможности своевременно поставить лицо на учет и принимать к нему профилактические меры.

Успешное предупреждение правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, требует от участкового уполномоченного милиции тщательного ежедневного планирования, направленного на осуществление профилактического воздействия на лиц, от которых можно ожидать противоправного поведения в быту. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующие категории лиц:

- отбывшие уголовное наказание за преступления, совершенные в быту;
- предоставляющие помещения для занятия проституцией, наркоманией, токсикоманией;
- освобожденные из мест лишения свободы, в отношении которых установлены ограничения в соответствии с законом;
- освобожденные от уголовной ответственности за преступления, совершенные в быту, по нереабилитирующим основаниям;
- являющиеся хроническими алкоголиками и состоящие по этому поводу на учете в учреждениях здравоохранения;
- больные наркоманией, а также допускающие потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача, состоящие на учете в учреждениях здравоохранения;
- психически больные, представляющие непосредственную опасность для себя и окружающих;
- имеющие огнестрельное оружие и находящиеся в неприязненных отношениях с членами семьи и соседями;
- не выполняющие обязанности по воспитанию детей;
- несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних за правонарушения, совершенные в быту, и склонные к агрессивному поведению.

После выявления и постановки на профилактический учет лица, совершающего правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений, начинается период осуществления индивидуально-профилактического воздействия со стороны участкового уполномоченного милиции в отношении данного лица. Если в течение года лицо, состоящее на учете, не допускает правонарушений, то оно снимается с учета.

В целях повышения эффективности профилактического воздействия на бытового правонарушителя необходимо предварительно изучить его. Анализ практики показывает, что данная категория подучетных условно делится на две группы.

Первые – менее агрессивные, которые, как правило, не проявляют склонность к физическому насилию. Поведение лиц, к которым это относится, характеризуется словесными оскорблениями, но их действия носят умеренный характер. При условии, что такие лица не уклоняются от общественно полезного труда, имеют положительные характеристики по месту работы и проживают с семьей, прогноз их поведения относительно благополучен. Воздействуя на эту категорию правонарушителей, можно рассчитывать на помощь большого круга лиц как по месту жительства, так и по месту работы.

В некоторых случаях действия менее агрессивных лиц, склонных к правонарушениям в сфере семейно-бытовых отношений, нередко провоцируются неправильным поведением окружающих, поэтому, проводя профилактические беседы с семейными правонарушителями, необходимо воздействовать и на другую конфликтующую сторону в целях оздоровления обстановки.

Вторая категория семейных правонарушителей – это лица, которые тяготеют к причинению физического и имущественного вреда, то есть совершению административно-наказуемых либо преступных деяний. Здесь при наличии отрицательной характеристики, склонности к тунеядству, злоупотреблению алкоголем, прогноз поведения лица нельзя считать благополучным. В этом случае участковому уполномоченному милиции помимо профилактических бесед необходимо применять более активные меры правового воздействия.

Особую тревогу и беспокойство на практике вызывают домашние правонарушители, которые ранее отбывали уголовное наказание в местах лишения свободы. Как правило, они проявляют повышенную агрессивность, особенно в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, угрожая жизни и здоровью супругов, сожителей, сосе-

дей, знакомых. Данная группа лиц требует к себе особого внимания. Следует их приглашать для беседы в служебный кабинет, встречаться с ними в непринужденной обстановке, в общественных местах, по месту их жительства. В случае совершения серьезного противоправного деяния необходимо принять все исчерпывающие меры для привлечения их к ответственности.

Участковый уполномоченный милиции, приступая к осуществлению профилактического воздействия в отношении правонарушителя в быту, должен знать черты его характера, культурный уровень, отношение подучетного к членам семьи, соседям, его антиобщественные интересы и устремления [4, с. 136]. Необходимо выяснить время возникновения конфликта, причины, его вызвавшие, особенности поведения правонарушителя в конфликтных ситуациях.

При осуществлении профилактической работы в сфере быта участковый уполномоченный милиции должен также уделять внимание и жертве бытового конфликта, так как любое проявление домашнего насилия является психологической травмой для пострадавшей стороны. Как показывают исследования, психологическая травма нарушает целостность психологических защит человека и поражает различные аспекты личности. Чем сильнее травма, тем более тяжелые и длительные последствия она вызывает. Участковый уполномоченный милиции должен помнить, что необходимо поддержать обратившуюся к нему жертву бытового конфликта, верить тому, что она говорит, попытаться убедить ее в том, что с его стороны будут приняты все меры для нормализации обстановки в семейных отношениях. Разговор с участковым уполномоченным милиции о пережитом насилии может оказаться жизненно необходимым для жертвы, ведь обсуждение случившегося с пострадавшим в сфере семейно-бытовых отношений является фактором признания проблемы и помогает пострадавшему избавиться от изоляции, которая создается атмосферой насилия.

В деятельности участкового уполномоченного милиции имеется значительное число мер профилактического воздействия, которые он может использовать в отношении лица, совершающего правонарушения в быту. Их выбор зависит от ряда обстоятельств:

- личности правонарушителя;
- действий, которые он совершает правонарушитель;
- отношения к происходящему со стороны лица, пострадавшего в быту;

– имеющегося прогноза развития ситуации в сфере семейно-бытовых отношений.

Как показывает практика, действенным рычагом воздействия на правонарушителей в быту является метод убеждения. Последний представляет собой комплекс воспитательных мероприятий, применяемых в целях переориентации антиобщественного поведения подучетного лица.

Формой реализации метода убеждения является профилактическая беседа. При осуществлении ее недопустим шаблон. Необходимо заранее собрать нужную информацию о профилактируемом лице, определиться с местом, где будет проводиться беседа, определить, кто будет присутствовать при этом.

В ходе беседы с правонарушителем участковый уполномоченный милиции должен использовать знания, касающиеся общей характеристики лиц, склонных к насилию в быту. Как показывает практика, данные лица убеждены в правильности всех стереотипов о насильственных отношениях в сфере семейно-бытовых отношений; агрессивны с детьми и домашними животными; перекладывают вину за свои действия на других; часто патологически ревнивы; нередко представляют собой двойственную личность; не осознают, что агрессивное поведение может иметь серьезные последствия; физически грубы со слабыми; грозят покончить с собой, если жертва пытается вырваться из создавшейся ситуации в семейных отношениях; оправдывают акты насилия алкогольным или наркотическим опьянением; совершают словесное насилие по отношению к другим; переносят в свою семью опыт насилия, полученный в родительской семье.

Участковый уполномоченный милиции должен помнить, что в тактическом плане наиболее важны первичные беседы с правонарушителем, в ходе которых необходимо установить психологический контакт с ним. Для этого следует дать ему возможность спокойно высказаться, проявляя при этом внимание и терпение, избегая конфликтных ситуаций. Ни в коем случае нельзя занимать обвинительную позицию в общении с профилактируемым [5, с. 99]. Тактически будет правильным, если участковый уполномоченный милиции выявит положительные качества и черты у своего собеседника и будет акцентировать на них внимание. Следует помнить, что первичные беседы с правонарушителем должны быть продолжительными по времени, так как краткосрочные беседы желаемого результата не дают.

После установления психологического контакта со своим собеседником участковый уполномо-

ченный милиции должен постараться разъяснить ему всю бесперспективность его антиобщественного поведения в сфере семейно-бытовых отношений. Однако участковому уполномоченному милиции не следует делать по этому поводу поспешных выводов.

В рамках реализации метода убеждения участковый уполномоченный милиции для воздействия на бытового правонарушителя должен использовать возможности его родственников, друзей, коллег по работе. Данный тактический прием оправдан и зачастую приносит положительные результаты.

Для эффективности работы в отношении бытовых правонарушителей, когда исчерпаны все иные профилактические меры воздействия, участковый уполномоченный милиции должен использовать и метод принуждения, который включает в себя меры административно-правового и уголовного характера.

Лицо, совершающее правонарушения в быту, может быть привлечено к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). Для этого необходимо установить, был ли нарушен общественный порядок, имеются ли свидетели, подтверждающие это.

С целью предупреждения тяжких преступлений против личности, а также преступлений средней тяжести, посягающих на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, свободу личности, к которым относятся такие преступления, как убийство (ст.ст. 105–107 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (ст.ст. 111, 112 УК РФ), изнасилование и насильственные действия сексуального характера (ст.ст. 131, 132 УК РФ), участковый уполномоченный милиции должен использовать так называемые «превентивные» составы преступлений, входящие в причинный комплекс тяжкой насильственной преступности в сфере быта и инициативно выделяемые сотрудниками органов внутренних дел. К ним, в частности, относятся:

1) преступления против здоровья, умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), истязания (ст. 117 УК РФ);

2) преступления, опасные для жизни и здоровья, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);

3) преступления против свободы, чести и достоинства – незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), клевета, оскорбление (ст.ст. 129, 130 УК РФ);

4) Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, при-

нуждения к действиям сексуального характера (ст.ст. 133 УК РФ);

5) преступления против семьи и несовершеннолетних – вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ).

Таким образом, комплексно используя все имеющиеся методы и средства профилактического воздействия, учитывая при этом в каждом конкретном случае индивидуальные качества личности правонарушителя и его жертвы, участковые уполномоченные милиции могут реально влиять на состояние и количество правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
2. О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции : приказ МВД России от 16 сент. 2002 г. № 900 // Рос. газ. – № 1026-1. – 2002 нояб.
3. О милиции : закон Рос. Федерации от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Ведомости СНД и Верхов. Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503.
4. Конькова, Т. Ю. Организация работы УУМ по предупреждению и раскрытию правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений / Т. Ю. Конькова // Организационно-правовые основы деятельности участковых уполномоченных милиции : курс лекций. – Домодедово, 2004.
5. Черепанов, А. В. Организация деятельности участкового уполномоченного милиции / А. В. Черепанов. – М., 2002.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Черепанов,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин Челябинского
института (филиала) Уральского академии
государственной службы, доцент

А.Д. Магденко,
доцент кафедры административного
права и административной деятельности
Челябинского юридического института
МВД России, кандидат юридических
наук, доцент

Проблема процессуального регулирования оснований, условий и порядка реализации материальных норм административного права в настоящее время в связи с проводимой административной реформой является как никогда острой, так как во многих законах и других нормативных правовых актах не прописан или прописан не достаточно полно механизм их реализации. Следовательно, возникает необходимость принятия административно-процессуального кодекса. Этот вопрос обсуждается уже не первый год. Так, еще в 1996 г. Указом Президента РФ «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы» перед Правительством РФ была поставлена задача подготовки проектов административного и административно-процессуального кодексов.

Однако основной проблемой при подготовке проектов данных кодексов явилось отсутствие единого понимания, сущности и социального назначения административного процесса, что позволило бы отграничить материальные административно-правовые нормы от процессуальных норм права.

В настоящее время вопрос об административном процессе остается едва ли не самым дискуссионным в юридической науке. Часть ученых считает необходимым выделить административный процесс в отдельную отрасль российского права, в то время как другая часть не желает признавать административный процесс отдельной, самостоятельной отраслью права. В настоящее время существует несколько подходов к пониманию административного процесса.

Первый подход можно назвать расширенным. Сторонниками этого подхода являются Д.Н. Бахрах, В.М. Манохин, В.Д. Сорокин, В.И. Новоселов, И.В. Панова и др., которые полагают, что административным процессом охватываются все индивидуальные дела, возникающие в сфере государственного управления.

Второй подход сводит административный процесс только к административно-юрисдикционной

деятельности, то есть деятельности специально уполномоченных субъектов по рассмотрению и разрешению административно-правовых споров. Деятельность по рассмотрению других индивидуальных управленческих дел они относят к административным производствам, то есть тем самым искусственно отделяют административные производства от административного процесса. Данного подхода придерживаются А.А. Демин, Н.Г. Салищева и др. Однако на наш взгляд, административные производства – это составляющие административного процесса.

Административно-юрисдикционная деятельность является только частью административного процесса, так как административно-юрисдикционными полномочиями обладают далеко не все субъекты исполнительной власти, поэтому она и не может отождествляться с административным процессом.

Кроме этих двух подходов к пониманию административного процесса существуют и иные точки зрения. Так, например, Ф.Д. Финочко считает, что административно-правотворческий процесс не может относиться к административному процессу, так как в данном случае речь идет об установлении общеобязательных правил поведения (принятии норм административного права), а не о разрешении индивидуальных управленческих дел [6, с. 7].

А.В. Самойленко, А.П. Ключниченко и другие под административным процессом понимают рассмотрение административных споров посредством принудительной реализации материальных правовых норм. Несмотря на разные подходы к пониманию административного процесса, все ученые сходятся во мнении, что процессуальные нормы обеспечивают реализацию материальных норм.

Необходимо также заметить, что административно-процессуальные нормы служат средством реализации не только материальных норм административного права, но и ряда других отраслей,

например, земельного, градостроительного, финансового, экологического права и др. В связи с этим ряд ученых считают необходимым выделение земельно-процессуального права, финансово-процессуального права и др. По нашему мнению, выделение новых процессуальных отраслей нецелесообразно, так как административно-процессуальные нормы учитывают специфику конкретных общественных отношений, обязательным субъектом которых является субъект исполнительной власти.

В административно-правовой науке также нет единого подхода к определению стадий административного процесса. Так, например, Д.Н. Бахрах выделяет три стадии административного процесса, к которым относит [1, с. 156; 2, с. 146-147]:

- стадию анализа ситуации;
- стадию принятия решения;
- стадию исполнения решения.

Ю.А. Дмитриев, рассматривая производство по принятию нормативных правовых актов государственного управления, определяет пять стадий, к которым относит [3]:

- стадию подготовки проекта нормативного правового акта управления;
- стадию рассмотрения проекта нормативного правового акта управления;
- стадию принятия нормативного правового акта управления;
- стадию государственной регистрации нормативного правового акта управления;
- стадию опубликования и вступления в силу нормативного правового акта управления.

Мы считаем, что необходимо выделить четыре стадии административного процесса:

- стадию возбуждения управленческого дела;
- стадию рассмотрения управленческого дела и принятия государственно-властного решения;
- стадию обжалования (опротестования) принятого по делу решения;
- стадию исполнения принятого по делу решения.

Несмотря на различие в подходах к пониманию сущности административного процесса, можно выделить следующие его основные черты:

- административный процесс – это один из видов юридического процесса и наряду с такими юридическими процессами, как уголовный, гражданский, бюджетный, обладает общими признаками: государственно-властный характер, регламентация процессуальными нормами, общеобязательность;
- административный процесс – это часть государственно-управленческой деятельности, это юридическая форма реализации исполнительной власти;

– административный процесс служит целям реализации материальных норм, как правило, административного права;

– административный процесс также служит целям реализации материальных норм иных отраслей права, например земельного, финансового, семейного и др.;

– административно-процессуальные нормы реализуются субъектами исполнительной власти всех уровней (федерального и субъектов Российской Федерации), а также другими специально уполномоченными субъектами;

– административный процесс имеет более сложную структуру производств, чем другие виды юридического процесса, что объясняется большим разнообразием индивидуальных дел, возникающих в сфере государственного управления.

В среде ученых-административистов существуют также различные подходы к структуре административного процесса.

Например, В.Д. Сорокин считает, что административный процесс состоит из административных производств. Ю.А. Дмитриев, А.А. Евтеева, С.М. Петров разграничивают административно-процедурный процесс и административно-юрисдикционный процесс. Д.Н. Бахрах выделяет административно-правотворческий, административно-правонаделительный и административно-юрисдикционный процессы [2; 3; 5, с. 130].

На наш взгляд, административный процесс необходимо подразделить на три вида:

– административно-правотворческий процесс, который представляет собой деятельность субъектов исполнительной власти по подготовке и принятию нормативных правовых актов управления;

– административно-применительный процесс, который представляет собой урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность специально уполномоченных субъектов исполнительной власти, направленную на разрешение конкретных управленческих дел;

– административно-юрисдикционный процесс, который представляет собой деятельность субъектов исполнительной власти по разрешению споров, возникающих в сфере государственного управления, а также по применению мер административного и дисциплинарного наказания.

Что касается принципов административного процесса, то здесь тоже не существует единой точки зрения. Так, по мнению И.В. Пановой [4, с. 21], к принципам административного процесса относятся:

- принцип законности;
- принцип объективной (материальной) истины;

- принцип равенства сторон;
- принцип обеспечения охраны прав субъектов административного процесса;
- принцип гласности;
- принцип осуществления процесса на национальном языке;
- принцип быстроты (оперативности, экономичности, эффективности) процесса;
- принцип самостоятельности принятия решения;
- принцип двухступенчатости административного процесса;
- принцип ответственности должностных лиц за ненадлежащее ведение процесса и за принятый акт (решение, постановление и т.п.);
- принцип активности правоприменительных органов;
- принцип сочетания интересов личности, общества и государства.

Ю.А. Дмитриев выделяет также принцип компетентности, принцип доступности, принцип экономичности.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным дать определение административного процесса в следующей редакции. *Административный процесс* – это:

во-первых, система административно-процессуальных норм, регулирующих порядок рассмотрения и разрешения индивидуальных дел в сфере государственного управления;

во-вторых, облеченная в административно-процессуальную форму деятельность специально уполномоченных субъектов, как правило, субъектов исполнительной власти, направленная на рассмотрение и разрешение индивидуальных дел в сфере государственного управления.

Как уже было отмечено выше, административный процесс состоит из административных производств. По общему правилу под административным производством понимается система администра-

тивно-процессуальных норм, регулирующих вопросы рассмотрения и разрешения однородных дел в сфере государственного управления. Административное производство также можно рассматривать как облеченную в административно-процессуальную форму деятельность специально уполномоченных лиц, направленную на рассмотрение и разрешение однородных управленческих дел в сфере государственного управления.

Единого подхода к вопросу о видах административных производств в настоящее время также не существует. Принято выделять следующие виды административных производств:

- производство по обращениям граждан, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций;
- разрешительное (лицензионное) производство;
- регистрационное производство;
- поощрительное производство;
- дисциплинарное производство;
- учредительное производство;
- административно-договорное производство;
- приватизационное производство;
- исполнительное производство;
- производство по делам об административных правонарушениях;
- согласительное производство;
- производство по патентам и изобретениям;
- производство по принятию нормативных правовых актов управления;
- производство по применению мер административного принуждения, не являющихся мерами юридической ответственности, и др.

Из всего изложенного видно, что в науке нет единого подхода к пониманию предмета административно-процессуального права, что не позволяет в настоящее время построить систему административно-процессуального законодательства, а следовательно, и решить вопрос с подготовкой и принятием административно-процессуального кодекса.

Литература

1. Бахрах, Д. Н. Административное право / М. Бахрах. – М., 1996.
2. Бахрах, Д. Н. Административное право / М. Бахрах. – М., 2002.
3. Дмитриев, Ю. А. Административное право Российской Федерации / Ю. А. Дмитриев. – М., 2008.
4. Панова, Н. В. Курс административно-процессуального права России / Н. В. Панова. – Саратов, 2000.
5. Сорокин, В. Д. Административно-процессуальное право : учеб / В. Д. Сорокин. – СПб., 2008.
6. Финочко, Ф. Д. Процессуальные гарантии в производстве дел об административных нарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. Д. Финочко. – Харьков, 1968.

II. УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Р.Г. Аксенов,
начальник адъюнктуры
Тюменского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

В.А. Афицинский,
доцент кафедры
«Финансы и кредит» Института
экономики и управления Читинского
государственного университета

На протяжении двенадцати лет на территории нашего государства действуют нормы Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации». За прошедшее время население достаточно привыкло к возможности регистрации и учета индивидуальных данных, что уже не считает это унижением и ущемлением своих прав и свобод. Порядок реализации положений указанного закона определяется ведомственной нормативной базой, предполагающей помимо непосредственно дактилоскопической информации фиксацию сведений о группе крови и регистрации по месту жительства. Отдельные ученые, давая положительную оценку созданному порядку дактилоскопической регистрации, предлагали в перспективе при развитии компьютерной техники и уменьшении размеров носителей информации, помещать в гражданский паспорт индивидуальный код с информацией о человеке с целью его возможной идентификации (в том числе о группе крови, резус-принадлежности, а также дактилоформулу) [13, с. 117].

Однако такая перспектива на сегодняшний день уже становится ретроспективой. В первую очередь, кодирование перечисленной информации и внесение ее в системы учетов Федеральной миграционной службы займет много времени, поскольку расчет дактоформулы достаточно сложная операция, освоенная не каждым криминалистом. Для упрощения этой процедуры потребуются разработка специальной программы. А выяснение групповой принадлежности крови и ее резуса потребует обращения к услугам медиков. Кроме этого, малое количество групп и резусов крови не решает идентификационной задачи. В настоящее время в теории криминалистической идентификации развивается новое направление – идентификация личности по генотипу. Поскольку генотип

человека обладает строго индивидуальными признаками, позволяющими производить идентификацию лица с большей вероятностью, чем все остальные способы, то развитие именно этого направления регистрации в итоге приведет к факультативности иных идентификационных видов учетов и упрощению системы криминалистической регистрации. Так, в Министерстве обороны РФ существует проблема идентификации погибших военных в местах боевых действий. До настоящего времени не опознаны трупы солдат, погибших еще в первую чеченскую кампанию [14]. Дактилоскопическая регистрация этой проблемы не решает по причине ведомственных и организационных сложностей [4, с. 39–41], а также по причине отсутствия объектов, содержащих идентификационные признаки, поскольку при возможных террористических актах, боевых действиях при попадании в эпицентр взрыва погибшие, как правило, теряют конечности. Кисти и пальцы рук в результате взрыва зачастую отрывает и отбрасывает на несколько десятков метров, что затрудняет их поиск и установление принадлежности конкретному телу погибшего. Эту проблему без труда разрешил бы ДНК-учет. При этом изъятие образцов крови для определения генотипа возможно было бы осуществлять при прохождении военно-врачебной комиссии для всех сотрудников силовых ведомств.

Высокую эффективность баз данных о генетических признаках показал зарубежный опыт их практического использования. Так, в Великобритании уже в 1994–1995 гг. база данных о генотипах использовалась при расследовании 300 преступлений, при этом было зафиксировано более 50 случаев нахождения в ней генотипа, соответствующего профилю ДНК, выявленному в исследуемом объекте [12, с. 128].

В России данное направление криминалистической регистрации является пока относительно

молодым. Ее нормативной основой выступает Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [10]. Данный нормативный акт определяет содержание деятельности, осуществляемой государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации. Однако уже с момента принятия и вступления в силу указанного закона его нормы стали подвергаться серьезной критике [6, с. 16–22]. В частности, геномная регистрация лиц, чьи профессии связаны с риском для жизни, так и осталась в числе пожеланий ученых [9], которые не были восприняты законодателем. Статья 7 обсуждаемого закона в числе обязательных объектов регистрации называет лишь лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; неопознанные трупы. В остальных случаях предусмотрена платная добровольная регистрация. На наш взгляд, в указанный закон целесообразно внести изменения по аналогии с Федеральным законом «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» и добавить в ст. 7 закона к объектам обязательной геномной регистрации граждан РФ, призываемых и проходящих службу в силовых структурах; спасателей профессиональных аварийно-спасательных служб и профессиональных аварийно-спасательных формирований РФ; членов экипажей воздушных судов государственной, гражданской и экспериментальной авиации РФ. Также, на наш взгляд, в перспективе следует регистрировать геном граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности, если установить указанные данные иным способом невозможно; подозреваемых (обвиняемых) в совершении любых, а не только тяжких и особо тяжких преступлений, либо осужденных за совершение любых преступлений, а с учетом увеличения проблем, связанных с незаконной миграцией, целесообразно ставить на ДНК-учет иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению (депортации) за пределы территории РФ и прибывших в РФ в поисках убежища и

подавших ходатайства о предоставлении политического или иного убежища либо о признании их беженцами на территории РФ.

В будущем, по нашему мнению, следовало бы ввести обязательную геномную регистрацию для всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации. При условии введения обязательной геномной регистрации соответствующие образцы биологических выделений для постановки на учет возможно было бы взять при проведении различных диспансеризаций и медицинских осмотров, что в отличие от дактилоскопирования позволяет охватить все население страны без наличия необходимых для дактилоскопирования навыков и приспособлений. Выявленный при последующих исследованиях генетический код заносился бы в паспорт (по аналогии с группой крови) или свидетельство о рождении. Причем регистрацию можно будет осуществлять с самого рождения ребенка, что исключит случайные или умышленные подмены детей. В последующем факт генетической регистрации будет иметь и профилактическую роль в отношении особенно подростков, склонных к антиобщественному поведению. Наличие их генотипа в базе данных будет служить сдерживающим фактором для несовершеннолетних при намерении совершить противоправное деяние.

Такой учет лиц по ДНК-формуле может быть организован на двух уровнях. На первом уровне он может вестись Министерством здравоохранения и социального развития и учитывать все население страны. На втором уровне будет концентрироваться информация о лицах, совершивших преступления и правонарушения, находящаяся в информационных массивах ГИАЦ МВД России. К сожалению, реализация норм закона о геномной регистрации к тому же не получила надлежащего ведомственного разрешения. В настоящее время ведется активная работа по созданию банка молекулярной информации и ведения на его базе соответствующего учета ЭКЦ МВД России [2]. Однако этот криминалистический учет содержит информацию о ДНК биологических объектов, изъятых с мест нераскрытых преступлений, и неопознанных трупов. Относительно концентрации, систематизации, обработки и использования геномной информации о выделенных в законе объектах учета (лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности и лиц, желающих пройти добровольную геномную

регистрацию) ведомственное нормативное регулирование отсутствует. Например, Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов органов внутренних дел Российской Федерации (точные данные приказа МВД России, утвердившего данное Наставление, не приводим ввиду ограниченного грифа использования) в описании порядка ведения учетов не содержит указания о получении и обработке геномной информации. В информационно-поисковой карте, учетно-алфавитной и розыскной карточках, заполняемых на лицо, совершившее преступление, не предусмотрено графа для внесения геномной информации. Нет таких граф даже в опознавательной карте, заполняемой на неопознанный труп и без вести пропавшее лицо. В то же время использование геномной информации в Централизованном учете лиц, пропавших без вести, и неопознанных трупов позволит ждать совпадения информационного кода в этих двух массивах. На наш взгляд, нормативно должно быть закреплено назначение молекулярно-генетической экспертизы при обнаружении трупа и истребовании вещей без вести пропавшего лица, содержащих на себе его биологические выделения (как правило, потожировые выделения на белье, головных уборах, шарфах, воротах иной одежды и пр.). Результаты данной экспертизы затем должны быть занесены в соответствующий массив указанного вида учета. Это позволит упростить и ускорить процесс идентификации с помощью криминалистических учетов. Исключение составит определенная доля трупов, код ДНК которых не будет находить подтверждения в массиве без вести пропавших. Как верно указано В.О. Петросяном, отмечается парадоксальная тенденция: начиная с 1994 г. по России количество неопознанных трупов ежегодно превышает количество без вести пропавших граждан [7, с. 37–40]. Превышение числа неопознанных трупов над количеством пропавших без вести можно объяснить увеличением доли социально запущенных групп населения (например, лиц без определенного места жительства и мигрантов).

Минимизировать это количество неустановленных трупов возможно за счет учета лиц без определенного места жительства, посещающих ночлежки, дома милосердия, благотворительные столовые, задержанные органами внутренних дел в связи с каким-либо правонарушением. Получение от них образцов биологических выделений, необходимых для определения формулы ДНК, может

быть обоснованно не только необходимостью их учета, а в первую очередь, социально-медицинскими критериями для выявления, лечения и профилактики различных инфекционных заболеваний, разносчиками которых они нередко бывают. Естественно, в целях соблюдения прав человека такая регистрация должна первое время осуществляться на добровольной основе. Однако добровольность не исключает активной пропаганды необходимости такой процедуры даже хотя бы с позиции разъяснения прав лиц БОМЖ на захоронение и достойное отношение к их телам после смерти [1].

Указанные меры позволили бы существенно облегчить сбор идентификационной информации на без вести пропавших лиц, а поскольку установление личности по неопознанному трупу и розыск без вести пропавшего – встречное движение, то и количество неустановленных погибших (умерших) должно существенно снизиться.

Проблемы реализации возможностей геномной регистрации также обусловлены проблемами использования в России самих методов генотипоскопических исследований. Конечно, уровень распространения этих методов оставляет желать лучшего, поэтому сегодня данные методы и не имеют столь доступного использования, как, например, дактилоскопия¹. «Нельзя забывать, – отмечали в 2004 г. Ю.П. Дубягин, О.П. Дубягина, С.Г. Логинов, – что часто освещаемая в СМИ генная идентификация небезупречна, а главное, весьма и весьма дорогостоящее исследование, проведение которого надо относить к редким случаям» [4, с. 31].

Небезупречность метода на тот момент определялась в связи с тем, что из-за недостатка финансовых средств на реактивы эксперты в процессе анализа вынуждены были исследовать 2–3 участка (локуса) ДНК вместо 13, необходимых для однозначного решения вопроса о происхождении биологического следа от конкретного лица. Вероятность случайного совпадения при исследовании до 4 локусов оценивается как одно совпадение на 800 тыс. Например, в Великобритании после перехода в 1997 г. на исследование по 6 локу-

¹ Надежность метода ДНК-анализа можно сравнить с традиционной дактилоскопией, хотя надежность традиционной дактилоскопии в судах под сомнение не ставится, но случаи ложной идентификации преступника известны. В 1995 г. независимую проверку достоверности традиционного дактилоскопирования предприняла Международная ассоциация по идентификации личности. Первые же тесты по сравнению массива в 50 000 отпечатков пальцев и дактилограмм разных людей выявили ложную идентификацию в 22% случаев [8, с. 146].

сам вероятность была уменьшена на 37 млн. Тем не менее в 2000 г. был факт случайного совпадения. Только благодаря алиби подозреваемого (он был сильно болен и физически не мог совершить данное преступление) был проведен анализ по 10 локусам, который доказал его непричастность. И уже с 2000 г. геномную идентификацию для целей криминалистики англичане проводят по 10 локусам [8, с. 142–146].

В то же время указанные локусы, исследуемые посредством полимеразной цепной реакции (ПЦР) могут быть подвергнуты ложному типированию, поскольку в случае использования образца, загрязненного посторонней ДНК, или неправильного подбора условий ПЦР, ее чувствительность приводит к ложным выводам. Естественно, что причиной скепсиса в отношении ДНК-идентификации выступают различного рода ошибки, возникающие на каждом этапе исследования – от получения образцов до вынесения итогового заключения. Возможность перенесения ДНК с одного места на другое, смешения проб и образцов порождает проблему фальсификации судебного исследования, что выступает другой причиной аргументов о проблемности исследуемого метода идентификации. Так, израильские ученые опубликовали статью в журнале «Forensic Science International: Genetics» о возможности искусственного создания крови с иным профилем ДНК. Авторам исследования удалось сделать из образцов крови одного человека кровь, ДНК-анализ которой показал, будто бы она принадлежит другому человеку. Кроме того, они показательно воссоздали профиль ДНК определенного человека из базы данных без участия самого донора. В то же время, один из авторов статьи разработал тест для отличия сфабрикованных ДНК от настоящих [3]. Тем самым, даже если допустить возможность подделки профилей ДНК, то уже существуют методы и средства ее выявления, которые могут активно использоваться криминалистами. Кроме этого, актуальность такой подделки характерна для преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности, применительно к проблеме идентификации трупа количество биологического материала делает нецелесообразным манипуляции по фальсификации.

Третьей причиной, обуславливающей заявления о небезупречности рассматриваемого метода является редакция норм упомянутого ранее Приказа Министерства здравоохранения от 24 апреля 2003 г. № 161, утвердившего Инструкцию по организации и производству экспертных исследований в Бюро судебно-медицинских экспертиз. Так, п.п. 7.2

и 7.3 Инструкции указывают, что «тождественность аллельных профилей ДНК не влечет безусловный вывод о происхождении сравниваемых биологических объектов от одного индивидуума. Необходима вероятностная оценка генетической идентичности объектов экспертного исследования в случае неисключения. Совпадение условно отцовских (нематеринских) аллелей в генотипе ребенка с аллелями, присутствующими в геноме предполагаемого отца, не означает доказанного отцовства. Вероятностная оценка неисключенного родства строго обязательна».

Суд может признать конкретного человека погибшим или определить принадлежность лицу определенных биологических следов только на основании заключения эксперта, а при малых количествах объектов исследования (например, при полном разрушении тела при взрыве) только по результатам генетической экспертизы. Следовательно, судом выводы эксперта должны приниматься такими, какие они есть. А на основании вероятных выводов о принадлежности биологического объекта конкретному лицу не может быть построено решение суда, которое по определению вероятным не бывает. Таким образом, следуя логике рассуждений, если выводы о принадлежности биологического объекта определенному лицу могут быть только в вероятностной форме, то молекулярно-генетический метод типирования ядерной и хромосомной ДНК как метод идентификации личности следует признать несостоявшимся.

Однако, как показывает практика, это далеко не так. В настоящее время у ученых и практических экспертов не вызывает сомнения факт, что типирование комплекса индивидуализирующих генетических систем в подавляющем большинстве случаев позволяет решить вопрос идентификации личности однозначно, поскольку выявленные при этом признаки неповторимы в своей совокупности.

Другая, и как считают многие ученые и практики, основная проблема ограниченного применения молекулярно-генетической идентификации – высокая финансовая затратность метода. Так, теоретически, самым точным и информативным методом анализа индивидуальных генетических различий является секвенирование ДНК – «побуквенное» прочтение цепи ДНК. Однако секвенирование всего генома требует слишком высоких затрат времени и материальных средств. Однако эта проблема полностью зависит от государственного аппарата, в силах которого ее постепенно (в течение 2–3-х лет) решить, а значит, сделать доступным данный метод, как, например, в Великобритании. В настоящее

время основными производителями реагентов для молекулярно-генетического анализа являются зарубежные фирмы. Поэтому отечественные потребители данной продукции неизбежно сталкиваются с такими проблемами, как высокая их стоимость, долгие сроки поставки, сложности с таможенным контролем и рекламациями. Это приводит к тому, что фирменные реагенты используются неправильно, упрощаются и нарушаются технологические процедуры и схемы анализа, происходит производство самодельных реагентов, отдельных компонентов без надлежащего контроля качества и в отсутствие утвержденных стандартов.

Так, еще в 2004 г. Европейский союз планировал выделить 21 млн. евро на осуществление международного проекта в области нано- и биотехнологий. Одним из результатов работы данного европейского проекта должна стать система быстрого и достоверного анализа ДНК для применения в криминалистике. В рамках инициативы планировалась поддержка исследовательских институтов России, Китая и Израиля, стран, участвующих в проекте NACBO (Novel and Improved Nanomaterials, Chemistries and Apparatus for Nanobiotechnology). Одним из направлений исследований выступило изучение возможности использования мутаций в ДНК для определения биометрических характеристик подозреваемых. Рабочей гипотезой выступало то, что мутации, как своего рода генетические маркеры, определяют наследственность и индивидуальность человека и являются наиболее многообещающим средством для создания эффективной и экономичной системы выработки профилей ДНК. Подход на базе мутаций может оказаться особенно эффективным для проведения судебных экспертиз. Профиль на базе мутаций даст возможность с фотографической точностью идентифицировать преступника по образцам его ДНК. Профили ДНК позволяют судить о его конституции, цвете глаз и кожи, даже о чертах лица [11]. Примечательно, что речь о

данном направлении исследований ДНК велась нашими учеными за несколько лет до начала этого проекта [14, с. 139].

В связи с этим, пока государство будет предусматривать в бюджете соответствующие статьи расходов, надо уже сейчас подготовить необходимую нормативную основу. А именно следует далее развивать и совершенствовать законодательную базу в области проведения молекулярно-генетических экспертиз в части регламентирования не только самой процедуры исследования, но и разработки, производства и внедрения отечественных компонентов для молекулярно-генетических технологий, имеющих более низкую стоимость и преимущества, предоставляемые производством внутри страны (быстрота поставки, порядок расчетов, региональное дотирование и пр.).

В качестве положительного примера можно привести эффективное развитие технологий ДНК-диагностики инфекционных заболеваний. В этом направлении российскими научно-производственными фирмами созданы диагностические наборы реагентов. Отечественные наборы по своей цене и качеству полностью вытеснили зарубежные аналоги. Помимо этого в области ДНК-диагностики инфекционных заболеваний значительно решены и правовые вопросы: регламентированы правила производства и использования диагностических наборов, осуществляется контроль качества производства и проведения соответствующих анализов.

По сравнению с ДНК-диагностикой инфекций судебно-медицинские идентификационные исследования с применением молекулярно-генетических методов представляют технологии более высокого уровня сложности. Поэтому здесь развитие импортозамещающей отечественной реагентной базы требует больших усилий и времени. Тем важнее обратиться к этой проблеме безотлагательно.

Литература

1. О погребении и похоронном деле : федер. закона от 12 янв. 1996 г. № 8-ФЗ ст. 5 (в ред. ФЗ от 25 нояб. 2009 г. № 270-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 146.
2. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России № 70 от 10 февр. 2006 г.
3. Борисова, А. ДНК-подстава / А. Борисова. URL: <http://www.vechnayamolodost.ru/pages/poplem/dnkvkrsuvzago32.html> (дата обр. 12 февр. 2010 г.).
4. Дубягин, Ю.П. Особенности методики расследования неочевидных убийств / Ю. П. Дубягин, О. П. Дубягина, С. Г. Логинов. – М., 2004.

5. Перепечина, И. О. Разработка проблемы судебно-медицинской генетической идентификации / И. О. Перепечина // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2002. – № 4.
6. Перепечина, И. О. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: правовые и криминалистические аспекты / И. О. Перепечина // Вестник криминалистики. – 2010. – № 1(33).
7. Петросян, В. О. К вопросу о повышении эффективности использования научно-технических средств в розыске без вести пропавших и установлении личности трупов неизвестных граждан / В. О. Петросян // Использование современных технико-криминалистических средств и специальных познаний в борьбе с преступностью : материалы науч.-практ. конф. (Саратов, 24–25 апр. 1997 г.). – Саратов, 1998.
8. Пименов, М. Г. Современное состояние и перспективы развития метода криминалистического ДНК-анализа / М. Г. Пименов // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий : материалы межведом. науч.-практ. конф. : в 3 ч. – Саратов, 2002. – Ч. 1.
9. Сафонов, А. А. Перспективы использования Федерального закона «О государственной геномной регистрации в России» / А. А. Сафонов, А. А. Курин // Кафедра криминалистики ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко. – URL: <http://krimlguvd.org.ua/conferences/article/6> (дата обр. 26 марта 2010 г.).
10. СЗ РФ от 8 дек. 2008 г. – № 49. – Ст. 5740.
11. Уиллан, Ф. Нанотехнологии для Европы / Ф. Уиллан. – URL : <http://www.osp.ru/cw/2004/19/76879/> (дата обр. 12 февр. 2010 г.)
12. Усманов, Р. А. Теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений / Р. А. Усманов. – Челябинск, 2006.
13. Шухнин, М. Н. Неопознанный труп. Установление личности / М. Н. Шухнин. – М., 2006.
14. URL: http://www.karavan.ru/Paper2006.nsf/Article/Itogi_2006_10_07_22_5904.html (дата обр. 25 февр. 2010 г.).

ИСТОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Ю.Н. Баранов,
доцент кафедры криминалистики
Челябинского юридического
института МВД России, кандидат
юридических наук, доцент

Т.В. Попова,
заместитель начальника
кафедры криминалистики,
кандидат технических наук,
кандидат юридических наук, доцент

В работах отечественных авторов история криминалистики предстает как смена этапов, критерием выделения которых являются «представления о предмете и системе отечественной криминалистики» [1]. Исходя из обозначенных критериев, выделяются следующие этапы [2, с. 20-31]:

I. Развитие криминалистических знаний в дореволюционной России.

II. Криминалистика в период с 1917-го по 60-е гг.

III. Криминалистика в период с 70-х по 90-е гг.

IV. Криминалистика конца 90-х по настоящее время.

Обращает на себя внимание отсутствие единого подхода к хронологии выделения этапов истории криминалистики в работах отечественных авторов, выдержанной и непротиворечивой совокупности критериев определения периодов истории криминалистики, настойчивое обособление науки рамками советской истории (в большинстве работ отечественных авторов и в настоящее время используется термин «отечественная криминалистика») на фоне отсутствия переводной литературы по прикладным и теоретическим вопросам криминалистики, в том числе по истории науки.

В одной из работ 90-х годов Р.С. Белкин констатировал основные направления теоретического осмысления истории криминалистики [1, с. 265-273]. К ним он отнес:

1. Комплексные исследования, в которых сочетаются вопросы истории отдельных отраслей криминалистики, криминалистических экспертных учреждений, жизни и деятельности выдающихся ученых-криминалистов.

2. Исследования, посвященные отдельным криминалистическим учреждениям или системам таких учреждений.

3. Исследования, посвященные истории отдельных криминалистических понятий, криминалистических средств и приемов.

4. Библиографические исследования жизни и творчества выдающихся криминалистов – ученых и практиков.

Однако простое перечисление направлений не может быть использовано в качестве теоретического подхода к изучению истории криминалистики.

Как наука криминалистика сформировалась в конце XIX в. с возникновением общественной потребности в отрасли знания, основная задача которой заключалась в разработке методов обнаружения, фиксации и изучения следов преступления, регистрации преступников и расследования преступлений в целом.

К началу XXI в. накоплен материал, позволяющий исследовать ее историю. Однако задача описания истории криминалистики с обоснованным выделением этапов науки и ориентацией не только на отечественную, но и на зарубежную практику остается актуальной вследствие методологического значения истории науки.

История какого-либо явления представляет собой процесс, длящийся во времени и в пространстве. Подобный подход не используется применительно к науке, потому что по определению научное знание интернационально и не зависит от точки пространства.

Критерии выделения этапов истории криминалистики могут быть определены на основании признаков научного знания. К основным признакам науки относятся:

- наличие объекта и предмета, методологии;
- существование в виде теории, системы понятий;
- единство познавательной, объяснительной, предсказательной функций;
- новизна, обеспечивающая процесс развития.

История науки является частью ее предмета. Для сохранения предметного единства криминалистики и соответствия требованиям, предъявляемым к областям научного знания, история криминалистики, во-первых, должна соотноситься с предметом и системой науки, что определяет ее методологическое значение в структуре криминалистики; во-вторых, существовать в виде научной теории, способной выполнять познавательную, объяснительную и предска-

тельную функции; в-третьих, способствовать ее развитию.

Очевидно, что приведенная этапизация не удовлетворяет названным признакам: она не соотносится с предметом науки, не существует в виде системы понятий, то есть в виде научной теории, и не выполняет познавательную, объяснительную и предсказательную функции. В силу названных факторов представление об истории криминалистики, изложенное в рабо-

тах отечественных авторов, не способствует ее развитию.

Таким образом, представление об истории отечественной криминалистики как процессе развития, переходе системы из одного качественного состояния в другое требует внимательного изучения и формирования научной теории. Основанием выделения этапов истории является определение четких, непротиворечивых критериев оценки своеобразия науки в каждый период времени ее существования.

Литература

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3-х т. / Р. С. Белкин. – М., 1997.
2. Герасимов, И. Ф. Криминалистика : учеб. для вузов / И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко и др. ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. – М., 2000.

СЛУЧАИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ

Д.Г. Дик,
мировой судья
судебного участка № 7
Тракторозаводского района
г. Челябинска

Концептуально предварительное слушание призвано способствовать установлению наличия обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу и принятию мер к их устранению, создать предпосылки для эффективного рассмотрения уголовного дела по существу в ходе судебного разбирательства.

Частью 1 ст. 238 УПК РФ определен круг обстоятельств, препятствующих производству по уголовному делу, в случае установления которых оно приостанавливается по итогам предварительного слушания. Среди таковых выделяется случай, когда обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно, а также случай, когда отсутствует реальная возможность участия обвиняемого в судебном разбирательстве дела при известности его местонахождения.

По определению, приостановление производства по делу представляет собой обусловленный предусмотренными законом обстоятельствами перерыв на неопределенный срок процессуальной деятельности суда [11, с. 6].

Решение о приостановлении производства по делу существенным образом влияет на права лиц, участвующих в деле. Статьей 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. предусмотрено право каждого на разбирательство его дела в разумный срок [1]. Соответственно, не допустимы случаи незаконного и необоснованного приостановления производства по делу без тщательного исследования и оценки доказательств, подтверждающих обстоятельства, которые могут служить основанием для этого.

В связи с изложенным, совершенно справедливо требование закона о разрешении вопроса о возможности приостановления производства по делу с участием сторон, их представителей (потерпевшего, гражданского истца, прокурора, обвиняемых и их защитников и др.). Считаю необходимым не согласиться с тем мнением, что характер оснований для приостановления таков, что «для их исследования и подтверждения не требуется про-

ведения особых действий» [6, с. 129] и «...для решения вопроса о приостановлении дела производством достаточно мнения судьи, или заявленного ходатайства сторон, поэтому для приостановления производства по делу проведение предварительного слушания излишне, так как основания для приостановления устанавливаются с помощью документов, содержание которых очевидно и не требует дополнительного доказывания» [6, с. 129–130].

Приостановление производства по делу может иметь место при доказанности фактов, его влекущих, и не может основываться на предположениях или оперативной информации. Необходимо наличие совокупности доказательств, подтверждающих служащий основанием для приостановления производства по делу факт [5, с. 11].

Решение о приостановлении производства в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ принимается судом в случае, если факт сокрытия обвиняемого от суда стал очевиден после направления прокурором уголовного дела в суд. Представляется, что обычно указанное обстоятельство выясняется параллельно с назначением предварительного слушания по другому основанию.

Например, судьей назначается предварительное слушание на основании ходатайства стороны защиты об исключении доказательства. Все попытки суда, направленные на вызов обвиняемого на предварительное слушание, безуспешны. В таком случае направленный по месту жительства сотрудник службы судебных приставов вправе на основании опроса соседей, производства иных действий с целью установления обстоятельств отсутствия обвиняемого по месту жительства составить рапорт, а судья на основании информации, содержащейся в рапорте, с учетом мнения иных участников процесса по поводу возможности приостановления производства по делу, может признать основания для приостановления дела с объявлением обвиняемого в розыск достаточными и вынести указанное в п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ процессуальное решение.

Судья должен по возможности предпринять все действия, чтобы «убедиться и получить объективные данные о том, что обвиняемый действительно скрылся, исключить несчастный случай с ним, смерть, нахождение в больнице, арест по другому делу» [10, с. 48].

Частью 4 ст. 222, ч. 3 ст. 226 УПК РФ предусматриваются случаи, когда прокурор может напра-

вить дело в суд при невручении обвиняемому копии обвинительного заключения (акта). При этом на прокурора возлагается обязанность указания причин, по которым копия обвинительного заключения (акта) не была вручена обвиняемому. В данном случае судье надлежит проанализировать мотивы принятия прокурором решения о направлении дела в суд без вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, исследовать и оценить доказательства, представленные в обоснование принятого решения на предмет достаточности оснований для приостановления производства по делу и объявления обвиняемого в розыск. На прокуроре, участвующем в предварительном слушании, лежит бремя доказывания обоснованности принятого прокурором в порядке ч. 4 ст. 222 (ч. 3 ст. 226 УПК РФ) решения о направлении дела в суд с учетом того, что копия обвинительного заключения (акта) обвиняемому не вручена.

Как указывается в Постановлении Верховного Суда РФ № 1 от 5 марта 2004 г. (в ред. от 23 декабря 2008 г.), «суду в каждом конкретном случае необходимо выяснять, по каким причинам обвиняемому не вручена копия обвинительного заключения (обвинительного акта), оформлен ли отказ в его получении в письменном виде, подтвержден ли документально факт неявки по вызову и т.п.» [2].

Сведения об отказе от получения обвинительного заключения оформляются в письменном виде в форме рапортов, докладных. Факт неявки обвиняемого для получения копии обвинительного заключения может быть подтвержден совокупностью документов: корешком повестки с подписью обвиняемого о вызове за получением заключения, почтовым уведомлением о вручении корреспонденции, с приложением письма, свидетельствующего о цели вызова обвиняемого в прокуратуру, а также сведениями, могущими содержаться в рапорте сотрудника прокуратуры, о неявке в назначенное время и дату обвиняемого за получением обвинительного заключения (акта). Данная совокупность доказательств невручения необходима, если обвиняемый не содержится под стражей.

Поскольку ч. 3 ст. 222 УПК РФ предусматривается вручение копии обвинительного заключения обвиняемому, содержащемуся под стражей, администрацией места содержания под стражей на основании поручения прокурора, отказ от получения копии обвинительного заключения может быть подтвержден рапортом сотрудника администрации следственного изолятора.

В случае, если суд не признает законным и обоснованным решение прокурора о направле-

нии дела в суд, дело подлежит возврату прокурору на основании п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Как указывается в ч. 2 ст. 238 УК РФ, в случае когда обвиняемый скрылся и место его пребывания неизвестно, судья приостанавливает производство по уголовному делу и, если совершил побег обвиняемый, содержащийся под стражей, возвращает уголовное дело прокурору и поручает ему обеспечить розыск обвиняемого или, если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, избирает ему меру пресечения в виде заключения под стражу и поручает прокурору обеспечить его розыск.

Следует отметить, что законодатель, вменяя суду альтернативную обязанность по изменению меры пресечения на заключение под стражу, противоречит сам себе. Например, из анализа положений ст. 108 УПК РФ следует, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, в случае если ему инкриминируется совершение преступления небольшой тяжести. Кроме того, мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего обвиняемого может быть применена только в исключительных случаях, при этом законодателем не указывается, какие обстоятельства применительно к несовершеннолетним следует считать исключительными [7, с. 85].

Далее, как справедливо указывает А.В. Горянов, применительно к вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: «Законодатель обязывает судью избрать самую строгую меру пресечения, предусмотренную законом, а, между тем, не в каждом случае удается однозначно установить мотивы, двигавшие лицом при принятии решения скрыться от органов правосудия» [3, с. 145].

Норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 238 УПК РФ, надлежит, по нашему мнению, скорректировать, предоставив судье возможность приостановления производства по делу и возвращения дела прокурору во всех случаях, когда обвиняемый скрылся, предоставив уже стороне обвинения право решать, ходатайствовать ли перед судом об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу или нет. Таким образом, ч. 2 ст. 238 УПК РФ полагаем подлежащей изложению в следующей редакции: «В случае, предусмотренном пунктом 1 части первой настоящей статьи, судья приостанавливает производство по уголовному делу и, если совершил побег обвиняемый, содержащийся под стражей, возвращает

уголовное дело прокурору и поручает ему обеспечить розыск обвиняемого или, если скрылся обвиняемый, не содержащийся под стражей, по ходатайству прокурора вправе избрать обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу, возвращает уголовное дело и поручает прокурору обеспечить его розыск».

Считаем необходимым заметить, что предложенное нормативное регулирование позволит избавить судью от несвойственной для правосудия функции контроля за действиями прокурора, органа дознания, поскольку приостановление производства по делу предполагает контроль за устранением препятствий, его обусловивших. Наличие такой функции обусловлено тем, что судья, поскольку дело числится за судом, должен убедиться, что розыскное дело заведено, для чего ему надлежит предоставить необходимые материалы (копии паспорта, сведения о родственниках, круге знакомств и др.), периодически истребовать информацию о состоянии розыскного дела и т.д. Судья, осуществляя приведенные мероприятия, отчасти подменяет собой начальника органа дознания, прокурора.

Переходя к рассмотрению вопроса о возможности приостановления судом производства по делу на предварительном слушании в связи с отсутствием возможности участия обвиняемого в рассмотрении дела необходимо определить круг обстоятельств, препятствующих участию обвиняемого в рассмотрении дела.

К таковым обстоятельствам можно отнести: нахождение обвиняемого в следственном изоляторе в условиях карантина, в местности, подвергшейся стихийному бедствию [8, с. 65], пребывание обвиняемого на морском судне, находящемся в дальнем плавании, или в отдаленной экспедиции, с которой нет транспортной связи, или же работа на приисках в труднодоступных в определенное время года местах и т.п. [12, с. 79–82]. Основанием для приостановления производства по делу в связи с известностью места нахождения обвиняемого, но невозможностью его участия в рассмотрении дела, может быть также и нахождение под стражей в соответствующем учреждении на территории другого региона.

В любом случае отсутствие у обвиняемого возможности участвовать в рассмотрении дела не должно связываться с его противоправным или недобросовестным поведением [8, с. 65].

Ввиду связи с этим представляется спорным вопрос о том, является ли отказ обвиняемого вернуться из-за границы основанием приостановления производства по делу в связи с невозможностью участия обвиняемого в рассмотрении дела [4, с. 14], а не в связи с тем, что обвиняемый фактически скрылся.

Как указывает В.В. Рябчиков, «изучение [приостановленных на основании п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ] уголовных дел позволило сделать вывод о том, что обвиняемые, направляясь в другое государство, труднодоступную местность, длительную командировку и т.п., заведомо знали о возбужденных в отношении их уголовных делах, имевшемся подозрении либо обвинении» [9, с. 19].

Факты, служащие основаниями для приостановления производства по делу в данном случае, могут устанавливаться на основании письменных доказательств. Например, сведения о карантине в следственном изоляторе, где содержится обвиняемый, могут содержаться в сообщении администрации следственного изолятора. Сведения о том, что обвиняемый числится за судом в другой местности, могут содержаться в сообщении суда, за которым обвиняемый числится.

На основании ч. 3 ст. 238 УПК РФ суд не приостанавливает производство по делу по основаниям, указанным в п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, при наличии ходатайства одной из сторон о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, то есть в исключительных случаях, в отсутствие подсудимого, обвиняемого в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, который находится за пределами территории РФ и (или) уклоняется от явки в суд, если он не был привлечен к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. Очевидно, что данные факты должны быть подтверждены доказательствами, обладающими свойством достоверности.

Подводя итоги вышеизложенному, можем сказать, что при решении вопроса о приостановлении производства по делу сторонами, судьей осуществляется деятельность доказательственная, направленная на установление обстоятельств процессуального характера, поскольку так или иначе основания для приостановления производства по делу не могут определяться предположениями сторон, судьи или же оперативной информацией.

Литература

1. О защите прав человека и основных свобод (с изм. от 13 мая 2004 г.) : конвенция (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 5 дек. 2006 г. № 60, от 11 янв. 2007 г. № 1, от 9 дек. 2008 г. № 26, от 23 дек. 2008 г. № 28) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Горяинов, А. В. Общий порядок подготовки к судебному заседанию в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Горяинов. – Челябинск, 2004.
4. Егорова, М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Егорова. – Волгоград, 2004.
5. Кочетова, А. В. Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Кочетова. – Челябинск, 2006.
6. Кудрявцева, А. В. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам / А. В. Кудрявцева, В. Л. Сысков. – М., 2007.
7. Макаренко, И. К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних / И. Макаренко // Уголов. право. – 2007. – № 2.
8. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В. М. Лебедева. – М., 2004.
9. Рябчиков, В. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Рябчиков. – Владимир, 2006.
10. Сергеев, К. А. Приостановление предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Сергеев. – Екатеринбург, 2002.
11. Черкасова, Е. К. Правовое регулирование приостановления и возобновления предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. К. Черкасова. – Омск, 2004.
12. Якубович, Н. Приостановление и возобновление предварительного следствия в аспекте УПК РФ 2001 г. / Н. Якубович // Уголов. право. – 2006. – № 2.

НЕЮРИДИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

С.В. Зуев,

начальник кафедры уголовного процесса Челябинского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

Стандарты уголовного процесса имеют большое значение как в досудебном производстве, так и в суде. Традиционное отношение к нормам уголовно-процессуального законодательства как к юридическим конструкциям не позволяет раскрыть категории, заимствованные из иных областей человеческого знания, в той или иной степени удаленных от уголовного процесса. К неюридическим знаниям при производстве по уголовным делам, как правило, обращается правоприменитель при необходимости привлечения специалиста для производства следственных действий, при назначении и производстве судебных экспертиз. Особую роль имеют неюридические знания при подборе пространственно-временных условий производства процессуальных действий и принятия решений по уголовному делу, а также при оценке различных свойств, состояний человека, его отдельных действий и поведения в целом.

Анализ действующего УПК РФ позволяет обозначить используемые в его нормах неюридические категории, которые отражают определенные явления окружающего мира. Изучение неюридических категорий приобретает практическую значимость относительно конкретных явлений, которые можно наблюдать, ощущать, представлять, учитывать, с которыми можно работать и на которые можно влиять. В зависимости от характера их проявления относительно человека соответствующие им категории можно условно разделить на три основные группы:

- 1) присущие непосредственно человеку;
- 2) характеризующие окружающий человека мир;
- 3) характеризующие взаимодействие человека и окружающего мира.

Первую группу образуют такие категории, как: жизнь человека (ст. 11, ч. 2 ст. 202, ч. 3 ст. 170 УПК РФ); здоровье человека (ст.ст. 11, 99, ч. 3 ст. 167, ч. 3 ст. 170, ч. 2 ст. 202 УПК РФ); возраст человека (ст. 99 УПК РФ, ч. 6 ст. 113,

п. 5 ст. 196 УПК РФ); смерть человека (п. 1 ст. 196 УПК РФ); труп человека (ч. 3 ст. 180 УПК РФ); личность человека (ст.ст. 9, 10, п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ); достоинство человека (ч. 2 ст. 202 УПК РФ); физическое состояние человека (п. 3 ч. 1 ст. 51, ч. 3 ст. 167, п. 3 ст. 196 УПК РФ); психическое состояние человека (п. 3 ч. 1 ст. 51, п. 3 ст. 196 УПК РФ); бездействие человека (ст. 19 УПК РФ); возможность совершения действий (ст. 181 УПК РФ); обоснованность решений человека (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Вторая группа неюридических категорий в уголовном процессе включает в себя следующее: время (ст. 4, ч. 3 ст. 180 УПК РФ); пространство (ст. 2 УПК РФ); погода (ч. 3 ст. 180 УПК РФ); свет (ч. 3 ст. 180 УПК РФ); местность (ч. 3 ст. 170 УПК РФ); средства сообщения (ч. 3 ст. 170 УПК РФ); семья (ст. 99 УПК РФ); честь человека (ч. 2 ст. 202 УПК РФ); род занятий (ст. 99 УПК РФ).

К третьей группе можно отнести: действия человека и гражданина (ст. 4, п. 32 ст.ст. 5, 19 УПК РФ); взаимодействие участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 457 УПК РФ); возможность восприятия каких-либо фактов (ст. 181 УПК РФ).

Перечисленные категории могут восприниматься как свойства (качества), способности человека, действия, бездействие, состояние и т.п. Сведения об этом могут быть привнесены в уголовное судопроизводство из физики, биологии, социологии, этики, логики, психологии, медицины, техники, метеорологии и других областей знаний.

Возможно, авторское распределение категорий по той или иным группам вызовет у кого-то возражения. Спорным также может показаться, например, вопрос о разграничении таких категорий, как труп и смерть человека. Несмотря на то что эти два феномена имеют явное сходство, они отражают разные явления. Смерть и труп человека различаются между собой как процесс и результат, являющиеся предметом изучения таких областей знаний, как медицина, биология, антропология, религиоведение и т.д.

Можно заметить, что в разных группах находятся такие категории, как честь и достоинство человека. Это объясняется принятым подходом в понимании этих явлений в обществе. Достоинство личности чаще определяется как совокупность высоких моральных качеств, а также уважение

этих качеств в самом себе. Честь же, в свою очередь, означает достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности. Последнее определяется внешней оценкой (то есть со стороны других людей) поведения человека, уровня его интеллекта и культуры, такта и воспитанности.

Заслуживает внимания выделение категории «обоснованность». Это действительно специфическая категория, характерная, прежде всего, для науки логики. В уголовном процессе данное слово имеет значение применительно к принятым решениям по уголовному делу. Вместе с тем, обоснованность требует внутренней мыслительной деятельности человека и для ее уяснения необходимы дополнительные неюридические знания.

Все перечисленные и подобные категории предполагают фактические явления, которые отличаются рядом определяемых и установленных в соответствующих науках параметров, указывающих на их свойства, качества, возможности и т.д. Эти параметры достаточно строго определены и в конечном счете позволят нам рассмотреть их с позиции стандартов. Отсутствие последних может привести к разной практике правоприменения, что, в свою очередь, приведет к нарушению конституционного принципа – равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ).

С целью недопущения возможных нарушений указанной конституционной нормы требуется более подробное исследование самого понятия «стандарт» и значения стандартизации неюридических категорий для уголовного судопроизводства. В литературе и других источниках информации можно найти различные варианты определения понятия «стандарт».

Стандарт (от англ. standard < to stand – быть устойчивым) – нормативное издание, содержащее комплекс норм, правил, требований к объекту стандартизации, которые устанавливают на основе достижений науки, техники и передового опыта и утверждают в соответствии с действующим законодательством. Нормативный документ, регламентирующий параметры и качество конкретного издания (продукта, изделия) или условия, режимы и последовательность технологического процесса. Соблюдение стандартов обязательно [6].

В данном случае просматривается нормативный подход в понимании стандартов. Во главу угла ставится научная, техническая и опытная составляющая рассматриваемого понятия. Стандарти-

зация касается не только конкретных объектов, но и их условий или процессов функционирования.

Стандарт в широком смысле слова – образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других объектов; нормативно-технический документ по стандартизации, устанавливающий комплекс норм, правил, требований к объекту стандартизации и утвержденный компетентным органом. Стандарт может быть разработан на материально-технические предметы (продукцию, эталоны, образцы веществ), нормы, правила, требования организационно-методического и общетехнического характера. Стандарт распространяется на все сферы человеческой деятельности: науку, технику, промышленное и сельскохозяйственное производство, строительство, здравоохранение, транспорт и т.д. [2, с. 410].

К достоинству такого определения можно отнести то, что акцентируется внимание на определенных требованиях к объекту стандартизации, которые определяются соответствующим органом, значит в установленном порядке.

Стандарт:

1) образец, эталон, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов;

2) нормативно-технический документ, устанавливающий единицы величин, термины и их определения, требования к продукции и производственным процессам, требования, обеспечивающие безопасность людей и сохранность материальных ценностей и т.д.;

3) нечто шаблонное, трафаретное, не содержащее в себе ничего оригинального, творческого [4, с. 576].

В последнем определении отрицается нечто оригинальное, творческое. Это означает, что в стандартизации не приветствуются разного рода отклонения, сводится к минимуму субъективное и произвольное отношение к рассматриваемому объекту, что, безусловно, является важным.

Исходя из анализа указанных определений, можно выделить некоторые важные для исследования сущностные свойства стандартов, а именно:

- стандарты устанавливаются на основе достижений науки, техники и передового опыта;
- стандарты определяются относительно конкретных объектов, их условий или процессов функционирования;
- стандарты необходимы для обеспечения единообразия в выполнении каких-либо действий, изготовления или определения чего-либо;

– стандарты устанавливаются в определенном порядке соответствующими государственными органами;

– вольное отклонение от стандартов не допускается.

Во времена существования СССР в зависимости от сферы действия и уровня утверждения были разработаны государственные стандарты, которые систематически пересматривались и обновлялись в соответствии с последними достижениями науки, техники, производства. Стандарты являлись обязательными в пределах установленной сферы их действия, области и условий их применения. Порядок разработки и утверждения стандартов устанавливался ГОСТ 1.2–68. В ежемесячном Информационном указателе государственных стандартов СССР и в ежегодном Указателе государственных стандартов СССР публиковалась вся официальная информация о государственных стандартах СССР [2, с. 410–411].

В настоящее время значение стандартов также велико. Стандартизация испытывает дальнейшее развитие. Вместе с тем многие стандарты, разработанные в советскую эпоху, используются и сегодня. Для уголовного судопроизводства стандарты также необходимы. Разграничение стандартов на юридические и неюридические имеет важное значение. Юридические стандарты в уголовном процессе устанавливают правила, которые объясняются специфической терминологией (преюдиция, фикция, свидетельский иммунитет и т.д.), обладают достаточно выраженной степенью абстрагирования и используются, как правило, в формальных способах доказывания в виде словесных форм выражений. Неюридические стандарты в большинстве своем конкретны, объективны, материальны и непосредственно используются в различных сферах деятельности человека. Значение неюридических стандартов для уголовного судопроизводства заключается в следующем:

– неюридические стандарты позволяют формировать у правоприменителя представление о результатах достижения в различных областях науки, искусства, ремесла и техники;

– данные стандарты способствуют выработке единой практики использования информации, относящейся к областям знаний, в той или иной степени отдаленных от юридических наук;

– стандарты неюридического профиля не позволяют значительно отклоняться от осуществления типовых операций при производстве процессуальных действий и принятия решений по уголовному

делу, исключая произвол и формируя готовность следователя, дознавателя, прокурора и суда к возможным непредвиденным отклонениям от существующих представлений о вещах и явлениях;

– неюридические стандарты позволяют более качественно устанавливать важные для уголовного дела свойства, присущие человеку, окружающему миру и их взаимодействующим компонентам;

– такие стандарты должны стать основой обучения студентов юридических факультетов и вузов по дисциплинам «Естествознание», «Судебная медицина», «Судебная психиатрия» и т.п.

Рассматривая неюридические категории по группам, можно заметить, что в центре внимания стандартизации находится человек. Те или иные процессуально значимые свойства человека определяемы, измеримы, имеют минимальные и максимальные свои значения, по которым можно оценить возможности человека воспринимать, действовать, принимать решения при тех или иных обстоятельствах.

К примеру, в медицине выделяют структурные образования человека: кожа, скелет, мышцы, головной и спинной мозг, внутренние органы и т.д. Можно сказать, что это облигатный (обязательный) набор элементов в структуре человека. Выделяют также факультативные (добавочные) элементы, их еще называют рудименты и атавизмы. Всего насчитывают около 90 таких наименований. Кроме того, у человека могут наблюдаться различные отклонения от норм: шестой палец, шейное ребро и т.д. Факультативные образования так же, как незначительные отклонения, позволяют рассматривать человека дееспособным и правоспособным с учетом этих особенности организма.

Наличие жизни в организме человека определяется по таким признакам, как сердцебиение, температура тела, пульс, дыхание, кровяное давление, реакция зрачка на свет, реакция роговицы глаза на раздражение.

Само наличие каких-то компонентов не исчерпывает разновидностей стандартов. Жизнь человека непосредственно связана с определенными показателями его свойств. Так, например, человек не в состоянии воспринимать на слух звук, длительность которого менее 0,03 сек., отдельно воспринимать два звуковых феномена, если временной промежуток между ними менее 0,05 сек. [5, с. 52]. Субъективное ощущение громкости звука зависит от его интенсивности и частоты. Воспринимаемый диапазон звуковых частот простирается от 16 до

22 000 Гц [5, с. 361]. Наиболее чувствительно наше ухо к частотам около 2000-3000 Гц. При повышении частоты колебаний, а еще резче с понижением их чувствительность восприятия резко падает. Так, если мы слышим звук какой-то силы при частоте 2500 Гц, то звук с той же силы с частотой 1000 Гц будет казаться наполовину менее громким, а с частотой 100 Гц – в 100 раз более слабым.

Другие примеры. При действии на глаз колебаний с длиной волны 396 нм возникает ощущение фиолетового, при увеличении длины волны цвет последовательно переходит в синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. Крайним красным является цвет при длине волны 760 нм. При очень больших интенсивностях глаз способен видеть и более далекие спектральные области от 302 до 950 нм [5, с. 370].

Глубина вдоха человека колеблется от 300 до 900 мл. Частота дыхания у здоровых людей колеблется от 8 до 28 в 1 мин. [5, с. 91]. При этом скорость тока воздуха при вдохе равна примерно 320 см/сек., при выдохе – 220 см/сек. [5, с. 96]. Нормальное кровяное давление у мужчин (женщин) в мм ртутного столба; у ребенка в 1 год – 96 (95) на 66 (65); в 10 лет – 103 (103) на 69 (70); у взрослого человека в 20 лет – 123 (116) на 76 (72); в 30 лет – 126 (120) на 81 (80); в 50 лет – 135 (137) на 83 (84); у пожилого человека в 60 лет – 142 (144) на 85 (85); в 70 лет – 145 (159) на 82 (85); в 80 лет –

147 (157) на 82 (83); в 90 лет – 145 (150) на 78 (79) [3, с. 156].

Существуют и более детальные константы человека на биологическом и химическом уровне [2, с. 160].

Одним из выделенных компонентов в приведенной классификации является смерть человека. Признаками клинической смерти (тоже своего рода стандартные показатели) является: отсутствие признаков жизни; агональное дыхание; судороги; реакция зрачков на свет. К признакам биологической смерти относят: «Кошачий глаз» (симптом Белоглазова); трупные пятна; трупное окоченение; трупное охлаждение. Кроме того, к признакам смерти, по всей видимости, можно также отнести отсутствие движения в теле человека, наличие повреждений тела, не совместимых с жизнедеятельностью организма. Наличие указанных признаков также следует рассматривать среди неюридических стандартов, имеющих процессуальное значение (если это имеет отношение к совершенному или совершаемому преступлению, связанному с лишением человека жизни).

Кроме биологических и химических показателей человека интерес в уголовном процессе представляют неюридические категории окружающего мира. Их значение и содержания для уголовного судопроизводства – предмет дальнейшего исследования.

Литература

1. Альфа и омега. Краткий справочник (коллектив авторов) : пер. с эстонского. – 4-е изд. – Таллинн, 1991.
2. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1976. – Т. 24.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд. стереотип. – М., 1984.
4. Современный словарь иностранных слов: ок. 20000 слов. – М., 1992.
5. Физиологические методы в клинической практике / под ред. Д. А. Бирюкова. – Л., 1966.
6. Хмелевский, Ю. В. Основные биохимические константы человека в норме и при патологии / Ю. В. Хмелевский, О. К. Усатенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К., 1987.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Луцкин,
преподаватель кафедры уголовного
процесса Челябинского юридического
института МВД России

Конституция РФ провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других граждан. При производстве предварительного расследования данное конституционное предписание в равной степени относится и к потерпевшим, и к обвиняемым. Реализация указанного положения обязательна на всех этапах производства по уголовному делу, в том числе и на этапе окончания предварительного расследования. Вместе с тем нередко обвиняемые и их защитники при ознакомлении с материалами уголовного дела умышленно злоупотребляют своим правом, что влечет за собой неоправданное увеличение срока расследования и как следствие – нарушение прав потерпевших на судебную защиту и на доступ к правосудию [6, с. 3].

Действующая редакция УПК РФ устанавливает возможность ограничения времени ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела независимо от избранной ему меры пресечения. Главное условие, которое определяет закон, – обвиняемый и его защитник должны приступить к ознакомлению с материалами уголовного дела, то есть фактически хотя бы один день ознакомиться с некоторым количеством листов уголовного дела.

Следовательно в такой ситуации необходимо установить и доказать явность затягивания обвиняемым времени ознакомления с материалами уголовного дела.

Анализ судебно-следственной практики позволяет выделить следующие критерии, свидетельствующие об этом:

- необоснованно медленное чтение текста документов;
- изучение участником уголовного судопроизводства за один день ограниченного количества документов;
- переписывание документов от руки, несмотря на то что сторона обвинения предлагает их качественные копии или электронные версии;

– необоснованное возвращение к ранее изученным томам (в случае многотомного дела);

– изучение обвиняемым значительно меньшего объема материала уголовного дела по сравнению с объемом, с которым ознакомился его защитник (принимая во внимание факт профессионализма и образованности защитника).

Вместе с тем следует учитывать, что нельзя одинаково расценивать действия обвиняемых по медленному прочтению документов, если у одного из них неполное среднее, а у другого – два высших образования [3, с. 43].

В настоящее время отсутствует нормативное регулирование критериев оценки явного затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела. Указанные критерии не установлены законом, не опубликованы в судебной и следственной практике. Возможно, это объясняется ситуативностью и субъективностью указанной процессуальной категории. В данном случае можно привести пример следственной практики: явным затягиванием времени ознакомления с материалами уголовного дела в районном суде было признано время ознакомления в течение трех дней, за которые обвиняемый и защитник при совместном ознакомлении изучили только 40 листов уголовного дела, общий объем которого составлял один том на 254 листах. Суд принял решение предоставить обвиняемому и защитнику шесть часов ознакомления в течение двух дней.

Таким образом, занятость защитника по другим делам является его личной проблемой, вопросом самодисциплины и организации труда, данные обстоятельства не всегда являются уважительными причинами и расцениваются некоторыми судами как умышленное затягивание времени ознакомления с уголовным делом [3, с. 62].

Еще одним примером умышленного затягивания является следующая ситуация: защитник участвует в уголовном деле на основании соглашения, обвиняемый постоянно настаивает на обязательном участии данного защитника при ознакомлении с материалами уголовного дела, ссылаясь на необходимость получения юридической помощи, от участия какого-либо другого защитника отказывается. Следовательно, пытаясь обеспечить право обвиняемого на защиту, вручает адвокату письменное уведомление о необходимости присутствия

при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела. Защитник, «выждав» четыре дня после получения уведомления, является на пятый день и присутствует при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела. В остальные же четыре дня ознакомление обвиняемого с уголовным делом не проводится ввиду неявки защитника, который ссылается на постоянную занятость, служебные командировки и иные причины.

Таким образом, следователь имеет возможность ознакомлять обвиняемого с материалами уголовного дела лишь один раз в неделю. Указанная ситуация может продолжаться несколько месяцев, при этом у следователя не будет юридических оснований для замены защитника [1, с. 20].

Критерии явности затягивания процесса ознакомления определить непросто и зачастую все зависит от конкретной следственной ситуации. Вместе с тем при достаточно убедительной аргументации судебный механизм ограничения срока ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела достаточно широко применяется и является действенным.

По результатам опроса следователей следственных подразделений Челябинской области, 68% респондентов на вопрос, приходилось ли им сталкиваться с проблемой умышленного затягивания обвиняемым и его защитником времени ознакомления с материалами дела, ответили утвердительно, но лишь 24% из них возбуждали перед судом ходатайство об ограничении времени ознакомления с уголовным делом, то есть лишь каждый четвертый следователь, столкнувшись с проблемой затягивания обвиняемым времени ознакомления, обращается в суд с соответствующим ходатайством.

Причины столь низкого уровня получения следователями судебных решений об установлении времени для ознакомления с материалами уголовного дела, по нашему мнению, могут быть следующие:

– низкая активность следователей в преодолении противодействия расследованию со стороны защиты;

– попытки «договориться» с обвиняемым и его защитником посредством предоставления свиданий с родственниками, совершения каких-либо иных действий, выгодных для обвиняемого;

– временнозатратная процедура установления определенного времени для ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела;

– нехватка опыта;

– недостаточно четкое описание уголовно-процессуальных средств в действующем законодательстве и научной литературе.

Для того чтобы переломить создавшуюся ситуацию, следовательно необходимо изучить весь арсенал уголовно-процессуальных средств, направленных на эффективное и рациональное достижение поставленной цели – ограничение времени ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Обращение в суд с ходатайством об установлении времени ознакомления с материалами уголовного дела, на наш взгляд, является основным правовым средством, закрепленным в главе 30 УПК РФ.

В случае если уголовное дело содержит значительный объем материалов, а также если следователь предполагает, что время ознакомления с материалами дела обвиняемым и его защитником будет умышленно затянуто, стоит воспользоваться следующими вспомогательными уголовно-процессуальными средствами:

1. Приняв решение об окончании предварительного расследования, следователь должен в кратчайшие сроки уведомить обвиняемого и его защитника об окончании следственных действий, разъяснить обвиняемому его право на ознакомление с материалами как отдельно, так и совместно с защитником.

2. Подготовить материалы уголовного дела к предоставлению их обвиняемому и защитнику для ознакомления. Материалы уголовного дела должны быть в обязательном порядке прошиты и пронумерованы. В противном случае со стороны обвиняемого и защитника может возникнуть недоверие к действиям следователя, что в итоге приведет к затягиванию процесса ознакомления с уголовным делом.

3. С точностью до минуты отмечать в графике время ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела.

4. Пресекать случаи, когда обвиняемый указывает в графике ознакомления с материалами уголовного дела меньший объем листов, чем он фактически ознакомился за указанный период времени. В данном случае целесообразно приглашать двух понятых, которые будут находиться в кабинете и в последующем смогут подтвердить, что обвиняемый, к примеру, фактически ознакомился со 100 листами уголовного дела, а в графике ознакомления указал всего лишь 30 листов.

5. Вручать письменное уведомление защитнику о возможности ознакомления с материалами уголовного дела ежедневно в рабочие дни с указанием времени.

6. Вручать обвиняемому повестки о вызове к следователю на каждый день (в случае если

обвиняемому избрана мера пресечения, не связанная с ограничением свободы).

7. Разъяснять обвиняемому право на копирование материалов уголовного дела за свой счет и предоставлять возможность для ксерокопирования.

Все вышеуказанные правовые средства не носят обязательного характера, но в случае затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела, подкрепляют ходатайство следователя перед судом об установлении определенного срока ознакомления с материалами уголовного дела.

В заключение необходимо напомнить, что мера по установлению определенного срока

ознакомления с материалами уголовного дела является крайней. При осуществлении данной процедуры следователь должен действовать строго в рамках закона, обращаться за помощью к более опытным коллегам, руководствоваться сложившейся судебной-следственной практикой. Такие дела должны находиться на постоянном контроле у руководителей следственных органов, поскольку любые нарушения, связанные с правом обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела, являются существенными нарушениями процессуального закона.

Литература

1. Быков, А. М. Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела по УПК РФ (научно-практический комментарий) / А. М. Быков, В. М. Быков // Адвокатская практика. – 2002. – № 5.
2. Гармаев, Ю. П. Преодоление противодействия уголовному преследованию: ограничение времени ознакомления с материалами уголовного дела : метод. рек. / Ю. П. Гармаев. – Иркутск – Улан-Удэ, 2005.
3. Колоколов, Н. А. Возможность ограничения сроков ознакомления с материалами уголовного дела / Н. А. Колоколов, П. Г. Марфицин, В. Г. Семенов // Уголовный процесс. – 2006. – № 12.
4. Кузнецова, С. М. Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела : учебное пособие / С. М. Кузнецова, И. В. Пятков. – Барнаул, 2009.
5. По делу о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 217 и главы 2 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д. С. Аниброева : определение Конституционного Суда РФ от 7 нояб. 2008 г. № 1029-О-П // Вестник Конституционного суда РФ. – 2009. – № 2.
6. Уголовный процесс : учеб. / А. В. Грищенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
7. Уголовный процесс : учеб. / М. Х. Гельдибаев, В. В. Вандышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

В.С. Павлов,

адъюнкт кафедры криминалистики Челябинского
юридического института МВД России

Актуальность проблемы легализации доходов, полученных от незаконной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков (далее – НОН), обусловлена необходимостью повышения эффективности раскрытия и расследования НОН как части криминального бизнеса.

Деятельность правоохранительных органов является одной из важнейших составляющих противодействия данному явлению, и ее эффективность в этом процессе является определяющей. Она, в свою очередь, в значительной мере зависит от качества криминалистического обеспечения, в том числе от определения направления расследования. За счет совершенствования средств и методов криминалистического сопровождения на всех этапах раскрытия и расследования преступлений, связанных с НОН, эффективность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий может быть существенно повышена.

Проблема распространения наркотических средств в настоящее время актуальна во всем мире. Рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, подтверждается статистическими данными, полученными из различных источников, в том числе данными мониторинга Международного комитета по контролю наркотиков при ООН, данными национальных комитетов по контролю наркотиков.

В большинстве развитых стран оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – НС) рассматривается не только как уличное преступление, но и как высокодоходный международный бизнес, структура и закономерности которого аналогичны закономерностям легального бизнеса и нередко с ним связаны. Следовательно, в борьбе с НОН может использоваться информация общего характера, касающаяся общих правил работы предприятий: изучения потребностей, подбора и подготовки сотрудников (в данном случае – членов ОПГ), формирования рынков сбыта, организации и материально-технического обеспечения процесса производства, хранения и транспортировки готового продукта, формирования сети розничного

распространения, реализации продукта, получения дохода и его легализации. Полученный доход частично расходуется на приобретение материальных и иных благ, частично вкладывается в расширение производства и рынка потребления.

Таким образом, очевиден комплексный характер рассматриваемой проблемы.

Анализ отечественного и мирового опыта противодействия обороту НС свидетельствует о международном характере проблемы НОН. Как правило, население стран, вовлеченных в международный наркорынок, оказывается в числе потребителей НС. Постепенно на их территории складывается внутренний наркорынок, который составляют группы потребителей наркотиков, распространители (нередко этнические ОПГ) и на котором параллельно с импортируемыми НС, широко представлены НС, кустарно произведенные из «местного» сырья.

Анализ опыта расследования НОН в Челябинской области показывает, что наиболее актуальными (по видам НС; по социальным и этническим группам, по способу совершения) являются следующие направления:

- распространение героина афганского происхождения цыганскими этническими группировками;
- контрабанда героина международными преступными группами, которые в качестве перевозчиков используют жителей среднеазиатских республик (Таджикистана);
- изготовление матамфетамин и дезоморфина и организация притонов для их употребления (местный уровень);
- незаконный оборот лекарств и медикаментов, распространителями и расхитителями которых являются медицинские работники.

Общим для названных направлений НОН является образование незаконных наличных денежных средств, которые необходимо легализовать.

Способы легализации зависят от специализации группы на совершении определенных видов преступлений, от сферы или направления НОН, от вида НС. Способ совершения определяет направление расследования.

Таким образом, легализация доходов, полученных от преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, выступает как элемент криминалистической

характеристики НОН и может быть использована в качестве основы криминалистической методики расследования незаконного оборота наркотических средств.

В отечественной науке в наиболее общем виде тема противодействия незаконному обороту наркотиков рассматривалась в работах Р.С. Белкина, О.Я. Баева, В.Н. Григорьева, В.Д. Зорькина, В.Ф. Калачева, И.А. Матусевича, Г.М. Меретукова, А.Г. Филиппова, Н.П. Яблокова и др. Отдельные аспекты проблемы НОН изложены в периодических изданиях.

Однако большинство криминалистических рекомендаций по изучаемой проблеме полностью или частично устарело, что обусловлено появлением новых факторов, к которым относятся формирование международного рынка НС и вовлечение НОН в сферу региональных и международных экономических отношений. В связи с этим исследования должны проводиться в разных направлениях и на различных уровнях, начиная от общеполитических, социальных и заканчивая узкоспециальными.

Разработка проблемы использования результатов расследования легализации доходов, полученных от преступной деятельности, связанной с НОН, требует научной обоснованности, то есть формирования научной теории, объектом которой должна стать взаимосвязь преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а предметом – закономерности легализации доходов как одного из элементов деятельности преступных групп, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, а также закономерности расследования деятельности подобных групп, путем расследования легализации их доходов, основанных на практике расследования подобных дел органами внутренних дел и Госнарконтrolя по Челябинской области.

Научная новизна подобной теории выражается в комплексном исследовании и легализации неза-

конных доходов как элемента криминалистической характеристики преступлений, связанных с НОН, а также в обосновании возможности использования информации о легализации доходов для расследования НОН наряду с информацией о виде НС, субъектах и способе совершения преступлений.

Соотносимая с гипотезой цель исследования может быть сформулирована как «анализ, обобщение и оценка проблем расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и создание комплексной методики расследования НОН, на основе исходной информации о легализации доходов, полученных незаконным путем».

Очевидно, что поставленная цель – проверка выдвинутой гипотезы – может быть достигнута посредством решения ряда задач, основными из которых являются:

- изучение отечественного и мирового опыта раскрытия и расследования указанной категории преступлений, на основе которого необходимо провести анализ структуры деятельности ОПГ, связанных с НОН, в Челябинской области, Уральском регионе и в Российской Федерации;
- выделение наиболее типичных обстоятельств и способов совершения преступлений в сфере НОН с учетом национальных, социальных, географических и др. факторов;
- определение взаимосвязи элементов преступной деятельности в сфере НОН;
- рассмотрение способов легализации доходов, полученных в результате НОН;
- рассмотрение особенностей назначения и производства судебных экспертиз при расследовании легализации доходов, полученных в результате НОН;
- изучение характера (виды, формы) взаимодействия правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с НОН, федеральных учреждений и частных предприятий, обеспечивающих движение и контроль денежных средств.

**ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ
В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
(по материалам уголовных дел Челябинской области)**

И.Н. Пустовая,
доцент кафедры
уголовного процесса Челябинского
юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Вопросы, связанные с возмещением имущественного вреда, причиненного потерпевшему преступлением, являются наиболее актуальными в ходе уголовного судопроизводства. Каждый потерпевший хочет вернуть имущество, утраченное им в результате совершенных в отношении его преступных действий.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предусмотрено обеспечение потерпевшему возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 42), но процессуальный порядок его возмещения не регламентирован законом. Такое неопределенное положение в УПК РФ предоставляло ученым процессуалистам возможность дискутировать [1; 3; 6; 7, с. 41-43; 10; 12; 14; 15], а практикам – самостоятельно решать вопрос возмещения потерпевшим имущественного вреда, причиненного преступлением.

На основании Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ч. 1 ст. 29 УПК РФ дополнена п. 3.1, в соответствии с которым: «только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решение о возмещении имущественного вреда». Данные изменения были внесены совместно с дополнениями к ст. 135 УПК РФ «Возмещение имущественного вреда», касающиеся реабилитированного. Тем не менее, законодатель в п. 3.1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ не уточняет, что решение суда о возмещении вреда принимается только в отношении реабилитированного. Следовательно, можно предположить, что такое решение приемлемо и в отношении всех участников, имеющих право на возмещение имущественного вреда.

Каким же образом в соответствии с новым положением в законе должен осуществляться процессуальный порядок принятия решения о возмещении имущественного вреда потерпевшим от преступлений?

Полагаем, что процессуальный порядок принятия решения судом о возмещении имущественного вреда может быть аналогичным принятию решений суда, когда затрагиваются конституционные права личности, как это имеет место в соответствии со ст.ст. 108, 165 УПК РФ.

Полномочия суда в ходе досудебного производства подробно регламентированы ч. 2 ст. 29 УПК РФ, где и дан четкий порядок обращения лиц, ведущих расследование, в суд.

Например, для получения решения суда об избрании такой меры, как пресечения, как содержание под стражей, продлении срока содержания под стражей (п.п. 1-2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) законодатель обязывает лиц, ведущих расследование по уголовному делу, обращаться в суд с ходатайством. Процессуальный порядок его подачи, рассмотрения и разрешения подробно регламентирован ч.ч. 3-11 ст. 108 УПК РФ.

Порядок помещения подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы содержится в ст.ст. 203, 165 УПК РФ.

Порядок принятия решения о применении мер принуждения: наложении ареста на имущество и временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности (п.п. 9-10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) регламентирован ч. 1 ст. 115 УПК РФ и ч. 1 ст. 114 УПК РФ. Порядок производства следственных действий (п.п. 4-8, 11, 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) содержится в ст. 165 УПК РФ. Порядок возмещения имущественного вреда законодатель нормативно не регламентирует.

В соответствии с назначением уголовного судопроизводства закон защищает личность от незаконного ограничения ее прав (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), а вопросы возмещения вреда затрагивают конституционные права личности, в частности право на собственность не только потерпевшего от преступления, но и обвиняемого. Ввиду этого закон должен четко указывать основания и процессуальный порядок принятия решения о возмещении имущественного вреда. Считаем, что основанием для возмещения имущественного вреда является право потерпевшего, предусмотренное ч. 3 ст. 42 УПК РФ.

В связи, с чем предлагается содержание ч. 3 ст. 42 УПК РФ в следующей редакции:

«3. Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 настоящего Кодекса, а также расходы, понесенные в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 настоящего Кодекса».

Что же может являться основанием для направления ходатайства в суд?

Возмещение вреда потерпевшему является процессом добровольным. Следовательно, дознаватель не могут в принудительном порядке заставить подозреваемого, обвиняемого возместить потерпевшему вред, причиненный преступлением. Они могут разъяснить, что возмещение вреда потерпевшему на стадии предварительного расследования является основанием для возможного прекращения уголовного преследования лица (ст.ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ, ст.ст. 75, 76 УК РФ) либо смягчающим обстоятельствами при вынесении наказания судом (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Разделяя мнение специалистов в области уголовного права [5, с. 18; 11, с. 6; 17, с. 430-432], отметим, что возмещение причиненного имущественного вреда означает восстановление тех прав и благ, которых преступник лишил свою жертву в результате совершенного преступления. При этом главным является принятие всех возможных мер для возмещения имущественного вреда потерпевшему.

Закон не определяет способы возмещения имущественного вреда. В практической деятельности органов предварительного расследования возмещение имущественного вреда осуществлялось различными путями:

- возвращение владельцу фактически похищенного имущества;
- передача денежной суммы, равной стоимости похищенного;
- передача аналогичных однородных предметов, равных по стоимости похищенным [8, с. 136-137];
- восстановление поврежденного имущества и приведение его к первоначальному виду за счет физических или финансовых возможностей обвиняемого;
- передача денежных средств владельцу в размере средств, затраченных на ремонт поврежденного имущества, лечение, уход, усиленное питание и т.д.

Представляется, что в решении суда о возмещении имущественного вреда необходимо указывать способ возмещения имущественного вреда и сроки исполнения решения суда.

В ходе предварительного расследования факт возмещения вреда подтверждался различными документами в зависимости от способа его исполнения:

1. Следователем приглашались обвиняемый и потерпевший для получения денег, а расписка об их получении приобщалась к материалам уголовного дела.

2. Обвиняемому предлагалось направить денежную сумму потерпевшему по почте, а выданная ему квитанция представлялась для приобщения к материалам уголовного дела [2, с. 10].

3. Обвиняемому рекомендовалось самостоятельно возместить вред, о чем и представлялась расписка потерпевшего.

Однако, как отмечает С.А. Александров, факт добровольности передачи денег потерпевшему не всегда можно доказать [4, с. 26].

По исследованным нами 210 уголовным делам (с возмещением вреда их было 65) в материалах дел имелось 10 заявлений потерпевших о возмещении вреда, 18 расписок, четыре справки (от частных предпринимателей). По другим делам имелись только записи в протоколах допроса потерпевших, что им возмещен причиненный ущерб или заглажен вред, но никакими документами это не подтверждалось.

Возмещение имущественного вреда, принятое решением суда, необходимо доказывать лицу, ведущему расследование, путем производства процессуальных или следственных действий. Полагаем, что с учетом изменения УПК РФ возмещение имущественного вреда по решению суда целесообразно допускать путем внесения денежных средств на счет потерпевшего и последующего представления расчетных документов.

При возмещении имущественного вреда иным путем, например путем приведения в первоначальное состояние предмета преступного посягательства (ремонт поврежденного имущества), целесообразно проводить осмотр места происшествия, осмотр предмета, подтверждающего, что вред заглажен [9, с. 53], а в некоторых случаях следует получить заключение эксперта (при осмотре автотранспорта, аппаратуры и т.п.).

Лицо, ведущее расследование должно принять активное участие в проведении действий, связанных с возмещением вреда, что является одним из средств защиты прав потерпевшего. На то, что следователь обязан принять активные меры к доб-

ровольному возмещению виновным причиненного им вреда, также указывают другие авторы [16, с. 41; 18, с. 34].

Как отмечает В.А. Азаров, «добровольное возмещение обвиняемым причиненного гражданину имущественного вреда – это реальное возвращение утраченных им материальных благ, наиболее эффективный способ восстановления нарушенных преступлением законных имущественных интересов потерпевшего, особенно в условиях нынешней экономической ситуации в России» [3, с. 78].

Таким образом, возмещение имущественного вреда или его заглаживание иным образом должно

быть процессуально доказано. Доказательством этих действий должно быть решение суда о возмещении имущественного вреда потерпевшему и процессуальные акты, доказывающие его исполнение: протокол добровольной выдачи предметов, ценностей потерпевшему; расписка потерпевшего; квитанция об уплате денег; справка предприятий, организаций о внесении суммы в кассу в счет погашения вреда; протокол осмотра предметов, местности (если причиненный вред устранялся), а также протокол допроса потерпевшего о способе возмещения (заглаживания) вреда.

Литература

1. О практике применения судами законодательств о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением : постановл. Пленума ВС СССР от 23 марта 1979 г. № 1 // Сб. постановл. пленумов ВС СССР и РСФСР по уголовным делам. – М., 2000.
2. Азаров, В. А. Деятельность органов дознания, предварительного следствия по охране имущественных интересов граждан / В. А. Азаров. – Омск, 1990.
3. Азаров, В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве / В. А. Азаров. – Омск, 1995.
4. Александров, С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе / С. А. Александров. – Горький, 1976.
5. Аликперов, Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / Х. Аликперов // Законность. – 1999. – № 5.
6. Аршба, Г. В. Наложение ареста на имущество : учеб.-практич. пособие / Г. В. Аршба, С. И. Гирько, В. В. Николок. – М., 2004.
7. Власов, А. Возмещение вреда жертвам преступлений / А. Власов // Законность. – 2000. – № 2.
8. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – М., 1983.
9. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М., 1986.
10. Мазалов, А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе / А. Г. Мазалов. – М. 1977.
11. Михайлов, В. Признаки деятельного раскаяния / В. Михайлов // Рос. юстиция. – 1998. – № 4.
12. Пустовая, И. Н. Возмещение вреда потерпевшим в стадии предварительного расследования / И. Н. Пустовая. – Челябинск, 2010.
13. Российское уголовное право. Общая часть. – М., 1997.
14. Рыжаков, А. П. Возмещение вреда, причиненного преступлением / А. П. Рыжаков. – М., 1999.
15. Сысоев, В. А. Гражданско-правовые и процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного преступлением / В. А. Сысоев, В. Л. Слесарев, А. С. Михеев. – Омск, 1998.
16. Туполов, С. И. Прекращение уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия и изменением обстановки / С. И. Туполов, Л. Д. Гаухман, В. И. Елесин и др. – М., 1974.
17. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. – М., 1996.
18. Халиков, А. Возмещение ущерба потерпевшему / А. Халиков // Законность. 2000. – № 9.

ОБЫСК ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

П.В. Худяков,
преподаватель кафедры организации
предварительного расследования
Челябинского юридического
института МВД России

Обыск является основным следственным действием и отправной точкой для сбора доказательств по уголовным делам данной категории. Обыск целесообразно проводить лишь после установления всех соучастников преступления, одновременно несколькими следственно-оперативными группами. Преждевременно обыск проводить не стоит. Сам факт возбуждения уголовного дела держится в тайне от лиц, совершивших преступление. Здесь необходимо не допустить попадания информации в СМИ. В противном случае соучастники примут меры к уничтожению следов преступления.

Обыск у подозреваемых необходимо проводить по месту жительства, работы и в иных помещениях, в которых могут храниться предметы, свидетельствующие об экстремистской деятельности.

К планированию обысков следователь приступает сразу после возбуждения уголовного дела [3, с. 25].

Объектами поиска являются:

- 1) литература религиозного, экстремистского содержания: газеты, листовки, брошюры, книги;
- 2) копировальная и множительная техника для определения способа изготовления литературы экстремистского содержания;
- 3) различные инструкции по вербовке людей, по пользованию ЭВМ, по сокрытию следов преступной деятельности;
- 4) сведения о членах и структуре организации;
- 5) клятвы и другие атрибуты экстремистской деятельности;
- 6) документы, свидетельствующие о поступлении денежных и материальных средств [3, с. 26];
- 7) списки членов неформального объединения, записные и телефонные книжки, переписка, иная документация, подтверждающая и выявляющая их организацию, связи, планы и т.п.;
- 8) «черная» бухгалтерия, финансовые документы и иные записи, имеющие значение для доказывания;
- 9) печати, бланки, штампы и уставные документы объединения (если объединение официально зарегистрировано), документы, на основании которых занято и используется помещение, где производится обыск;

10) предметы наглядной агитации;

11) литература, иные печатные и рукописные материалы, черновики, цифровые фотоаппараты, компьютерная техника и иные магнитные и цифровые носители информации, фото-, видео- и аудиопленки, DVD-записи, имеющие агитационное содержание, включающие призывы к осуществлению экстремистской деятельности, либо при помощи которых запечатлена деятельность объединения (движения), при этом необходимо обращать внимание на видеофайлы, фотографии, с помощью которых можно установить круг общения, связи лиц, наличие у них атрибутики нацистских, националистических, религиозных или иных экстремистских объединений;

12) оргтехника, при помощи которой изготавливались вышеуказанные печатные, кино-, фото-, аудио- и видеоматериалы;

13) дневники и фотографии, бытовые видеозаписи и т.п., на которых может содержаться информация экстремистского (националистического, радикально-религиозного и т.п.) характера;

14) предметы одежды и атрибутики, свидетельствующие о принадлежности лица к экстремистскому формированию, с нацистской символикой или схожей с нею до степени смешения [2].

Кроме того, при производстве обысков необходимо обращать внимание не только на те тексты, рукописи, черновики, пленки и т.п., содержание которых является предметом рассмотрения данного уголовного дела. Большое значение имеет обнаружение при обыске и другой рукописной продукции и документов экстремистского содержания. Их обнаружение может быть использовано в части доказывания умысла виновного на совершение преступлений экстремистской направленности. Необходимость содержательной оценки обнаруженной при обыске печатной, рукописной продукции предполагает целесообразность приглашения к участию в обыске специалистов соответствующих областей знания: социальных психологов, специалистов в религиозных вопросах и т.п.

При обыске есть необходимость присутствия переводчика в тех случаях, когда обыскиваемое лицо не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. Следователь должен учесть, что переводчик может в целом разделять убеждения лиц, совершивших преступление экстремистской направленности [1]. В таком случае применяется видеосъемка, для того чтобы в случае возникновения сомнений в правильности устного перевода оценить его с участием другого переводчика при просмотре видеозаписи.

В обязательном порядке у переводчика берется подписка о неразглашении данных предварительного расследования. Здесь необходимо учесть, что переводчик в силу различия правовых систем нашего государства и государства, где он родился и жил, может не понять, что в случае нарушения подписки наступает уголовная ответственность.

В ситуации, когда участвует переводчик, следователь должен решить вопрос о переводе постановления и протокола (который будет составиться на месте производства обыска) на язык, которым владеет лицо, в помещении которого производится обыск. Переводчик должен владеть именно юридическим, а не разговорным языком.

После того как переводчик ознакомился с постановлением, следователь и оперативные работники принимают меры к тому, чтобы информация о месте проведения обыска не была сообщена посторонним лицам, поскольку, как ранее уже говорилось, переводчик может разделять убеждения лица, у которого проводится обыск.

Возможны ситуации, когда следователь при производстве обыска не сможет однозначно решить, какая литература содержит экстремистский компонент по различным причинам: отсутствие специальных познаний, неоднозначность содержания литературы, незнание языка, на котором изложен материал. В этом случае такая литература подлежит изъятию для решения этого вопроса в ходе производства экспертиз. Кроме того, даже литература, не имеющая экстремистского содержания, имеет значение для уголовного дела, поскольку она отражает заинтересованность владельца этой литературы национальными, расовыми, религиозными вопросами.

Достаточно часто идеи вражды и ненависти в печатных изданиях и настенных надписях содержатся в отчетливом символическом обрамлении либо в соответствующей символике, поэтому весьма важно не только изымать и сохранять такие материалы, но и отражать в соответствующих протоколах наличие и описание имеющейся символики. Привлечение в дальнейшем к исследованию таких материалов соответствующих специалистов позволит не только установить содержание публикации в более полном объеме, но и получить информацию

для более обоснованного выдвижения версии о том, кто мог являться автором такого произведения, необходимы ли были какие-то специальные познания (и в какой именно области) для изготовления символики именно обнаруженного вида.

Анализ материалов уголовных дел, дел оперативного учета и заключений экспертных комиссий показывает, что в качестве идеологической основы экстремисты опираются на печатные материалы, цифровые и иные носители информации со сведениями националистического толка.

Результаты изучения информации, полученной из перечисленных источников, может способствовать установлению преступных связей обвиняемого и подозреваемого. Нередко виновные фиксируют с помощью видеозаписи, фотографий свои противоправные акты, а также располагают их на сайтах в сети Интернет. Кроме того, данные сайты активно используются экстремистскими группировками, организациями и объединениями для пропаганды своей деятельности, ее оправдания, распространения сведений о методах и способах своей работы, разведывательных целей, рекрутирования новых членов и сбора пожертвований в свою пользу. Ряд сайтов экстремистских и взаимодействующих с ними террористических формирований создают сайты-«однодневки», меняют их форматы и адреса, что существенным образом затрудняет работу по документированию их незаконной деятельности в электронном пространстве.

Использование компьютеров для распространения информации экстремистской направленности предполагает необходимость проверки при обысках их применения в преступных целях. Для решения этих вопросов, а также для правильного изъятия компьютерной информации к участию в обыске должен быть приглашен специалист по компьютерной технике.

Необходимо учитывать, что в случае провала при производстве такого следственного действия как обыск, второй попытки у следателя уже не будет. В связи с этим знание тактики обыска позволит избежать не только полного провала при обыске, но и добиться изъятия всех предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Литература

1. Коробеев, А. И. Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности / А. И. Коробеев, Ю. И. Кулешов // Рос. судья. – 2005. – № 7.
2. О документировании преступлений экстремистской направленности : метод. рек. // ДООП МВД России.
3. Халиков, А. А. Расследование преступлений экстремистского характера // Законность. – 2006. – № 8.

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОЦЕНКИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

А.Ю. Литвиненко,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Челябинского юридического
института МВД России

Анализ российского законодательства и судебной практики позволяет утверждать, что на сегодняшний день нет четких критериев и определенной методики оценки причиненного морального вреда. Нет по данной проблеме и надлежащих рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ, что приводит к принятию разнящихся между собой решений по аналогичным делам, а порой к необоснованному занижению суммы либо отказу в компенсации морального вреда. Оценка характера и степени тяжести морального вреда непосредственно связана с определением суммы его компенсации (ст.ст. 151, 1101, 1083 ГК РФ). Так, например, по делам о посягательствах на половую неприкосновенность и половую свободу личности (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ) размер компенсации морального вреда был установлен в 16 тыс. [4], 40 тыс. [7], 50 тыс. [5], 100 тыс. [6] рублей. В совершенно идентичной ситуации по двум эпизодам (п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ) потерпевшим (несовершеннолетним и их законным представителям) компенсация морального вреда установлена в размере 150 и 300 тыс. рублей [2]. В случае причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, истец (мать потерпевшего) просила взыскать с подсудимых компенсацию морального вреда в размере 500 тыс. рублей. Разрешая иски, учитывая степень вины подсудимых, характер и степень нравственных и физических страданий истца, а также требования разумности и справедливости и конкретные обстоятельства дела, принимая во внимание имущественное положение подсудимых, суд посчитал необходимым взыскать солидарно с подсудимых компенсацию морального вреда в размере 400 тыс. рублей [2]. По аналогичному делу истец (мать потерпевшей) просила взыскать компенсацию морального вреда

в размере 5 млн рублей. Суд принял решение иски о взыскании компенсации морального вреда удовлетворить частично (1 млн рублей), исходя из характера причиненных истцу нравственных страданий, а также учитывая принцип разумности и справедливости [8].

Одним из немаловажных фактов является то, что российское законодательство все-таки предусматривает критерии для оценки причиненного морального вреда, но они являются общими и опять-таки учитываются судами формально. В мотивировочной части приговора они часто указываются не в полном объеме либо без оценки обстоятельств дела, формулировки приговоров совпадают. Например, суд, рассматривая иски о взыскании компенсации за причиненный моральный вред, в соответствии со ст.ст. 151, 1099, 1100 ГК РФ, оценивая характер и степень морального вреда, учитывает степень вины причинителя вреда, его материальное положение, тяжелую травму, повлекшую значительные физические и нравственные страдания, в результате которых потерпевший ограничен в своих физических возможностях, что причиняет ему дополнительные переживания, считает, что моральный вред, причиненный потерпевшему, компенсирует сумма 85 тыс. рублей [9].

По другому делу, оценивая характер и степень морального вреда, суд считает, что сумма его компенсации в 20 тыс. рублей (при заявленной 1 млн рублей) соответствует принципам разумности и справедливости, требованиям ст.ст. 1099, 1100 и 1101 ГК РФ с учетом материальной возможности самого подсудимого, не работающего, страдающего тяжелым заболеванием [10].

В другом случае, рассматривая иски о возмещении морального вреда за нанесение умышленных неоднократных ударов, иных насильственных действий, высказанной угрозы убийством потерпевшей, причинивших физические и нравственные страдания, суд, оценивая характер и степень морального вреда, принимает решение иск удовлетворить частично (12 тыс. рублей компенсации морального вреда при заявленных 20 тыс. рублей), посчитав, что такая сумма соот-

ветствует принципам разумности и справедливости, требованиям ст.ст. 1099, 1100, 1101 ГК РФ, с учетом материальной возможности подсудимого [11].

Представленные примеры судебной практики подтверждают сложность установления характера и степени тяжести морального вреда как в гражданском праве, так и в уголовном. Некоторые авторы одной из причин неодинаковой оценки морального вреда (по обстоятельствам дела равнозначного) называют самостоятельность суда при его оценке и определении суммы компенсации [12, 13, 14, 15].

Необходимо отметить, что суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону. В России не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов и независимость судей [1]. Исходя из этого единственно правильным выходом из такой ситуации является разработка общей методики и четко сформулированных критериев оценки морального вреда. Разработанные рекомендации необходимо закрепить на законодательном уровне.

Литература

1. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996, № 1-ФКЗ // Рос. газета. – 1997. – 6 янв.
2. Архив Калининского районного суда г. Челябинск. – 2007. – Уголовное дело № 1-754/2007.
3. Архив Калининского районного суда г. Челябинск. – 2008. – Уголовное дело № 1-110/2008.
4. Архив Калининского районного суда г. Челябинск. – 2009. – Уголовное дело № 1-14/2009.
5. Архив Карталинского городского суда Челябинской области. – 2007. – Уголовное дело № 1-80/2007.
6. Архив Карталинского городского суда Челябинской области. – 2007. – Уголовное дело № 1-311/2007.
7. Архив Курчатовского районного суда г. Челябинск. – 2008. – Уголовное дело № 1-506/2008.
8. Архив Курчатовского районного суда г. Челябинск. – 2008. – Уголовное дело № 1-350/2008.
9. Архив Миасского городского суда Челябинской области. – 2008. – Уголовное дело № 1-447/2008.
10. Архив Миасского городского суда Челябинской области. – 2008. – Уголовное дело № 1-775/2008.
11. Архив Миасского городского суда Челябинской области. – 2008. – Уголовное дело № 1-580/2008.
12. Варпаховская, Е. М. Вопросы компенсации морального вреда потерпевшему в российском уголовном судопроизводстве / Е. М. Варпаховская. – Иркутск, 2004.
13. Воробьев, С. М. Моральный вред как одно из последствий преступного деяния : дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Воробьев. – Рязань, 2003.
14. Гриценко, Е. Н. Моральный вред как последствие преступлений против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Гриценко. – М., 2005.
15. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. – М., 2004.

ЗНАЧЕНИЕ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

К.В. Михайлов,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии
Челябинского юридического
института МВД России, кандидат
юридических наук, доцент

Одним из обязательных условий условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания является контроль за его поведением в период оставшейся неотбытой части наказания. Такой контроль устанавливается в целях проверки правильности решения суда о том, что отсутствует необходимость полного отбывания назначенного наказания для исправления осужденного. Контроль за поведением осужденного осуществляется в период оставшейся неотбытой части наказания, в течение которого осужденный, будучи уже условно-досрочно освобожденным, позитивным поведением подтверждает свое исправление, на основании чего подтверждается обоснованность решения суда о его условно-досрочном освобождении. Некоторые авторы называют оставшуюся неотбытой после условно-досрочного освобождения часть наказания испытательным сроком, в течение которого закрепляется исправление осужденного, подтверждается успех и правильность применения к нему условно-досрочного освобождения [1, с. 49; 2, с. 154–155; 3, с. 133–134; 4, с. 80–81]. Однако действующий уголовный закон не закрепляет такого понятия, как «испытательный срок» применительно к условно-досрочному освобождению. Это понятие используется в институте условного осуждения (ст.ст. 73–47 УК РФ), где под испытательным сроком понимается конкретный промежуток времени, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. Однако в отличие от условно-досрочного освобождения, при применении условного осуждения, назначенное наказание реально не исполняется, лицо ни одного дня его не отбывает, и поэтому ему назначается именно испытательный срок, в течение которого необходимо доказать свое исправление.

При условно-досрочном освобождении, осужденный в течение реально отбытой части наказания уже доказал свое исправление, в связи с чем к нему и была применена данная санкция, а поэтому оставшаяся неотбытой часть наказания кор-

ректнее называть не испытательным, а «контрольным сроком». В соответствии с действующей редакцией ст. 79 УК РФ и в отличие от испытательного срока при условном осуждении контрольный срок: а) специально не устанавливается; б) его размер не закреплен в законе; в) он в любом случае равен оставшейся после условно-досрочного освобождения неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда; г) до истечения этого срока суд не может принять решение о досрочной отмене условно-досрочного освобождения и о снятии с осужденного судимости; д) этот срок не может быть продлен при негативном поведении осужденного. И еще одним отличительным признаком контрольного срока является то, что в течение этого срока, в отличие от испытательного срока при условном осуждении, осужденный должен *не доказать, а подтвердить* свое исправление (выделение авт.), так как при условно-досрочном освобождении такая цель наказания, как исправление осужденного, уже практически достигнута, что фактически и констатируется судом, когда осужденный освобождается условно-досрочно от дальнейшего отбывания наказания, а осужденному в течение контрольного срока своим позитивным поведением необходимо лишь это подтвердить. В то время как при условном осуждении цель исправления еще не достигнута, суд лишь при применении условного осуждения констатирует возможность ее достижения без реального отбывания наказания, а осужденный также своим позитивным поведением должен доказать свое исправление, то есть достижение данной цели наказания.

Таким образом, поведение осужденного в течение названного контрольного срока, то есть после условно-досрочного освобождения, является тем критерием, который подтверждает верность (при позитивном поведении) либо ошибочность (при негативном), решения суда о применении условно-досрочного освобождения. В связи с этим для проверки обоснованности условно-досрочного освобождения и правильности решения суда относительно признания нецелесообразности полного отбывания осужденным назначенного наказания, в течение всей неотбытой части наказания поведение условно-досрочно освобожденного лица контролируется и его исправление проверяется соответствующими государственными органами. Осуществление такого контроля и проверки поведения имеет большое значение для окончательного

подтверждения условно-досрочно освобожденным своего исправления, что является одновременно и проверкой правильности решения суда, которое заключалось в применении условно-досрочного освобождения. Кроме того, контрольный срок необходим и потому, что, применяя к осужденному условно-досрочное освобождение, суд тем самым проявляет к нему определенное доверие, в связи с чем в течение этого срока осужденный должен оказанное доверие оправдать и подтвердить свое исправление без необходимости полного отбывания назначенного наказания. Таким образом контрольный срок при условно-досрочном освобождении – это, прежде всего, определенный временной промежуток, равный оставшейся неотбытой части наказания, в течение которого подтверждается исправление осужденного и делается окончательный вывод об эффективности исправительного воздействия на него.

Размер контрольного срока при условно-досрочном освобождении осужденного, отбывающего содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, определяется, как уже было отмечено, исходя из срока оставшейся неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда. Однако при условно-досрочном освобождении осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы, точную продолжительность контрольного срока определить невозможно. И, на первый взгляд, может показаться, что в этом случае контрольный срок для осужденного, отбывавшего пожизненное лишение свободы и освобожденного условно-досрочно, имеет пожизненный характер, но это не так. В связи с этим следует согласиться с Ю.М. Ткачевским, который отмечает, что контрольный срок в рассматриваемом случае может реализоваться в границах судимости, так как в ст. 86 УК РФ определено, что судимость при условно-досрочном освобождении от наказания исчисляется из фактически отбытого срока, а максимальный срок судимости в отношении лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, равен восьми годам [4, с. 80].

Необходимо особо отметить, что так же, как и испытательный срок при условном осуждении, контрольный срок при условно-досрочном освобождении важен не только для проверки и подтверждения верности решения суда об условно-досрочном освобождении осужденного, но и для предупреждения совершения новых преступлений осужденным, освобожденным условно-досрочно, под угрозой исполнения оставшейся неотбытой части назначенного наказания. Поэтому имея в виду, что контрольный срок при условно-досрочном освобождении и испытательный срок при условном осуждении по своему содержанию и целям применения во многом сходны, и учитывая, что юридически установление испытательного срока в уголовном законе четко закреплено, а понятие и порядок установления контрольного срока отсутствуют, представляется целесообразным введение в УК РФ законодательной регламентации установления судом контрольного срока при применении условно-досрочного освобождения в целях закрепления фактического и создания юридического оснований его установления для повышения эффективности применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, активизации со стороны условно-досрочно освобожденных позитивного посткриминального поведения и достижения, в конечном счете, целей наказания. Таким образом, предлагается дополнить ст. 79 УК РФ соответствующей частью в следующей редакции: «Применяя условно-досрочное освобождение, суд устанавливает контрольный срок, равный оставшейся неотбытой части наказания, в течение которого осужденный должен своим поведением подтвердить свое исправление. В случае условно-досрочного освобождения лица, отбывающего пожизненное лишение свободы, контрольный срок устанавливается в размере срока погашения судимости. При установлении контрольного срока суд может возложить на осужденного исполнение определенных обязанностей, предусмотренных частью пятой статьи 73 настоящего Кодекса, которые должны им исполняться в течение контрольного срока».

Литература

1. Сверчков, В. В. Пределы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / В. В. Сверчков // Рос. юстиция. – 2002. – № 10.
2. Скибицкий, В. В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания / В. В. Скибицкий. – Киев, 1987.
3. Ткачевский, Ю. М. Освобождение от отбывания наказания / Ю. М. Ткачевский. – М., 1970.
4. Ткачевский, Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания / Ю. М. Ткачевский // Законодательство. – 2004. – № 8.

**ОБ УСИЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШЕННЫЕ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ****Е.В. Никитин,**

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Челябинского
юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

С 1 августа 2010 г. вступил в силу Федеральный закон № 155-ФЗ от 22 июля 2010 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в соответствии с которым УК РФ был дополнен новой статьей 286.1 «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа», а в ст. 63 УК РФ было внесено новое обстоятельство, отягчающее наказание, – «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». Данные изменения вызвали неоднозначную реакцию как среди сотрудников правоохранительных органов, так и среди населения.

Статья 286.1 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа начальника, отданного в установленном порядке и не противоречащего закону, причинившее существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Служба в органах внутренних дел строится в соответствии с принципом соблюдения служебной дисциплины, то есть установленных законодательством Российской Федерации, Присягой, контрактом о службе, а также приказами Министра внутренних дел Российской Федерации, прямых начальников порядка и правил при выполнении возложенных на сотрудников органов внутренних дел обязанностей и осуществлении имеющихся у них полномочий. Одной из форм соблюдения служебной дисциплины является строгое и неукоснительное соблюдение приказов начальника. Неисполнение приказа – одно из опасных посягательств на установленный в органах внутренних дел порядок подчиненности.

Согласно п. 34.1 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации приказ, отдаваемый начальником, обязателен для исполнения подчиненными, за исключением заведомо незаконного приказа. Приказ может быть отдан в письменной форме, устно или посред-

И.А. Мишанин,

преподаватель кафедры уголовного
права и криминологии Челябинского
юридического института МВД России,
кандидат исторических наук

вом использования технических средств связи одному подчиненному или группе подчиненных. Приказ, отданный в письменной форме, является основным распорядительным служебным документом (правовым актом), издаваемым начальником на правах единоначалия. Приказ начальника должен быть исполнен беспрекословно, точно и в срок. Обсуждение приказа и его критика недопустимы [1].

Приказ, за неисполнение которого установлена ответственность в настоящей статье, представляет собой служебное требование начальника, обращенное к подчиненным сотрудникам органов внутренних дел, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения [1].

Непосредственным объектом указанного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие строгое соблюдение установленного в органах внутренних дел порядка подчиненности. Дополнительным объектом выступают права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства.

С объективной стороны неисполнение приказа – это несовершение действий, предписанных приказом, либо совершение действий, запрещенных приказом, или ненадлежащее исполнение приказа. При этом уголовная ответственность возможна лишь при условии, что неисполнение приказа привело к причинению существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

При решении вопроса о том, является ли причиненный вред существенным, следует учитывать степень отрицательного влияния неисполнения приказа на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею либо другими организациями материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им материального, физического или морального вреда и т.п. Преступление, пре-

дусмотренное ст. 286.1 УК РФ, окончено с момента наступления общественно опасных последствий и является преступлением с материальным составом.

Субъект преступления специальный – сотрудник органа внутренних дел, не исполнивший приказ начальника. Согласно Положению о службе в органах внутренних дел, сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, состоящие в должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел или в кадрах Министерства внутренних дел Российской Федерации, которым в установленном порядке присвоены специальные звания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел [1].

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной виной. Виновный осознает общественную опасность неисполнения приказа начальника, осознает, что приказ законен и отдан в установленном порядке, и желает его не выполнить. В отношении последствий в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства может быть как умысел, так и неосторожность.

Квалифицирующим признаком данного состава преступления, предусмотренным ч. 2 ст. 286¹ УК РФ, является неисполнение приказа сотрудником органа внутренних дел, группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно повлекшее тяжкие последствия.

Тяжкими последствиями признаются, например, причинение смерти, тяжкого вреда здоровью либо ущерба в крупных размерах или значительному числу потерпевших и т.п. Эти последствия должны находиться в причинно-следственной связи с неисполнением приказа и к ним должно проявиться психическое отношение виновного в форме неосторожности.

Перейдем к уголовно-правовой характеристике нового обстоятельства, отягчающего наказание, – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Напомним, что в уголовном праве России под отягчающими наказанием понимаются обстоятельства, которые свидетельствуют о повышенной общественной опасности как преступного деяния, так и самого преступника. То есть судья, учитывая такое обстоятельство, имеет право назначить наказание в районе верхнего предела санкции.

Исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание, содержится в ст. 63 УК РФ. Среди прочих к ним относятся: рецидив преступлений; наступление тяжких последствий в результате совершения преступления; совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего; совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти и т.д.

Таким образом, при совершении любого умышленного преступления, независимо от того, каким мотивом оно обусловлено, при назначении наказания сотрудник милиции по своему уголовно-правовому статусу приравнен к рецидивисту, насильнику, садисту и т.п. Это вызвало возмущение среди сотрудников органов внутренних дел.

Логика законодателя, по-видимому, заключалась в том, что правильное или неправильное поведение милиционера зачастую определяет судьбы людей. Значит, милиционеры должны нести повышенную ответственность, чтобы тщательно взвешивать каждый свой шаг. Однако эта повышенная ответственность не установлена для других категорий работников правоохранительных органов (например, судей, прокуроров, сотрудников ФСБ и т.п.), чьи неправомерные действия или бездействия могут повлечь более существенный вред для интересов личности, общества или государства. Развивая эту логику, следует признать отягчающим обстоятельством совершение умышленного преступления также сотрудником органов судейского сообщества, органов прокуратуры, органов, подведомственных Министерству юстиции (ФСИН, ФССП и др.), таможенных и налоговых органов и т.д.

Профессор Академии управления МВД России доктор юридических наук П. Скобликов приводит интересное сравнение: если, например, сотрудник ГИБДД получил взятку, его действия должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки за незаконные действия). Так же как и действия сотруд-

ника ФСБ, который выявил шпиона и отпустил его за денежное или иное материальное вознаграждение. Разница в том, что по обновленному законодательству сотруднику ГИБДД грозит более суровое наказание в силу его принадлежности к органам внутренних дел [2].

Кроме того, необходимо учитывать более значительные властные полномочия, включающие функции контроля (в том числе за милицией) прокуроров, судей и сотрудников органов государственной безопасности, а также тот факт, что оклады прокуроров, судей и сотрудников органов государственной безопасности значительно превышают милицмейские, было бы логичным и правильным объявить совершение преступлений этими субъектами не просто отягчающими, а особо отягчающими, не говоря уже о совершении любого преступления депутатами, членами правительства, губернаторами, мэрами городов, главами иных муниципальных образований, потому что их преступления дискредитируют государст-

венные органы и приносят вред значительно больший, чем преступления сотрудников органов внутренних дел (тем более рядовых).

Бесспорным является то факт, что, становясь сотрудником органов внутренних дел, человек добровольно вступает на поле высоконравственной деятельности и помимо юридических обязательств, связанных с некоторыми личными ограничениями, берет на себя и нравственные обязательства вести себя безупречно не только на службе, но и вне нее. Однако такие же ограничения нравственного личного характера берут на себя и адвокат, и медик, и педагог, и представители других профессий, но никому и в голову не придет признать отягчающим наказание обстоятельством совершение побоев человеком по личным мотивам, потому что он врач. Хотя, проводя законодательную логику до конца, это необходимо сделать. Абсурдность ситуации в отношении врача понимается в обществе, а в отношении сотрудника милиции – нет.

Литература

1. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : постановл. ВС РФ от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 70.
2. Скобликов, П. Особо тяжкие погоны / П. Скобликов // Коммерсант. – 2010. – 26 июля.

IV. ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

СТАТЬЯ 106 УПК РФ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ

С.В. Зуев,
начальник кафедры
уголовного процесса
Челябинского юридического
института МВД России, доктор
юридических наук, доцент

Федеральным законом РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] внесены существенные изменения в ст. 106 УПК РФ, что, в свою очередь, требует научно-практического комментария.

Так, в ч. 1 указанной статьи конкретизируется государственный орган, в который направляется имущество, используемое в качестве залога. На стадии предварительного расследования им является орган расследования, на стадии судебного разбирательства – суд. Вместе с тем следует заметить некоторое ограничение в применении залога на других стадиях уголовного процесса (например, на стадии подготовки и назначения судебного заседания, стадиях апелляционного или кассационного производства). Далее законодатель также уточняет, что залог может быть избран в любой момент производства по уголовному делу.

Интерес представляет ч. 2 ст. 106 УПК РФ, где определены некоторые особенности применения залога в ходе предварительного расследования. Дело в том, что подозреваемый, обвиняемый либо другое физическое или юридическое лицо получили право ходатайствовать перед судом о применении залога. Такое ходатайство подается в суд по месту производства предварительного расследования и рассматривается одновременно с ходатайством следователя или дознавателя об избрании другой меры пресечения (заключение под стражей или домашний арест).

Следует заметить, что положение ч. 1 ст. 97 УПК РФ направлено на реализацию возможности правоприменителя избрать одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Ситуация одновременного рассмотрения двух разных ходатайств об избрании мер пресечения требуется для того, чтобы суд не по собственной инициативе, а по обращению одной из сторон имел возможность

избрать наиболее подходящую меру пресечения, реализовав в состязательном процессе положение ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, согласно которому при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста.

Некоторые нововведения указанного федерального закона «реанимировали» положения УПК РСФСР. Так, в настоящее время согласно ч. 1 ст. 106 УПК РФ предметом залога может выступать недвижимое имущество. Кроме того, в ч. 3 ст. 106 УПК РФ законодатель определил минимальные суммы залога в зависимости от тяжести совершенного преступления. По уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее 100 тыс. руб. а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее 500 тыс. руб. Вряд ли такие законодательные решения следует считать оправданными, так как первое из них ведет к значительному усложнению процедуры избрания данной меры пресечения, а второе устанавливает неравное положение граждан перед законом. Существующее априори социальное неравенство людей не позволяет применять для всех социальных групп единые критерии имущественного характера. Одним 100 тыс. руб. покажется достаточно крупной суммой, другие могут легко с ней расстаться, имея финансовое преимущество.

В подтверждении своей позиции обратимся к истории вопроса. С принятием 9 марта 2001 г. Федерального закона РФ № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации» [2] были внесены изменения в ст. 99 УПК РСФСР, регламентирующую порядок применения залога в качестве меры пресечения. С этого времени в качестве залога могло выступать наряду с деньгами, ценностями,

включающими ценные бумаги, еще и недвижимое имущество. Законодательно было определено, что сумма залога не может быть меньше ста минимальных размеров оплаты труда. Однако со вступлением в законную силу УПК РФ 1 июля 2002 г. из ст. 106 было исключено недвижимое имущество в качестве предмета залога, а также размер минимальной суммы залога. Представляется, что возвращение к прежним правилам избрания залога не даст ожидаемого положительного эффекта от применения данной меры пресечения.

Несмотря на то что у подозреваемого (обвиняемого) появилась возможность обращения к суду с ходатайством об избрании меры пресечения в виде залога, механизм реализации этого права в законе до конца не урегулирован. Дело в том, что необходимость избрания данной меры пресечения может возникнуть в том случае, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, задержано в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ. В то же время, согласно ч. 3 ст. 106 УПК РФ, порядок

оценки и содержания предмета залога определяется Правительством РФ по действующему законодательству. И здесь возникают вопросы. Кто будет заниматься оценкой имущества задержанного, которое может быть использовано в качестве залога? Какова роль следователя и дознавателя в обеспечении указанного права? В УПК РФ нет ответов на эти вопросы. Лицо, производящее расследование, не наделено такими полномочиями, отсутствуют также правовые предписания относительно расходования бюджетных средств на оценку имущества подозреваемого (обвиняемого). Все это, несомненно, может вызвать определенные сложности в применении ст. 106 УПК РФ.

Остальные изменения по поводу избрания в качестве меры пресечения залога, внесенные Федеральным законом РФ от 7 апреля 2010 г., коснулись детализации порядка принятия данного решения и прекращения действия данной меры пресечения, что вполне оправданно и заслуживает положительной оценки.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон РФ от 7 апр. 2010 г. № 60-ФЗ // Рос. газ. – 2010. – 9 апр.
2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс РФ и другие законодательный акты РФ : федер. закон РФ от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 14 марта.

СМЕШАННАЯ (ГИБРИДНАЯ) МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

С.М. Кондратьев,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Челябинского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук

Местное самоуправление и местное управление в Австрии, Германии, Бельгии, Нидерландах, Японии и других странах, в том числе странах СНГ, обнаруживают сходство и с англосаксонской, и с континентальной моделями. Это в определенной степени объясняется послевоенными реалиями и, в частности, усиливающимся влиянием американской модели демократии. Однако необходимо отметить и некоторые специфические черты, что позволяет говорить о своеобразных смешанных (гибридных) формах управления в перечисленных странах.

Так, например, местное управление в Австрийской Республике и в Королевстве Бельгия обнаруживает некоторые структурные сходства с системой местных органов власти Федеративной Республики Германия (ФРГ). Однако организация местного управления в Австрийской Республике отличается большей централизацией, что обеспечивается непосредственным вмешательством федерального правительства в регулирование вопросов местного управления. В отличие от выбираемого населением совета общины в Королевстве Бельгия аналогичные учреждения в Австрийской Республике и в Федеративной Республике Германия формируются по пропорциональному принципу. В каждом из этих государств советы образуют правление, являющееся коллегиальным исполнительным органом общины. В ФРГ таким исполнительным органом является магистрат, возглавляемый бургомистром, в Австрии – правление, как и в ФРГ, возглавляемое бургомистром, а в Королевстве Бельгия совет избирает из своего состава коллегия бургомистров и эшвендов в качестве коллегиального исполнительного органа.

Являясь органами самоуправления, совет, правление и бургомистр общины одновременно осуществляют и функции государственного управления при наличии собственных полномочий. Следовательно, в австрийской модели, как в немецкой, французской и английской, на основе

обязательных, делегированных и факультативных полномочий происходит сочетание местного управления и местного самоуправления.

В ФРГ действуют административные единицы, именуемые правительственными округами, в которых ведущее положение в управлении занимают правительственные президенты, назначаемые правительствами земель. Правительственные президенты и их аппарат представляют систему местного управления, построенную на принципах административного подчинения. Ее низовое звено представлено главами администраций районов (ландраты или районные директора), которые являются одновременно и государственными чиновниками, и главами исполнительных органов коммунального самоуправления.

Губернатор японской префектуры, избираемый местным населением и считающийся главой местной администрации, выполняет целый ряд общегосударственных функций. Следует отметить, что, с одной стороны, в Японии существует развитая система органов местного самоуправления, а с другой – действует весьма жесткий административный контроль. Хотя такой контроль осуществляется только в рамках делегированных полномочий, что, как уже отмечалось выше, свойственно двум основным моделям муниципальных систем.

В государствах – участниках СНГ, как и в указанных государствах Европы, получила распространение смешанная (гибридная) модель местного управления, в которой «сочетаются начала прямого государственного управления и местного самоуправления» [3, с. 66].

Так, например, последнее десятилетие XX в. в истории государства и права постсоветской Грузии отмечено существенными конституционными и муниципальными реформами, которые основывались на сочетании элементов континентальной (французской) и английской (англосаксонской) моделей местного управления. В постсоветской Грузии возникла смешанная система местного управления: в широком смысле управление осуществлялось как выборными органами власти (местными собраниями – сакребуло), так и назначаемыми органами на местах (префектами).

Можно сказать, концепция дуализма в муниципальном законодательстве государств – участников СНГ выражается, прежде всего, в регламентации делегированных и собственных полномочий. При

этом функционирование на местах представителей государственной власти необязательно. Такая система сочетания управления и самоуправления осуществляется и в Российской Федерации, которая, в отличие от вышеуказанных стран, аккумулирует признаки англосаксонской системы местного управления. Однако формирование на выборной основе органов местного самоуправления в Российской Федерации не может означать полного разрыва местного самоуправления с государственной властью [4].

Российские исследователи современных муниципальных систем В.Б. Евдокимов и Я.Ю. Старцев отмечают, что в таких гибридных системах «проявляются две тенденции: сближение и внутренняя диверсификация классических систем местного управления. С одной стороны, в каждой системе появилось большое количество вариантов, опирающихся, в том числе и на заимствования из другой системы. С другой стороны, в современном мире происходит некоторое сближение существующих систем местного и регионального самоуправления и их взаимосмещение» [1, с. 44]. Главный аргумент авторов дуалистической концепции – выявление тенденции интеграции национальных правовых систем, в том числе и систем местного управления.

Кроме того, концепция дуализма местного самоуправления сочетает и общественные, и государственные элементы. Двойственный характер местного самоуправления проявляется в само-

стоятельности в местных делах и в осуществлении определенных государственных функций на местном уровне. В рамках данной теории в управлении местным сообществом устанавливается некоторое двоевластие. Как правило, в подобных случаях одна ветвь власти формируется гражданами, а вторая назначается сверху [4].

Обобщая результаты сравнительно-правового анализа теоретических и практических проблем местного самоуправления и местного управления в государствах-участниках СНГ, В.В. Еремян делает следующие выводы [2]: в связи с закреплением в конституциях и в действующем законодательстве бывших республик СССР демократических идей, концептуальных положений развития самоуправленческих начал, основанных на принципах самостоятельности, независимости и ответственности за результаты принятых решений, в этих странах начинает складываться особая система муниципально-управленческих отношений, которая в рамках своих публичных полномочий выделяется из системы централизованного государственного управления.

Однако необходимо также отметить, что такое влияние, по мнению ученых в области муниципального права, не может быть абсолютным, поскольку на муниципально-управленческие отношения, особенно в переходный период их становления и правового закрепления, продолжает оказывать большое влияние государственное управление, его методы, средства и формы.

Литература

1. Евдокимов, В. Б. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты / В. Б. Евдокимов, Я. Ю. Старцев. – М., 2001.
2. Еремян, В. В. Муниципальное право зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) : учеб. пособие / В. В. Еремян. – М., 2006.
3. Еремян, В. В. Теоретические основы дефиниций местное «управление» и «самоуправление» / В. В. Еремян // Местное управление и самоуправление в Латинской Америке.
4. Чихладзе, Л. Т. Историко-теоретические аспекты развития местного самоуправления и местного управления в государствах Европы / Л. Т. Чихладзе // Право и политика. – 2005. – № 9.

V. РЕЙДЕРСТВО

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОВЕРШЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО РЕЙДЕРСТВА

В.В. Бычков,
заместитель начальника
кафедры организации
предварительного расследования
Челябинского юридического
института МВД России, кандидат юри-
дических наук, доцент

В настоящее время, пожалуй, нет ни одного человека, интересующегося событиями в стране, который не слышал бы о захлестнувшем наше общество криминальном явлении, названном иностранным словом «рейдерство» [1]. Причем это явление уже классифицировано нашими юристами – выявлено рейдерство: «муниципальное», «административное», «бытовое», «интеллектуальное», «корпоративное» [6].

В данной статье к рассмотрению предлагаются некоторые аспекты раскрытия и расследования «корпоративного рейдерства» – незаконного захвата предприятий.

Рассматриваемое деяние не имеет в нашей стране уголовного преследования. В связи с этим мы не можем охарактеризовать это явление с уголовно-правовой точки зрения. Однако рассматриваемому явлению можно дать криминалистическую характеристику, к основным элементам которой, по нашему мнению, можно отнести этапы совершения рейдерства: подготовка к совершению рейдерства и совершение рейдерства.

Подготовка к совершению рейдерства

После создания преступной группы идет поиск заказчика, который потом становится «добросовестным приобретателем», либо сначала выбирается «жертва», а затем ищут «приобретателя» [4, с. 158].

При поступлении заказа поэтапно осуществляется:

1) сбор информации о потенциальной жертве, об объекте, учредителях, акционерах, руководителях, главном бухгалтере предприятия (при этом анализируются их связи, контакты, круг

общения, деловые и личностные характеристики, интересы). Сбор информации производится осуществляется с помощью:

- открытых источников;
- инсайда (внутренних источников);
- копий уставных документов, платежек;
- материалов аудиторских и налоговых проверок;

– распечаток телефонных переговоров руководства;

- результатов наружного наблюдения;

2) выявление признаков экономических нарушений, административных правонарушений, совершенных в ходе деятельности компании;

3) получение учредительных документов компании, данные реестра акционеров, документов о наиболее ликвидном имуществе (здании и т.п.).

При этом на атакуемый объект (в структуру, отвечающую за безопасность или финансы) может быть внедрен свой человек.

После обработки собранных данных формируются две экспертные оценки:

- 1) нижний порог рыночной стоимости актива.

Стоимость квадратного метра производственно-административных площадей умножается на количество «паспортных» метров согласно справке Бюро технической инвентаризации. К этой цифре приплюсовываются минимальная ставка аренды земли под объектом и нижний порог рыночной цены основных активов предприятия;

- 2) бюджет акции, включающий:

– нелегальное получение справок из органов, регистрирующих права собственности;

– покупку досье по налоговой и кредитной истории предприятия;

- затраты на добычу реестра акционеров;

– орграсходы (транспорт, связь, командировки, взятки и т.п.);

- покупку силового ресурса.

Бюджет атаки не должен превышать 10-15% от нижнего порога стоимости объекта.

Перед собственно рейдом – комплексом действий по захвату компании или ее имущества, как правило, проводится рейдерская разведка. Рейд может инициироваться как самими рейдерами, так и по заказу заинтересованной стороны. В ходе рейдерской разведки изучается структура

* Другие названия явления: «корпоративный захват», «корпоративный конфликт», «недружественное поглощение», «недружественное слияние», «силовой захват предприятия».

собственности компании, выясняются слабые места в управлении, собирается информация о легальности возникновения права собственности на имущество компании, выявляются потенциальные союзники в рейде: недовольные акционеры или владельцы долей в компании, обиженные, уволенные сотрудники, располагающие инсайдерской информацией о делах компании, желающие заработать чиновники и т.п. Оценивается также степень подготовленности руководителей и персонала компании к антирейду, то есть к отпору, защите и возможному несимметричному ответу – активному применению административного ресурса и уголовного преследования по отношению к рейдеру.

На этом этапе оценивается и экономическая составляющая будущего рейда.

В случае принятия решения об осуществлении «захвата» осуществляется [2, с. 159]:

- изготовление печати общества;
- смена органов управления в обществе путем составления «протокола собрания акционеров (участников)»;
 - «подписание» сфальсифицированного договора купли-продажи акций (долей);
 - заключение договора на ведение реестра акционеров, подготовка системы ведения реестра компании и передача ее новому реестродержателю;
 - подача в ФНС России документов о смене генерального директора в компании, об изменении состава участников общества, регистрация изменений в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Совершение рейдерства

В первые годы передела собственности рейдеры часто применяли грубые методы: изготовление поддельных договоров купли-продажи акций, получение по ним контрольного пакета, избрание своего генерального директора, регистрация всех изменений, наем частного охранного предприятия и захват таким образом организации. В последние годы широко распространены операции с использованием регистраторов, ведущих реестры акционерных обществ, инструментов доверительного управления пакетами акций, с внесением ложных данных в реестры [4, с. 17].

Этапы осуществления рейдерства:

- 1) силовой захват предприятия;
- 2) открытие счета компании-цели в дружественном банке и уведомление ФНС России;
- 3) вывод активов общества путем продажи наиболее ликвидного имущества общества (здания и т.п.);

4) продажа акций (долей) в уставном капитале общества «добросовестным» приобретателям;

5) принятие решения о ликвидации общества, о присоединении общества к другому обществу.

Способы достижения контроля над поглощаемым объектом собственности [7]:

- 1) корпоративные;
- 2) судебные;
- 3) административные;
- 4) силовые действия.

При корпоративном захвате [5, с. 22]:

1) скупка акций у миноритарных акционеров с целью консолидации более или менее крупного пакета акций поглощаемого общества; после достижения контроля над 10% пакета акций поглощаемого общества и параллельно с осуществлением дальнейшей скупки акций для дестабилизации положения в поглощаемом обществе инициируется проведение внеочередных общих собраний акционеров, на которых предлагается рассмотреть вопросы о смене руководства общества (директора, состава совета директоров и пр.);

2) выпуск дополнительных акций, распределяемых исключительно среди «своих» акционеров;

3) создание параллельных органов управления поглощаемым обществом;

4) манипуляции с реестром акционеров поглощаемого общества или создание второго или третьего реестра акционеров;

5) обременение имущества поглощаемого общества (например, обременение имущества по средствам залога, долгосрочной аренды с дальнейшей государственной регистрацией такого обременения и т.п.);

6) давление рейдера на реального собственника (путем заведения уголовного дела, например) вследствие чего собственник продает актив по заниженной цене;

7) подделка рейдером учредительных документов общества и внесение таких изменений в базу ЕГРЮЛ налоговой инспекции, после чего он получает контроль над обществом/активом и «выводит» (продает) актив «добросовестному» приобретателю;

8) внесение изменений в реестр компании путем стговора рейдера непосредственно с депозитарием, ведущим реестр, либо вследствие изъятия реестра правоохранительными органами в рамках расследования уголовного дела, после чего рейдер получает контроль над обществом/активом и «выводит» (продает) актив «добросовестному» приобретателю;

9) получение рейдером реальной подписи директора общества мошенническим путем (либо

с помощью прямого подкупа) на документе, который затем будет трансформирован в договор купли-продажи здания/общества;

10) формирование или покупка задолженности компании с искусственным созданием в дальнейшем препятствий в ее выплате и логичная смена собственника через банкротство или санацию такой компании;

11) выдача кредита на жестких условиях под залог контрольного пакета акций с искусственным созданием в дальнейшем препятствий в выплате кредита (с помощью фискальных и правоохранительных органов) и логичная смена собственника;

12) распространение компрометирующей информации о компании на рынке в целях дестабилизации ее работы, катастрофического снижения ее капитализации, логичная смена собственника либо выведение самой ценной клиентуры;

13) подкуп генерального директора миноритарным акционером или сторонним инвестором с целью заключения с акционерным обществом сделок по распродаже наиболее ценного имущества общества, уступке прав, выдаче гарантий, поручительства и т.п., при этом генеральный директор не выполняет указания держателя контрольного пакета акций, не проводит собраний акционеров и отказывается передать свои полномочия новому генеральному директору;

14) подкуп генерального директора, представляющего интересы акционера, являющегося, в свою очередь, акционерным обществом (обществом с ограниченной ответственностью), при этом акционер продает контрольный пакет акций захватчику, в то время как его учредители даже не догадываются об этом, то есть генеральный директор акционера действует в нарушение его интересов;

15) миноритарным акционером (захватчиком) проводится незаконное собрание акционеров, на котором в отсутствие кворума для принятия решения (в отсутствие держателя контрольного пакета акций) принимается незаконное решение о назначении генерального директора, об увеличении уставного капитала (дополнительной эмиссии), в результате чего доля мажоритарного акционера становится менее 50%, то есть проводится незаконная эмиссия, и мелкие акционеры или сторонние инвесторы приобретают контрольный пакет акций помимо воли мажоритария;

16) реестродержателем (по договоренности с захватчиком) производится незаконное списание акций с лицевого счета владельца контрольного пакета, открытого в реестре акционеров;

17) захватчиком фальсифицируется договор, на основании которого акционер якобы произвел отчуждение акций в пользу третьего лица (захватчика) с последующим списанием акций со счета акционера в реестре;

18) захватчиком фальсифицируются документы, якобы подтверждающие задолженность владельца контрольного пакета акций перед третьим лицом (захватчиком);

19) захватчиком по договоренности с генеральным директором общества формируется фиктивная задолженность общества посредством, например, авалирования векселя третьего лица, то есть общество берет на себя заведомо ничем не мотивированные (кроме умысла на захват предприятия третьим лицом) обязательства отвечать по обязательствам третьих лиц.

Судебные действия:

1) наложение арестов на акции, принадлежащие другим акционерам поглощаемого общества, его руководству;

2) наложение судебных запретов на участие тех или иных владельцев акций в общих собраниях акционеров;

3) судебные предписания в отношении регистратора, осуществляющего ведение реестра акционеров поглощаемого общества (указания на списание и зачисление акций, запрет подсчета голосов тех или иных акционеров или допуска их к участию в общем собрании акционеров, указание передать реестр новому регистратору и пр.);

4) в рамках трудовых споров выдаются запреты на исполнение обязанностей руководителя поглощаемого общества, а также указания о допуске вновь созданных органов управления на территорию предприятия;

5) признание недействительными решений общих собраний акционеров или решений органов управления поглощаемого общества;

6) признание недействительными выпусков акций поглощаемого общества;

7) наложение судебных арестов на имущество и денежные средства на финансовых счетах поглощаемого общества.

Административные действия

К осуществлению плана недружественного поглощения, как правило, привлекаются отдельные коррумпированные представители государственных органов, имеющие властные полномочия (МВД, Минюст, органы, регулирующие ту или иную сферу деятельности поглощаемого общества, в том числе и лицензируемую). При поддержке этих органов агрессор получает обязательные для исполнения

поглощаемым обществом предписания, проводятся выемки документов, в отношении регистратора поглощаемого общества выносятся предписания о передаче реестра и пр. Одновременно при содействии таких органов парализуются основные технологические процессы на производстве поглощаемого общества.

Силовой захват [3, с. 290] – силовая смена руководства предприятия с использованием частных

охранных предприятий, службы судебных приставов, сотрудников милиции.

В заключение необходимо акцентировать внимание на том, что знание этапов совершения рейдерства и других элементов криминалистической характеристики этого общественно опасного деяния, несомненно, будет способствовать разработке наиболее целенаправленных и эффективных методик его раскрытия и расследования.

Литература

1. Анисимов, А. Как бороться с «бытовыми рейдерами»? / А. Анисимов // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 9.
2. Баландин, П. Пираты XXI века / П. Баландин // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 1.
3. Глуховская, Э. Осторожно: долевая собственность, или сосед-рейдер / Э. Глуховская // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 46.
4. Добровольский, В. И. Защита корпоративной собственности в арбитражном суде / В. И. Добровольский. – М., 2006.
5. Иванкина, Е. В. Практика судебной и досудебной защиты добросовестных правопробретателей земельных участков от рейдерских захватов / Е. В. Иванкина // Правовые вопросы строительства. – 2008. – № 2.
6. Корсак, А. Б. Противодействие рейдерству в системе антикоррупционных мер / А. Б. Корсак // Безопасность бизнеса. – 2008. – № 3.
7. Лазаревский, А. Административное рейдерство / А. Лазаревский // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 41.
8. Мазуренко, М. А. Рейдерство в Краснодарском крае / М. А. Мазуренко // Общество и право. – 2009. – № 4.
9. Пименов, Н. А. Проблемы рейдерства в России / Н. А. Пименов // Налоги. – 2010. – № 3.
10. Савуляк, Э. Как минимизировать риск захвата компании / Э. Савуляк // Консультант. – 2009. – № 23.
11. Святкина, Н. И. Способы защиты права собственности при незаконных захватах недвижимости (рейдерстве) : проблемы правоприменения / Н. И. Святкина // Право и экономика. – 2009. – № 10.

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ КРИМИНАЛЬНОГО ПОГЛОЩЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОНКРЕТНЫХ ЭПИЗОДОВ КРИМИНАЛЬНОГО РЕЙДЕРСТВА

В.А. Скалунов,
Начальник Главного управления
внутренних дел по Челябинской
области

К.А. Сергеев,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Челябинского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук

Одним из способов криминального поглощения юридического лица «является регистрация в Едином государственном реестре юридических лиц фиктивных сведений о назначении на должность руководителя захватываемого предприятия «подставного» лица, которое затем совершает сделки по отчуждению активов в интересах рейдерской группы» [6]. Во многом достижению криминальной задачи способствует определенное несовершенство ряда норм Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 9 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Существенным недостатком является отсутствие правового механизма, который исключал бы возможность вносить изменения в единый государственный реестр юридических лиц на основании сфальсифицированных документов.

Подтверждает сказанное один из следующих примеров.

В 2008 г. в процессе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками БЭП ГУВД по Челябинской области была выявлена преступная деятельность гражданки О.В. Шаховой. Используя несовершенство названного закона, в марте-апреле 2008 г. она совершила незаконный переход прав на владение, управление ЗАО «Синталис» и распоряжение его имуществом комплексом в виде имущественного комплекса «Чебаркульский крановый завод», законными владельцами которого являлись гр. К. и К. Основными эпизодами преступной деятельности являлись изготовление подложных документов о продаже собственниками 100% акций ЗАО «Синталис» и предоставление их для регистрации в инспекцию Федеральной налоговой службы по Центральному району г. Челябинска.

Благоприятные условия для криминальных действий создает возможность проводить внеоче-

редные собрания акционеров в произвольные сроки по инициативе совета директоров, а также на основании требования акционера (акционеров), владеющего не менее чем 10% голосующих акций. Закон не обязывает сотрудников Федеральной налоговой службы проверять содержание предоставляемых документов. Они фиксируют лишь необходимый для внесения изменений в ЕГРЮЛ перечень, а также сам факт предоставления. Следствием такого несовершенства закона являются многочисленные подделки протоколов общих собраний участников, заявлений от имени руководителя организации и т.д. Таким образом, представители криминальных структур становятся не только участниками ООО, ОАО, но и добиваются внесения в ЕГРЮЛ сведений о поддерживаемом ими генеральном директоре, что позволяет лишний раз доказать легитимность его назначения [5].

Так, для того чтобы беспрепятственно совершить мошеннические действия, преступной группой в составе Ю., Н., А., А., М. был разработан план совершения преступлений, направленных на завладение мошенническим путем комплексом зданий и имуществом ОАО «Научно-исследовательский институт эластомерных материалов и изделий» на сумму не менее 175 035 771 (ста семидесяти пяти миллионов тридцати пяти тысяч семисот семидесяти одного) рубля 73 (семьдесят трех) копеек. План включал в себя ряд сложных многоходовых завуалированных комбинаций. Одним из эпизодов преступной деятельности в ноябре 2003 г. явилась фальсификация протокола общего собрания акционеров ОАО «НИИЭМИ», датированного 31 октября 2003 г., об избрании генерального директора ОАО «НИИЭМИ». Для того чтобы беспрепятственно совершить мошеннические действия и при этом избежать привлечения к уголовной ответственности, на должность

генерального директора на внеочередном собрании был «избран» гражданин Узбекистана Ю., ранее при не установленных следствием обстоятельствах утративший свой гражданский паспорт, страдающий тяжким психическим заболеванием. При составлении указанного документа использовался оттиск поддельной печати данной организации [7].

Таким образом, в качестве основного приема по незаконному приобретению права на владение, управление и пользование результатами деятельности юридического лица на данном этапе используется один и тот же способ – проведение фальсифицированных внеочередных собраний [9]. Важное качество внеочередного собрания – оперативно решать возникающие в акционерном обществе вопросы – активно используется криминальными лицами. В отсутствие реального направления требования о созыве собрания совету директоров (например, направляют по почте конверты с чистыми листами бумаги) преступники организуют и проводят общее собрание акционеров. Более того, нормы Закона наделяют правом владельцев небольших пакетов акций требовать общего рассмотрения актуальных вопросов, связанных с управлением обществом.

При проведении внеочередных собраний активно используется законодательное положение, позволяющее считать легитимными решения общего собрания с кворумом, равным 30% от числа голосующих акций. При этом применяются различные приемы, препятствующие участию в собрании, а следовательно, в принятии решений акционеров, способных отрицательно повлиять на принятие нужных для криминальных структур решений [5].

Одним из примеров является судебное разбирательство по уголовному делу в отношении преступных действий Бурштейн, направленных на криминальное поглощение ЗАО «Петербург-ВнешТранс», в том числе находящееся в собственности предприятия здание склада площадью более 34 тыс. кв. м, расположенное на территории Большого морского порта Санкт-Петербурга. В ходе разбирательства был доказан эпизод, когда подсудимый с целью получения доступа к управлению предприятием провел незаконное собрание акционеров ЗАО «Петербург-ВнешТранс», на котором и был избран генеральным директором [6].

В Челябинской области также выявлены ситуации, когда для принятия выгодных для криминальных структур решений нарушается федеральное законодательство.

В архиве Арбитражного суда Челябинской области находится дело с иском Г. к обществу «ОЛИГА Еврофарм», к инспекции о государственной регистрации изменений, внесенных в Устав общества «ОЛИГА Еврофарм» о признании недействительными решений общего собрания участников общества «ОЛИГА Еврофарм», оформленных протоколом от 4 июня 2007 г. № 2.

Судом были рассмотрены обстоятельства обжалуемых действий. В основу выводов суда положены следующие аргументы:

– нарушено требование п. 1 ст. 36 («Порядок созыва общего собрания участников общества») Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». В соответствии с его требованием «орган или лица, созывающие общее собрание участников общества, обязаны не позднее, чем за тридцать дней до его проведения, уведомить об этом каждого участника общества заказным письмом по адресу, указанному в списке участников общества, или иным способом, предусмотренным уставом общества».

Заявительница не была уведомлена о проведении общего собрания;

– нарушен п. 4.5 Устава самого общества «ОЛИГА Еврофарм», полностью повторяющего соответствующее требование федерального закона, но предусматривающего в соответствии с п. 5 ст. 36 названного Федерального закона считать легитимным решение общего собрания, если при отсутствии соблюдения срока оповещения о проведении общего собрания на его открытии и при принятии решения участвовали все участники общества.

Заявительница была лишена возможности и не присутствовала при проведении собрания;

– в соответствии с пп. 2, 3 п. 2 ст. 33 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ принятие решений по вопросам изменения устава общества, внесения изменений в учредительный договор относится к исключительной компетенции общего собрания участников, осуществляется большинством не менее 2/3 голосов от общего числа голосов участников общества (п. 8 ст. 37 указанного Закона).

Данное требование выдержано не было: заявитель Г. является собственницей доли в размере 50% уставного капитала общества «ОЛИГА Еврофарм».

С учетом изложенного суд пришел к обоснованным выводам о неправомерности оспариваемого собрания, о нелегитимности принятых на нем

решений, а следовательно, о недействительности государственной регистрации изменений, внесенных в Устав общества «ОЛИГА Еврофарм» на основании принятых собранием решений [8].

Приведенные выше фактические данные указывают на наличие двух проблем.

Первая связана с низким уровнем правового регулирования корпоративных отношений, несовершенством редакций действующих федеральных законов «Об акционерных обществах» [3], «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О

рынке ценных бумаг» [2], «О несостоятельности (банкротстве)» [1].

Вторая проблема заключается в отсутствии должного взаимодействия по выявлению и пресечению криминального рейдерства правоохранительными и иными органами, осуществляющими контрольную функцию за деятельностью юридических лиц.

Решение перечисленных проблем позволит существенно повысить борьбу с одним из наиболее опасных видов экономической преступности.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28 апр. 2009 г.) // Рос. газ. – 2002. – 2 нояб.
2. О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 3 июня 2009 г.) // Рос. газ. – 2006. – 25 апр.
3. Об акционерных обществах : федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 306-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
4. В Санкт-Петербурге вынесен приговор по уголовному делу о рейдерском захвате предприятия. – URL: <http://www.genproc.gov.ru/news/news-8564> (дата обращения: 14 окт. 2008 г.).
5. Губин, Е. П. Слияния и поглощения: проблемы правового регулирования / Е. П. Губин, А. Е. Молотников // Вестник Арбитражного суда города Москвы. – 2006. – № 2.
6. Доклад заместителя начальника Следственного комитета при МВД России генерал-майора юстиции Ю.Ф. Алексеева на Комиссии Ассоциации юристов России по законодательству в сфере обороны, безопасности и совершенствования правоохранительной деятельности. – URL: <http://www.torshin.ru/activity/f01bf3ae/f28370f5/3944f32b/?PHPSESSID=dee9eae5c80bb1a528a2dc8376a6767b> (дата обращения: 17 марта 2009 г.).
7. Обвинительное заключение по уголовному делу № 302618. Москва по обвинению Городничева Ю. Н., Казариновой А. В., Комиссарова А. С., Резниченко М. С., Фокина П. В. и др. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.
8. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 23 июня 2008 г. по делу № А76-4813/2008-5-235 «О признании недействительными решений общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью и решения налогового органа о государственной регистрации изменений, вносимых в Устав общества».
9. Свириденко, О. М. Пришло время усложнить рейдерам жизнь / О. М. Свириденко // Слияние и поглощение. – 2007. – № 3(49).

VI. ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ОСНОВНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СТРАТЕГИЮ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

О.Р. Абрамовская,
ассистент кафедры теории права
и уголовно-правовых дисциплин
УрАГС (Челябинский институт)

Мировое сообщество довольно давно пришло к выводу, что коррупции как распространенному негативному социально-правовому явлению можно успешно противодействовать только общими усилиями государств, их объединений, а также международных организаций. В этом состоит одно из важнейших положений уголовной политики в борьбе с коррупцией и составляющими ее коррупционными преступлениями. Причем данная политика разрабатывается и реализуется на национальном, региональном и мировом уровнях, ведь, по словам В.В. Лунеева, «коррупция приобрела не только внутригосударственные, но и глобальные масштабы, она вышла за рамки национальных границ и требует глобального подхода» [4, с. 100–101].

В условиях расширяющихся международных связей проблема коррупции неразрешима в отдельно взятой стране [2, с. 23]. Ее преодоление относится к сфере взаимной ответственности и требует адекватных, скоординированных комплексных мер противодействия.

В конце XX в. был принят ряд документов международного характера, касающихся совместных усилий государств в противодействии коррупции. Среди этих документов следует обратить внимание на следующие:

1) Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.);

2) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.);

3) Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1996 г.);

4) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1979 г.);

5) Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (утверждены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1989 г.);

6) Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 г.);

7) Модельный кодекс поведения для государственных служащих (принят Комитетом министров Совета Европы 11 мая 2000 г.);

8) Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.);

9) Конвенция Совета Европы о гражданской правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 9 сентября 1999 г.);

10) Двадцать принципов борьбы с коррупцией (приняты Комитетом министров Совета Европы 6 ноября 1997 г.);

11) Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 ноября 1990 г.);

12) Единые правила против коррупции при финансировании политических партий и избирательных кампаний (приняты Комитетом министров Совета Европы 8 апреля 2003 г.);

13) Партнерство ЕС/Россия. Совет сотрудничества. О плане совместных действий по борьбе с организованной преступностью (Брюссель, 29 марта 2000 г.);

14) Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью (Москва, 25 ноября 1998 г.);

15) Модельный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем» (принят на XII пленарном заседании МПА СНГ 8 декабря 1998 г.);

16) Модельный закон «О борьбе с коррупцией» (принят на XIII пленарном заседании МПА СНГ 3 апреля 1999 г.);

17) Модельный закон «Об основах законодательства об антикоррупционной политике» (принят

на XXII пленарном заседании МПА СНГ 15 ноября 2003 г.); и др.

В настоящее время необходимо отметить очевидную тенденцию к устранению в законодательстве по борьбе с коррупцией принципиальных на этот счет формулировок (это прежде всего принципы подхода к установлению уголовной ответственности за коррупционные преступления, особенности законодательного формулирования внешне различных, но в принципе схожих уголовно-правовых запретов, то есть в известной мере особенности законодательной техники, обусловленной тенденциями законодотворческого порядка).

В 2004 г. Президентом РФ подписан Федеральный закон № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее».

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. явилась ответным шагом мирового сообщества на глобализацию организованной преступности и коррупции. Конвенция охватывает широкий спектр проблем, в том числе и коррупцию как преступление, имеющее транснациональное значение [3, с. 82–94].

Этот документ создает комплексную правовую основу для практического взаимодействия правоохранительных органов различных государств в выявлении, предупреждении, расследовании всех преступлений, представляющих высокую степень общественной опасности и затрагивающих интересы двух и более стран.

В сферу применения конвенции входят преступления, срок наказания по которым составляет не менее четырех лет, а также преступления, включающие создание организованной преступной группы, отмывание доходов, коррупцию и воспрепятствование осуществлению правосудия.

Необходимо отметить, что положениями данной конвенции предусмотрен широкий спектр мер по предупреждению и противодействию коррупции. Она детально регламентирует взаимную правовую помощь, выдачу лиц, совершивших коррупционные преступления, меры по приостановлению и замораживанию операций, аресту и конфискации преступных доходов, включая имущество, оборудование и другие средства, предназначавшиеся для совершения преступлений.

В 2006 г. Россией также ратифицированы важнейшие международные документы антикоррупционного характера – Конвенция ООН против коррупции и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Следует отметить, что среди членов Большой Восьмерки Россия оказалась третьим государством, ратифицировавшим Конвенцию ООН против коррупции (после Франции и Великобритании).

Можно утверждать, что ратификацией этих договоров Россия подтвердила политическую волю к борьбе с коррупцией, взяв на себя обязательства в сжатые сроки принять конкретные меры правового и организационного характера, чтобы соответствовать требованиям обеих конвенций. В подтверждение намерений был принят Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

9 декабря 2003 г. Россией была подписана Конвенция ООН против коррупции [3], а 8 марта 2006 г. федеральный закон о ее ратификации.

Данная Конвенция является объемным международно-правовым актом, содержащим значительные нововведения. В ее основу положен комплексный подход, отражающий сложную социально-правовую природу коррупционной преступности, разнообразие и многоуровневый характер мер борьбы с ней. Конвенция призвана стимулировать углубление антикоррупционного сотрудничества на межгосударственном уровне, ведь трансграничный характер коррупции диктует необходимость расширения эффективного антикриминального сотрудничества не только в региональном и двустороннем форматах, но и на глобальном уровне.

Мировым сообществом сделан ответственный шаг в расширении международно-правовой базы противодействия коррупции в вопросах предупреждения перевода средств незаконного происхождения, полученных от актов коррупции. Возвращение активов, согласно Главе V Конвенции, представляет собой основополагающий принцип данного документа, и государства-участники самым широким образом сотрудничают друг с другом и предоставляют помощь в этом отношении.

Важным является и тот факт, что каждое государство-участник рассматривает возможность создания в соответствии со своим внутренним законодательством эффективных систем, предусматривающих раскрытие финансовой информации относительно соответствующих публичных должностных лиц, и устанавливает надлежащие санкции за несоблюдение этих требований.

Федеральный закон «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», принятый Госдумой 8 июля 2006 г. и одобренный Советом Федерации 14 июля, был подписан Президентом РФ Владимиром Путиным. От имени Российской Федерации данная Конвенция была подписана в Страсбурге 27 января 1999 г.

Характеризуя основные положения Конвенции, следует отметить, что в указанном документе предусматривается четкая дифференциация мер, принимаемых на национальном уровне (разд. 2, ст.ст. 2–23), и мероприятий по осуществлению международного сотрудничества государств в борьбе с коррупцией (разд. 4, ст.ст. 25–36).

Следует обратить внимание на тот факт, что, в отличие от отечественного законодательства, в соответствии с положениями Конвенции предметом подкупа как активного, так и пассивного, признаются любые неправомерные преимущества, а не только имущество и имущественные блага. Также в Конвенции предложено считать уголовно наказуемыми деяниями не только предоставление и получение указанных преимуществ, но и их обещание, предложение, испрашивание либо принятие такого предложения или обещания [5, с. 119–122].

Важным положением Конвенции является регламентация наказания и выдачи преступников. После подписания в январе 1999 г. значительным числом европейских стран (включая Россию) Уголовно-правовой конвенции о борьбе с коррупцией, лица, совершившие коррупционные преступления, уже не смогут использовать территории этих стран для того, чтобы избежать уголовного преследования (как это происходило при отсутствии двустороннего соглашения об экстрадиции между конкретными странами). Однако все же остается возможность выбора страны с наиболее мягким наказанием за совершенные правонарушения коррупционного характера.

Достаточно подробное содержание Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию позволяет рассматривать ее как серьезную договорно-правовую основу для борьбы с коррупцией на национальном, международном и региональном уровнях.

Итак, очевиден тот факт, что, поддерживая рекомендации вышеуказанных международно-правовых актов и реализуя обязательства, взятые на себя при подписании и ратификации этих документов, Российская Федерация как член международного сообщества обязана разрабатывать новые правовые нормы и использовать существующее законодательство о борьбе с коррупцией. Дальнейшее приведение российского законодательства в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации в сфере борьбы с этим негативным явлением должно стать одним из приоритетных направлений.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Документ : сайт Владивостокского центра исследования организованной преступности [Эл. данные]. – Владивосток, 2003.
2. Алексеев, С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / С. В. Алексеев. – Новочеркасск, 2008.
3. Егорова, Н. А. Уголовная ответственность за коррупцию в свете Европейской Конвенции 1999 года и УК РФ / Н. А. Егорова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 3.
4. Лунеев, В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2000. – № 4.
5. Максимов, С. В. Основы противодействия коррупции / С. В. Максимов и др. – М., 2000.

ПРАВО ЛИЧНОСТИ НА САМОЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД И ИНСТИТУТ САМОЗАЩИТЫ: СОДЕРЖАНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Н.В. Драничникова,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Челябинского юридического
института МВД России

На конституционном уровне право на самозащиту прав и свобод впервые было закреплено в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 года, а затем и в Конституции Российской Федерации 1993 года [1]. С этого момента право на самозащиту стало регламентироваться и в отраслевом законодательстве (гражданском, уголовном, административном, трудовом и др.).

Однако как ни парадоксально, право на самозащиту отождествляется со способами и средствами его реализации, которые закреплены в ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, конкретизированы в уголовном, административном, гражданском, трудовом и ином законодательстве, но могут определяться и самим субъектом самозащиты. Указанную норму можно толковать следующим образом: «Каждый человек на территории России вправе самостоятельно выбирать любой способ защиты, который он считает наиболее приемлемым для себя. Это может быть один способ, комплекс таких способов, комбинация средств защиты и способов защиты, предоставляемых государством, и т.д.». Данная возможность защиты распространяется на все группы прав: личные, политические, социальные, экономические и культурные. В соответствии со ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения [2]. Вред, причиненный реализацией права на самозащиту, должен соответствовать реальному или возможному вреду, причиненному нарушением. Следовательно, вред от самозащиты должен быть соразмерен нарушению, угрозе нарушения права.

К сожалению, в законодательстве отсутствует четкий перечень способов самозащиты, а также указание на возможность установления иных способов защиты, не противоречащих закону, что свидетельствует о необходимости более детальной законодательной разработки данного института

с целью формирования эффективного механизма самостоятельной защиты прав и свобод.

Для того чтобы человек активно проявлял себя для защиты своих прав и свобод, недостаточно просто законодательно закрепить данную возможность. Необходимо разработать систему действий рекомендательного характера, который лицо могло бы использовать при возникновении соответствующей ситуации. В настоящее время в российском законодательстве не содержится четкого рекомендательного механизма реализации права. Отсутствие данной регламентации снижает эффективность реализации права на самозащиту.

В связи с этим вполне объясним возрастающий интерес исследователей к проблемам реализации конституционного права личности на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

В научной литературе не существует явных границ между юридическими понятиями «право личности на самозащиту» и «самозащита прав и свобод», иногда даже происходит смешение, а то и отождествление этих категорий. Между тем, несмотря на их схожесть и близость, они не являются синонимами. Каждое из них, на наш взгляд, имеет свое содержание. Поэтому возникает теоретическая и практическая потребности, с одной стороны, в более четком разграничении указанных понятий, а с другой – в уяснении проблем соотношения этих относительно самостоятельных правовых явлений.

Вновь возвращаясь к тексту Конституции Российской Федерации, обратим внимание, что право на самозащиту включено в главу 2, в которой представлены основные права и свободы человека и гражданина, подлежащие защите. Исходя из этого, право на самозащиту относится к разряду основных неотчуждаемых конституционных прав и свобод, гарантируется и подлежит государственной защите. На конституционном уровне провозглашено правило о том, что неотчуждаемые права и свободы «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ). Поэтому, если это применить к праву на самозащиту, то оно существует независимо от наличия или отсутствия соответствующих законодательных положений. Как справедливо отме-

чено Е.Б. Казаковой, «по отношению к отдельным видам самозащиты можно говорить о необходимости соблюдения определенной процедуры» [6, с. 169].

Право на самозащиту прав и свобод относится и к общим конституционным гарантиям прав и свобод человека и гражданина, среди которых отмечаются: конституционно-судебный механизм защиты прав и свобод; судебная защита прав и свобод; законная самозащита человеком прав и свобод; административно-правовая защита прав и свобод и международная защита прав и свобод [5, с. 74]. Самозащита как конституционная гарантия используется для реализации других прав, например: на жизнь, честь и достоинство, личную неприкосновенность, частную собственность и др.

В юридической науке в последнее время признается не только право на самозащиту, но и утверждается факт наличия целой системы прав на самозащиту, элементами которой являются право на необходимую оборону (ст. 37 УК РФ), права, сопряженные с ситуацией крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), право на самозащиту права (ст. 12 ГК РФ), «право на молчание» (ст. 51 Конституции) и т.п. [9, с. 30].

Вопрос о сущности и содержании самозащиты прав в научной литературе является дискуссионным. Содержание дискуссии заключается в различной трактовке основных элементов ее состава (субъект, объект, цель, основания применения). Многообразие взглядов на самозащиту складывается из разного толкования каждого элемента и индивидуального сочетания этих толкований, свойственного каждой концепции.

Понятие «самозащита» рассматривается в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова под самозащитой понимают «любые действия лица, обладающего субъективным правом, связанные с защитой данного права от нарушения (включая подачу иска, жалобы, самостоятельную защиту прав в суде без помощи адвоката и т.п.)» [8, с. 17]. В узком смысле – это «фактические меры, которые лицо при необходимости применяет для защиты своих прав (действия в условиях крайней необходимости и необходимой обороны)» [7, с. 898].

Наиболее спорным вопросом относительно форм самозащиты является вопрос о возможности осуществления самозащиты только самостоятельно или с правом обращения к иным лицам или компетентным органам. По порядку реализации права человека на самозащиту можно выделить следующие формы: без обращения в компетентные органы и организации и с обращением в компе-

тентные органы и организации. Так, В. А. Усанова отмечает, что самозащита включает не только самостоятельные действия человека, но и право обращения за защитой нарушенного права к государственным органам, различным организациям и лицам, а также право собраний, публичных мероприятий, право на объединение и т.д. [10]. А.С. Автономов не согласен и полагает, что «при таком подходе понятие самозащиты размывается, и получается, что самозащита сливается не только с защитой, но и с довольно широким кругом самостоятельных прав человека, реализация которых помогает обеспечить другие права того же человека» [3, с. 311]. Поэтому представители противоположной точки зрения считают, что самозащита заключается в возможности осуществлять в одностороннем порядке действия по самостоятельной защите (охране) своих прав и свобод, то есть только лицом, права которого нарушены, без обращения в компетентные органы.

Соответственно, предоставление права на самозащиту означает, что самостоятельно защищать свои права, свободы без обращения в компетентные органы и организации можно такими способами, как: забастовка, демонстрации, пикетирования, реализация свободы передвижения и выбора места жительства, отказ подозреваемого (обвиняемого) от дачи свидетельских показаний против себя и своих близких, необходимая оборона, крайняя необходимость и т.п. Помимо правовых способов защиты, существуют и неправовые, которые реализуются в данной форме, – голодовки, перекрытие магистралей, отказ разговаривать и т.д.

Заметим, что самозащита без обращения в компетентные органы и организации реализуется, как правило, сразу при возникновении необходимости в защите.

Если говорить о мерах осуществления права на самозащиту, то объективные пределы имеют нормативно-правовой характер и сформулированы в законодательстве, хотя специального нормативного акта, раскрывающего пределы самозащиты, до настоящего времени не принято.

Согласно принципу, сформулированному в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Прежде всего, это означает, что невозможно защищаться, не причинив никакого вреда. Но при соблюдении установленных законом требований причинение вреда является правомерным.

Таким образом, анализ научных источников позволяет сделать вывод о том, что самозащита

прав – весьма сложное, многоаспектное и многогранное правовое явление. И это как раз обуславливает наличие самых различных взглядов на ее понятие.

При существующей терминологической неопределенности нормативные акты, закрепляющие самозащиту, также не указывают, что соответствующее поведение лица является разновидностью самозащиты. Поэтому актуальными остаются вопросы: какое именно поведение разрешено при использовании права на самозащиту? Что выступает в качестве объекта права на самозащиту?

Категория правовой самозащиты в последнее время достаточно активно обсуждается в теории права. Множественность подходов изучения приводит к тому, что юридическая наука не выработала единого понимания понятия самозащиты. Определения, предлагаемые различными учеными, противоречивы, что даже простой выбор в качестве наиболее обоснованного представляется невозможным без надлежащего исследования и сравнения.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что институт самозащиты прав не может находиться в системе средств защиты прав [12, с. 45]. Так, например, в ст. 12 ГК РФ самозащита включена в перечень способов защиты гражданских прав, что, по мнению А. М. Эрделевского, является не вполне точной. В ст. 14 ГК РФ предусматривается определенный порядок защиты прав, а не конкретный способ такой защиты, отсюда делается вывод, что самозащита может осуществляться различными способами и являться более общим понятием.

Представляется, что самозащита прав, как и любое другое правовое явление, характеризуется рядом признаков, которые позволяют отграничить данный институт от других правовых институтов. Таким образом, можно выделить следующие признаки самозащиты:

1. Осуществление самозащиты возможно только после нарушения права или иногда во время нарушения права.

2. Лицо, осуществляющее самозащиту, как правило, в момент осуществления не может обращаться к компетентным органам за защитой своего права или если обращение к таким органам возможно, однако применение мер самозащиты в данной обстановке более оперативно и действенно.

3. Самозащита осуществляется, прежде всего, силами самого потерпевшего.

4. Самозащита не должна выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения и должна быть соразмерна нарушению [11, с. 53].

Перечисленные признаки самозащиты права подчеркивают, по нашему мнению, что ее нельзя ставить в один ряд с другими способами защиты, так как она отличается некоторой спецификой (вариабельностью, оперативностью, отсутствием обязательной процедуры и др.).

В научной литературе имеется более широкий и объемный подход к содержанию самозащиты прав. По мнению С. В. Горбачевой, самозащита прав в системе правоотношений выступает в качестве конкретного эффективного механизма, совокупности способов и средств, закрепленных действующим законодательством либо не запрещенных им, но используемых в целях обеспечения реализации прав, свобод гражданина либо их восстановления [4].

Поскольку право на самозащиту образует правовой институт, а само оно, как уже было отмечено, направлено на гарантирование осуществления прав и свобод, то можно сделать вывод, что весь комплексный правовой институт самозащиты прав направлен на обеспечение правомерной реализации прав и свобод человека и гражданина

По нашему мнению, самозащита прав – комплексный (правовой) институт, состоящий из совокупности правовых норм, закрепляющих порядок совершения гражданином самостоятельно имеющих юридическое значение фактических действий, обеспечивающих сохранение и восстановление его прав и свобод.

В специальной литературе право на самозащиту рассматривается в различных аспектах. Его исследуют как гарантию, юридическое средство или способ обеспечения всех других прав и свобод, субъективное право личности, элемент его правоспособности и правового статуса.

Н. И. Уздимаева определяет право на самозащиту как «юридически закрепленную, гарантируемую и охраняемую государством возможность в ситуации, когда права, свободы ... лица нарушены либо сопряжены с непосредственной угрозой нарушения, осуществлять самостоятельными действиями, без обращения к юрисдикционным органам, их защиту путем совершения действий, направленных на предотвращение либо устранение нарушения, если при этом не допущено превышения пределов самозащиты...» [9, с. 35].

Исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что право на самозащиту – это многоплановое и многофункциональное правовое явление. Оно выступает в качестве ком-

плексного (межотраслевого) института, регулирующего однородные виды общественных отношений.

В заключение отметим, что право личности на самозащиту прав и свобод и институт самозащиты как относительно самостоятельные и в

то же время тесно взаимосвязанные правовые категории играют весьма важную роль, а их развитие будет способствовать повышению эффективности всего государственно-правового механизма обеспечения прав и свобод, в частности механизма самостоятельной защиты прав и свобод.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. – 2009. – 21 янв.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Рос. газ. – 1994. – 8 дек.
3. Автономов, А. С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность : науч. изд. / А. С. Автономов. – М., 2009.
4. Горбачева, С. В. Самозащита прав по российскому законодательству : автореф. ... дис. канд. юрид. наук / С. В. Горбачева. – Н. Новгород, 2005.
5. Грудцына, Л. Ю. Особенности конституционных гарантий реализации прав человека в гражданском судопроизводстве / Л. Ю. Грудцына // Законодательство и экономика. – 2004. – № 6.
6. Казакова, Е. Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Б. Казакова. – Тамбов, 2006.
7. Новый юридический словарь / под ред. А. И. Азрилияна. – 2-е изд., доп. – М., 2008.
8. Свердлык, Г. А. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав / Г. А. Свердлык, Э.Л. Страунинг // Государство и право. – 1998. – № 5.
9. Уздимаева, Н. И. Правовая самозащита как самостоятельное субъективное право / Н. И. Уздимаева // Современное право. – 2008. – № 6.
10. Усанова, В. А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Усанова. – Волгоград, 2003.
11. Халиков, В. Р. Самозащита в российском трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук / В. Р. Халиков. – Томск, 2006.
12. Эрделевский, А. М. Самозащита гражданских прав / А. М. Эрделевский // Юридический мир. – 1998. – № 8.

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИЛИЦИИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

И.В. Иванько,
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
Челябинского юридического
института МВД России

Проблемы взаимодействия между различными органами власти и управления в вопросах охраны общественного порядка, а также создание механизма для реализации данной функции на территории как самого государства, так и конкретного муниципального образования остаются актуальными, требующими осмысления.

В настоящее время основные правовые взаимоотношения органов внутренних дел с органами власти регулируются Конституцией РФ, Законом Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции» [2], Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1], конституциями и уставами субъектов Российской Федерации, Указом Президента РФ от 12 февраля 1993 г. № 209 «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» [4], Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [3], Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2000 г. № 926 «О подразделениях милиции общественной безопасности» [5], Типовым положением о министерстве внутренних дел, главном управлении, управлении внутренних дел по субъекту Российской Федерации и другими актами.

Взаимодействие относится к разряду основных характеристик управления. Сущность управления, применительно к вопросу охраны общественного порядка, состоит в обеспечении согласованности совместной деятельности органов местного самоуправления и ОВД. При этом предполагаются совместные действия в определенных организационно-правовых формах, обеспечивающих охрану общественного порядка и общественную безопасность.

Под взаимодействием ОВД и органов местного самоуправления предлагается понимать их совместную согласованную деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством в целях опти-

мального решения поставленных задач в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и укрепления законности.

Рассматривая аспекты взаимодействия ОВД с органами местного самоуправления, на наш взгляд, можно выделить ряд конкретных форм взаимодействия относительно охраны общественного порядка:

1) совместный комплексный анализ оперативной обстановки на территории непосредственно муниципального образования;

2) взаимное информирование о состоянии оперативной обстановки;

3) планирование совместных мероприятий в области охраны общественного порядка;

4) подготовка и проведение заседаний различных комиссий, совместных совещаний по итогам работы в сфере охраны общественного порядка;

5) совместное осуществление мероприятий по правовой пропаганде;

6) участие органов внутренних дел в правотворческой деятельности органов местного самоуправления;

7) совместное изучение, обобщение и распространение положительного опыта работы по охране общественного порядка;

8) проведение мероприятий по внедрению аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в муниципальном образовании.

Целесообразно остановиться на некоторых из них более подробно.

1. Совместный комплексный анализ оперативной обстановки предполагает взаимное изучение поступающей информации, которая характеризует состояние дел на определенный период времени относительно охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и борьбы с различными правонарушениями. Полное объективное изучение и анализ полученной информации, представленной сторонами осуществляемого взаимодействия, помогают своевременно выявить встречающиеся на практике недостатки и упущения, а также причины и условия, способствующие возникновению и росту правонарушений, места с наиболее сложной в оперативном отношении обстановкой.

Аналитические выводы и предложения по ним, при учете конкретно поставленных задач по обеспечению

печению необходимого взаимодействия между органами местного самоуправления и ОВД, служат основой для разработки совместных мероприятий. Проведение указанных мероприятий должно закрепляться в специально разработанных комплексных планах по обеспечению должного общественного порядка.

Однако на практике совместный комплексный анализ оперативной обстановки осуществляется только ОВД, а затем полученную информацию передают в органы местного самоуправления, где она в конечном счете остается невостребованной.

2. Взаимное информирование о состоянии оперативной обстановки органов местного самоуправления и ОВД должно проводиться постоянно, всесторонне и полно. Подобная связь способна обеспечивать возможность оперативного принятия верного и правильно обоснованного решения по наиболее важным вопросам в представленной сфере деятельности. Однако существующая практика показывает, что обмен информацией между органами местного самоуправления, ОВД и другими органами исполнительной власти, осуществляющими охрану общественного порядка, находится еще на не достаточно высоком уровне. Подобная проблема существует и во внутренней сфере деятельности самих подразделений Министерства внутренних дел.

Для получения необходимой информации каждое подразделение и служба в таких условиях вынуждены собирать информацию самостоятельно, что ведет к дублированию действий, излишней трате сил и времени, а также информационной перегрузке.

При налаженном обмене информацией стороны имеют возможность быстро получать интересующие их сведения по конкретным вопросам в рассматриваемой сфере деятельности.

Обмен информацией можно производить путем:

- а) представления взаимной информации об оперативной обстановке;
- б) проведения совместных совещаний, заседаний, встреч руководителей взаимодействующих органов и их работников;
- в) инструктажа участников, привлекаемых к проведению совместных мероприятий;
- г) непосредственного обмена информацией, необходимой для исполнения служебных обязанностей руководителей взаимодействующих организаций и их сотрудников;

д) подготовки материалов, документов и другой информации, обобщающих положительный опыт работы по охране общественного порядка и общественной безопасности.

Обращаясь к практическому опыту, следует сказать, что информация, передаваемая со стороны ОВД, может быть искаженной, и органы местного самоуправления в большинстве случаев не знают реальной складывающейся оперативной обстановки на обслуживаемой территории.

3. Планирование совместных мероприятий органами местного самоуправления и ОВД по охране общественного порядка является одним из наиболее ярких проявлений согласованной деятельности.

В настоящее время, как показывает практика, отсутствуют не только методики разработки совместных планов, но и примерные перечни мероприятий в сфере охраны общественного порядка. В большинстве случаев имеет место смешение обязанностей. Так при составлении планов по охране общественного порядка при подготовке и проведении различных мероприятий и реализации программ совместное планирование предполагает лишь совместное утверждение принимаемого управленческого решения руководителями ОВД и органов местного самоуправления.

4. Непосредственное взаимодействие ОВД и органов местного самоуправления может выражаться в форме совместного осуществления мероприятий по правовой пропаганде. На практике это наиболее ярко проявляется в системе образования. Например, сотрудники ОВД проводят в общеобразовательных, дошкольных учреждениях специальные занятия, посвященные разъяснению вреда таких антиобщественных явлений, как наркомания, алкоголизм, проституция и др. Также ведется большая работа по разъяснению правил дорожного движения и поведения на улицах города и др.

Полезность подобных занятий не нуждается в доказывании. Они позволяют развивать общую и, самое главное, правовую культуру несовершеннолетних, что является одним из необходимых условий создания социального и правового государства в Российской Федерации [9].

5. Одной из форм рассматриваемого взаимодействия является участие органов внутренних дел в правотворческой деятельности соответствующих государственных органов власти по вопросам правового регулирования деятельности ОВД.

Единственным правоустанавливающим актом в этой сфере является приказ МВД России от 23 декабря 1994 г. № 428 «О мерах по улучшению взаимодействия органов системы МВД России с органами законодательной (представительной) власти в Российской Федерации». В соответствии с ним на ОВД возложена обязанность по координации правоподготовительных работ, информированию депутатов о состоянии борьбы с преступностью, принимаемых мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности. Однако указанный приказ не регулирует вопросы взаимодействия ОВД с представительными органами муниципальных образований. На практике органы местного самоуправления при осуществлении нормотворчества очень редко обращаются в ОВД для получения каких-либо разъяснений. Органы внутренних дел, в свою очередь, не отнесены законодательством к субъектам муниципальной правотворческой инициативы.

В соответствии со ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления осуществляют охрану общественного порядка. Раскрывая положения Конституции РФ и международных актов, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] относит к компетенции муниципального района и городского округа организацию охраны общественного порядка муниципальной милицией (п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16). Однако сроки организации и деятельности муниципальной милиции на сегодняшний день законодателем строго не определены. Также к вопросам местного значения относится создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка (п. 33 ч. 1 ст. 14).

В настоящее время непосредственная охрана общественного порядка на местном уровне осуществляется территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти – МВД России. Органы власти субъектов Российской Федерации и местные власти не несут должной ответственности в обеспечении данного вопроса. Фактическое самоустранение органов местного самоуправления от участия в обеспечении охраны общественного порядка в современных условиях приводит к тому, что МВД России несет всю полноту ответственности за состояние в этой сфере на всех уровнях территориальной организации государства. Все это

неминуемо приводит к не всегда оправданному переносу негативного восприятия населением качества охраны общественного порядка только на органы милиции.

Основным федеральным законодательным актом, определяющим взаимодействие внутренних дел с органами местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка, является Закон «О милиции». Так, в соответствии со ст. 3 настоящего Закона, милиция решает стоящие перед ней задачи во взаимодействии, в том числе с органами местного самоуправления.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что принцип взаимодействия имеет скорее не правовой, а организационный характер. Подавляющее большинство правоприменительных решений принимается милицией и ее сотрудниками самостоятельно в соответствии с действующими правовыми нормами. Закон не обязывает их при этом советоваться или согласовывать свои действия с какими-либо органами власти, организациями или лицами [8].

Проведенный в ряде муниципальных образований эксперимент показал, что в настоящее время в Российской Федерации еще недостаточно сложились должные социально-экономические, политические и организационные условия для самостоятельного осуществления органами местного самоуправления охраны общественного порядка [5].

Рассматривая организацию взаимодействия ОВД и органов местного самоуправления по вопросам охраны общественного порядка, целесообразно учитывать зарубежный опыт.

Так, органы полиции в определенных странах мира – это совокупность самостоятельных региональных полицейских подразделений, объединенных одним названием, центральным командованием, законодательством, юрисдикция которых распространяется только на конкретный регион, состоящий из одного или нескольких муниципалитетов. Кроме того, муниципальная полиция – это орган с реальными, а не с вспомогательными полномочиями, являющийся составной частью региональных органов полиции. И, конечно же, на местные органы власти в лице муниципальных правительств и (или) должностных лиц в полном объеме возлагаются функции по охране общественного порядка, при этом имеющие конституционное закрепление.

Конституционно-правовые основы организации милиции Российской Федерации и полиции

зарубежных стран характеризуется общностью конституционных установлений. Однако есть существенные отличия в механизме их практической реализации и, следовательно, публично-правовой сущности милиции и полиции. В зарубежных странах органы полиции трансформируются из правоохранительного органа в государственную профессионально-специализированную службу, оказывающую услуги гражданам в сфере охраны общественного порядка. Милиция Российской Федерации – правоохранительный орган, обязательным признаком которого является использование законных мер принуждения [7].

В заключение необходимо сделать следующие выводы:

1. Принципы и характер взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с органами местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка, в сравнении с другими зарубежными странами, только частично соответствуют уровню и содержанию демократического развития страны. Коренные преобразования системы охраны общественного порядка должны, на наш взгляд, осуществляться в направлении совершенствования организационно-структурного построения органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, изысканий новых форм и методов их взаимодействия, комплектования и обучения кадров, финансирования, материально-технического и правового обеспечения. Кроме того, необходимо внедрение качественно новых принципов в сфере организации деятельности органов внутренних дел, направленных на поэтапную их интеграцию в

систему демократического государства и гражданского общества.

2. В целях более эффективного и оперативного осуществления охраны общественного порядка на территории конкретного муниципального образования требуется расширение полномочий органов внутренних дел по муниципальным образованиям, вплоть до наделения правотворческой инициативой по вопросам их ведения.

3. Анализ действующего правового регулирования в сфере охраны общественного порядка свидетельствует о том, что конституционная обязанность обеспечения общественного порядка местными органами все еще носит декларативный характер, она не подкреплена реальными полномочиями и организационными возможностями. Определяющими в обеспечении охраны общественного порядка на муниципальном уровне являются не существование муниципальной милиции [11] или муниципальных органов охраны общественного порядка [9], а роль, полномочия и персональная ответственность местных властей по данному вопросу. Решить обозначенную проблему, по мнению автора, можно путем принятия федерального закона «О правоохранительной деятельности в Российской Федерации».

Проблема укрепления взаимодействия ОВД и органов местного самоуправления по вопросам охраны общественного порядка требует для своего эффективного решения проведения глубоких научных исследований, переосмысления многих устоявшихся теоретических положений и соответствующего правового регулирования, в том числе и по вопросам взаимодействия в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
2. О милиции : закон РФ от 18 апр. 1991 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503.
3. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 19 июля 2004 г. № 927 (в ред. указа Президента от 18 февр. 2010 г. № 208) // СЗ РФ. – 2004. – № 30. – Ст. 3149.
4. О милиции общественной безопасности (местная милиция) в Российской Федерации : указ Президента РФ от 12 февр. 1993 г. // СА Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 7. – Ст. 562.
5. О проведении в ряде муниципальных образований эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления : указ Президента РФ от 17 сент. 1998 г. № 1115 (в ред. от 16 нояб. 1998 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 38. – Ст. 4783.
6. О подразделениях милиции общественной безопасности (вместе с «Положением о создании, реорганизации и ликвидации подразделений милиции общественной безопасности, финансируемых за счет средств федерального бюджета») : постановл. Правительства РФ от 7 дек. 2000 г. № 926 (в ред. постановл. Правительства РФ от 29 мая 2006 г. № 334) // СЗ РФ. – 2000. – № 50. – Ст. 4905.

7. Астапенко, П. Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. Н. Астапенко. – М., 2009.
8. Кондрашов, Б. П. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции» (постатейный) / Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 32.
9. Кононов, А. М. Теоретические основы организации муниципальных органов охраны общественного порядка в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. М. Кононов. – М., 2000.
10. Миненко, А. В. Организация охраны общественного порядка в структуре местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Миненко. – Хабаровск, 2001.
11. Скрипкина, Ю. Г. Взаимодействие органов местного самоуправления с органами внутренних дел по охране общественного порядка на территории муниципального образования : конституционно-правовые и организационные основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Г. Скрипкина. – СПб., 2009.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Б.В. Крысин,
адъюнкт кафедры
государственно-правовых дисциплин
Челябинского юридического института
МВД России

В настоящее время формируется конституционно-правовая база для обеспечения национальной безопасности страны. Прежде всего, речь идет о законах, регулирующих режим чрезвычайного и военного положения, деятельность правоохранительных органов в современных условиях, а также законы о борьбе с терроризмом, экстремизмом, легализацией доходов, полученных незаконным путем. Ратифицированы многие международные акты, регулирующие участие России в обеспечении международной и региональной безопасности: Хартия Шанхайской организации сотрудничества, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; в рамках СНГ – Устав Организации Договора о коллективной безопасности, Соглашение о правовом статусе Договора о коллективной безопасности, Соглашение о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и единого экономического пространства. В сфере государственной и общественной безопасности, в частности в вопросах совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, можно выделить указ Президента РФ «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел РФ» [2] и указ о создании Северо-Кавказского федерального округа [1].

Вместе с тем фундамент существующей нормативно-правовой базы – Конституция РФ – не обеспечивает должного закрепления вопросов реализации положений по обеспечению национальной безопасности, в частности отсутствует конституционный механизм исполнения и привлечения к ответственности людей, наносящих ущерб безопасности России. Неприменение санкций к должностным лицам, допустившим вследствие действий или бездействия неисполнение закона, порождают незащищенность интересов государства, общества и личности.

Национальная безопасность не будет эффективной без установления ответственности за деяния, которые могут представлять угрозу для нее. Особое значение в связи с этим приобретает конституционная ответственность. А.С. Алексеев

пишет: «Конституция без ответственного министерства не закончена: это краеугольный камень конституционного государства. Ответственность министров так тесно связана с конституционализмом, что образует его существенную основу» [4, с. 5–21]. Основной закон Российской Федерации допускает воздействие за неправомерные действия при выполнении своих обязанностей только на Президента РФ (но умалчивает о том, что может послужить ее причиной), отставки Правительства и Государственной Думы РФ.

В связи с этим интерес представляет опыт зарубежных стран. Статья 35 Конституционного закона Республики Албания от 29 апреля 1991 г. гласит, что «министры несут коллективную ответственность за действия Совета Министров и персональную ответственность за действия подчиненных им органов» [8, с. 30]; в п.п. 1–4 ст. 142 Федерального Конституционного закона Австрии от 10 ноября 1920 г. (в ред. 1929 г.) указано: «Конституционный Суд рассматривает дела в связи с обвинениями, которые влекут предусмотренную конституционную ответственность верховных органов Федерации и земель за допущенные ими в ходе их официальной деятельности виновные правонарушения» [7, с. 84]; ст. 95 Конституции Румынии закрепляет: «Каждый член Правительства... несет политическую ответственность за деятельность Правительства и его акты» [8, с. 108].

Н.М. Колосова предлагает принять Федеральный конституционный закон «О конституционной ответственности» [6, с. 54]. Действительно, нужен законодательный акт, который закрепил бы юридические последствия несоблюдения конституционных норм субъектами конституционно-правовых отношений. Однако вряд ли можно признать целесообразным введение для органов государственной власти за нарушение ими Конституции РФ «предупреждения об объявлении неконституционности»: персональную ответственность обязано нести должностное лицо, по вине которого нарушена Конституция; к тому же статус органов государственной власти закреплен в Конституции РФ, поэтому объявление их неконституционными нарушило бы Основной закон. Также нецелесообразно распространять процедуру отрешения от должности Президента РФ на всех должностных лиц органов государственной власти. Президент РФ является главой государства и обладает неприкосновенностью, поэтому в отношении его предусмотрена особая процедура применения

санкций за нарушение законодательства, что касается должностных лиц, то в случае невыполнения конституционных обязанностей они могут быть досрочно отстранены от своей должности.

Т.Д. Зражевская, размышляя о конституционной ответственности, предлагает следующее: 1) привлекать высших должностных лиц к ответственности за недостижение результатов их деятельности; 2) «завязать» процедуру импичмента Президента РФ на исполнении его гражданского и политического долга; 3) установить ответственность без вины (по аналогии с ответственностью источника повышенной опасности) [5, с. 186-188].

С этим нельзя согласиться в полной мере. Во-первых, кто и на основе каких показателей должен определять, достигнут результат деятельности высшего должностного лица или нет. В государственном управлении, особенно в период реформ, положительный результат не всегда достигается так быстро, как хотелось бы. Во-вторых, понятие гражданского и тем более политического долга расплывчато, неконкретно, каждый понимает его по-своему, в разные эпохи представления о них меняются, поэтому вряд ли оправдано связывать с ними импичмент. В-третьих, конституционная ответственность без вины недопустима. Здесь уместно провести параллель не с гражданским, а с уголовным правом, где обязательным элементом состава преступления является субъективная сторона – вина в форме умысла или неосторожности.

Попыткой привлечения к конституционной ответственности за совершение действий, нано-

сящих ущерб национальной безопасности страны, можно считать обвинения, выдвинутые Специальной комиссией по отрешению Президента РФ от должности, образованной Государственной Думой РФ 19 июня 1998 г. [3]. На голосование Государственной Думы РФ было вынесено пять пунктов обвинения главы государства: 1) развал, разрушение СССР, ослабление РФ путем подготовки, заключения, реализации Беловежских соглашений; 2) совершение государственного переворота в сентябре–октябре 1993 г.; 3) развязывание и проведение военных действий на территории Чеченской Республики в 1994–1996 гг.; 4) ослабление обороноспособности и безопасности страны; 5) геноцид русского народа. Все эти претензии по своему характеру являются обвинениями в совершении действий, направленных на подрыв национальной безопасности страны.

Таким образом, назрела необходимость предусмотреть в качестве одного из оснований применения конституционной ответственности совершение действий (бездействия), представляющих угрозу национальной безопасности России. Объектом правонарушения в этом случае выступает национальная безопасность РФ, а субъектами могут являться Президент РФ, Председатель и члены Правительства РФ, высшие должностные лица субъектов РФ. Объективная сторона характеризуется действиями, направленными на подрыв национальной безопасности страны или нанесение ущерба ее национальным интересам. Субъективная сторона может быть выражена только в форме умысла.

Литература

1. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849, и в указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»: указ Президента РФ от 19 янв. 2010 г. № 82 // Рос. газ. – 2010. – 21 янв.
2. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 24 дек. 2009 № 1468 // Рос. газ. – 2009. – 28 дек.
3. Об утверждении Положения о Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания РФ по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента РФ: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 19 июня 1998 г. № 2636-П ГД // СЗ РФ. – 1998. – Ст. 3104.
4. Алексеев, А. С. Безответственность монарха и ответственность правительства / А. С. Алексеев. – М., 1907.
5. Зражевская, Т. Д. Реализация конституционного законодательства: Проблемы теории, методологии и практики: дис. ... д-ра юрид. наук / Т. Д. Зражевская. – Воронеж, 1999.
6. Колосова, Н. М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Н. М. Колосова // Государство и право. – 1997. – № 2.
7. Конституции государств Европейского Союза / Л. А. Окуньков. – М., 1997.
8. Конституции государств Центральной и Восточной Европы / Н. В. Варламова. – М., 1997.

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА И НАЦИИ

А.А. Куковский,

аспирант кафедры теории и истории государства и права Южно-Уральского государственного университета

Впервые законодательное понятие «национальная безопасность» было введено Федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 г., а в 1996 г. появилось Послание Президента России Федеральному Собранию «О национальной безопасности».

В настоящее время понятие «национальная безопасность» содержится в ряде международных договоров. Так, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод граждан перечисляются права и свободы человека и гражданина, указывается на их соблюдение в интересах реализации национальной безопасности [1, ст. 163].

Политический словарь трактует «национальную безопасность как категорию науки, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающих их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества» [9, с. 156].

Сопоставление понятий «безопасность» и «национальная безопасность» показывает, что оба они выражают единую сущность – состояние страны, при котором обеспечивается развитие личности, общества и государства и защита национальных интересов от внутренних и внешних угроз. Следовательно, эти понятия можно рассматривать как идентичные, однако понятие национальной безопасности более точно и предметно отражает сущность рассматриваемого явления [2, УП № 221].

Интерпретация терминов «безопасность» и «национальная безопасность» неоднозначна. В частности указывается на то, что национальная безопасность – это «состояние, обеспечивающее достаточную экономическую и военную мощь нации для противления... угрозам для ее существования, исходящими как из других стран, так и изнутри собственной страны» [10, с. 104]; «состояние международных отношений, исключающих нарушение свободного мира или создание угрозы безопасности народов, в какой бы то ни было форме» [8, с. 190].

Рассматривая нацию как один из элементов, составляющих государство, рассмотрим точки зрения в современной юридической науке, где

национальная и государственная безопасность определяются как понятия идентичные. В одних случаях объектами безопасности выступают государство, общество и личность, в других – общество и государство, человек и гражданин и т.д. Понятие «безопасность», согласно этимологии этого слова, означает «отсутствие опасностей, сохранность, надежность», то есть отсутствие каких-либо угроз личности, обществу и государству (объектам безопасности) [7, с. 67]. Данная позиция, на наш взгляд, хоть и отражает саму сущность понятия «безопасность», однако не конкретизирует основные направления и уровни угроз объектам безопасности.

А.П. Герасимов рассматривает национальную безопасность как симбиоз государственной и общественной безопасности, где государственная безопасность выступает средством, а общественная – целью определения и защиты жизненно важных интересов граждан [6, с. 339–340]. Данная позиция отражает сущность государства как системы по обеспечению безопасности общества, однако не уделяет должного внимания безопасности самого государства.

В последнее время появляется тенденция к определению понятия национальной безопасности как набора активных действий с целью создания благоприятных условий для развития общества и государства. Так, О.А. Бельков констатирует, что национальная безопасность – это «состояние, тенденции развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование» [5, с. 91]. Позиция автора отражает необходимость динамики всей системы национальной безопасности, в то же время нечеткое выделение угроз и направлений развития, приводит к неполному пониманию понятия «национальная безопасность».

В современной юридической науке сохраняется классический подход к определению понятия «национальная безопасность». Например, авторы монографии «Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» формулируют следующее определение: «Национальная безопасность Российской

Федерации – это состояние защищенности личности, общества и государства от возможных внутренних и внешних угроз, которое достигается совокупностью действия органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций и человека на основе законов и иных правовых актов в обеспечение суверенитета, единства и неделимости территории России, стабилизации и последующего социально-экономического и духовно-нравственного развития» [3, с. 7]. На наш взгляд, определение точно передает сущность национальной безопасности, сущность государства как системы по ее обеспечению, но в то же время не отражает инновационные тенденции к развитию национальной безопасности как функции государства в динамике, что в условиях глобализации ставит под угрозу внешних и внутренних посягательств само государство.

Подход О.Н. Смолина раскрывает суть понятия национальной безопасности, которая, с его точки зрения, «не есть безопасность одной из наций, проживающих на территории страны, пусть даже самой крупной, ведущей нации. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет, защиту стратегических интересов и полноценное развитие общества и всех граждан данного государства» [11, с. 75]. Однако данный подход не раскрывает понятие национальной безопасности по видам безопасности и по объектам безопасности.

Интересен взгляд на обозначенную проблему Ш.З. Султанова, который определяет национальную безопасность как «собственно исторические, конкретные национальные интересы и ценности, единые для всего общества, – территориальные, геополитические и культурные; государственные интересы и ценности – то, что объединяет господствующий класс или господствующий слой общества, его элиту; интересы конкретного режима, поскольку бывают различные типы режимов в рамках того или иного государства; в этом случае в доктрину национальной безопасности обязательно включены соответствующие интересы данного режима; интересы конкретного лидера и его непосредственного окружения» [12, с. 25].

Действительно, национальные интересы есть вектор развития любого государства, однако защита одних лишь национальных интересов не приведет к полноценному развитию общества и государства, к тому же интересы существующего режима не всегда отражают позицию и интересы общества, а иногда противоречат последним.

П. Белов определяет национальную безопасность как системное свойство, характеризующее способность нации удовлетворять свои жизненно важные потребности и защищать свои исторически сложившиеся базовые ценности. Главным объектом системы национальной безопасности следует считать нацию, базовыми ценностями – присущий той или иной нации уклад духовной и общественной жизни, исторически принадлежащую им территорию – источники удовлетворения духовных и материальных потребностей [4, с. 310].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что, под национальной безопасностью мы понимаем, прежде всего, способность государства защищать свои национальные интересы, устранять внутренние и внешние угрозы национальному суверенитету, территориальной целостности. Обеспечению национальной безопасности способствует миролюбивый характер отношений государства (нации) с другими государствами (нациями). Укрепление национальной безопасности заключается в создании условий, необходимых для надежной защиты интересов государства и нации и успешного решения стоящих перед ними политических, экономических и социальных задач. Термин «национальная безопасность» более верно отражает связь безопасности с нацией, то есть, с определенной территориально-государственной общностью, основанной на устойчивых социально-политических, экономических, культурных и иных связях. Можно рассматривать национальную безопасность как совокупность необходимых факторов (политических, экономических, социальных, военных, экологических и др.), обеспечивающих благоприятные условия для развития государства, общества, личности. Если на ранних этапах проблема национальной безопасности рассматривалась в основном как проблема обеспечения безопасности военной, то впоследствии в это понятие стало вкладываться все более объемное содержание, суть которого сводится к способности государства защитить национальные ценности и интересы в конкретных внешних и внутренних условиях.

Таким образом, национальная безопасность – это способность страны сохранять целостность, суверенность, политические, экономические, социальные и другие основы общества и выступать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. В таком понимании национальная безопасность рассматривается как безопасность страны, которая связана с реализацией ее интересов, включающих интересы личности, общества и государства.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 8 янв. 2001 г. // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
2. О Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики : Указ Президента Кыргызской Республики от 13 июля 2001 г. УП № 221 // Информационный центр КР «Токтом».
3. Александров, А. И. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / А. И. Александров, С. С. Ковалевский, А. В. Коровников, К. В. Сурков. – М., 2003.
4. Белов, П. Дезинформация и национальная безопасность / П. Белов. – М., 1997.
5. Бельков, О. А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности / О. А. Бельков // Безопасность. Информационный сборник. – 1994. – № 3(19).
6. Герасимов, А. П. Роль государства и права в обеспечении социальной безопасности / А. П. Герасимов ; под ред. В. В. Лазарева // Общая теория права и государства. – М., 1994.
7. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1989. – Т. 1.
8. Дипломатический словарь. – М., 1985. – Т. 2.
9. Политический словарь. – М., 2000.
10. Скакунов, Э. И. Всеобъемлющая безопасность: модель перестройки международных отношений / Э. И. Скакунов // Советское государство и право. – 1987. – № 5.
11. Смолин, О. Н. Образование и национальная безопасность / О. Н. Смолин // Свободная мысль. – М., 1996. – № 11.
12. Султанов, Ш. З. Региональные конфликты и глобальная безопасность / Ш. З. Султанов. – М., 1990.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**Т.А. Родионова,**

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Челябинского государственного университета

Одной из основных характеристик современного российского уголовного законодательства является наличие в его развитии интеграционных тенденций. Право и законодательство при всех своих противоречиях все в большей степени проявляют себя как единое целое. Так, вопросы противодействия преступности для своего эффективного решения требуют сотрудничества государств. Однако существует ряд проблем в данной области. Одной из них является соотношение международно-правовых норм и внутригосударственного уголовного законодательства.

По общему правилу, присоединяясь к тем или иным международно-правовым договорам, соглашениям, конвенциям, государства-участники берут тем самым на себя обязательства принять меры по имплементации сформулированных в них норм во внутригосударственном законодательстве.

В тех случаях, когда норма международного права порождает правоотношение внутри государства, необходим перевод данной нормы в норму национального права, юридическим средством которого является специфический метод трансформации. Этот метод заключается в издании государством-участником соответствующего международного договора (конвенции, соглашения), законов, дополняющих или изменяющих действующее внутригосударственное право.

Следует отметить, что некоторые ученые, не разделяя концепцию трансформации, пытаются теоретически уравнивать источники международного права и источники внутригосударственного права и доказать «прямой переход» источника из одной системы в другую. По мнению одного из наиболее последовательных сторонников этой позиции И.П. Блищенко, «национальный и международный договор на территории государства имеют равную силу, а граждане, юридические лица, учреждения обязаны исполнять, а национальные суды – применять международный договор так же, как национальный закон на территории государства» [1, с. 230].

Не соглашаясь с ним, С.Л. Зивс совершенно справедливо утверждает, что «ратификация международного договора, его вступление в силу вовсе не означает, что международный договор тем самым приобрел характер источника внутригосударственного права прямого действия, то есть акта, который обязаны исполнять граждане и юридические лица, а суды и иные органы государства применять» [4, с. 11].

В связи со сказанным важно отметить, что ряд российских законов содержит положение, закрепляющее правило о приоритете международных договоров перед внутригосударственными правовыми актами. Однако в отечественной науке наличие данного положения не рассматривается как юридическое основание для прямого действия международно-правовых норм. Мнения о его природе неоднозначны. Так, существует мнение, что данное положение представляет собой «заранее установленную трансформацию» норм международных соглашений в национальное право [5, с. 56].

Правильной представляется позиция С.Л. Зивса, согласно которой это положение представляет собой резервную гарантию, необходимость применения которой может возникнуть в исключительных случаях, когда после утверждения международного договора или соглашения не была осуществлена должная трансформация и соответственно заменена ранее действующая норма национального права.

Принцип трансформации действует также и в отношении имплементации международных договоров, конвенций и соглашений в области сотрудничества государств в противодействии преступности.

Важно отметить, что уголовное законодательство РФ не содержит положения о том, что в случае противоречий применяются правила международных договоров, поскольку международно-правовые нормы, касающиеся пресечения и наказуемости определенных преступлений, в силу своей структуры не могут непосредственно применяться даже в исключительных случаях, когда трансформация по каким-либо причинам не была осуществлена. Это объясняется, по меньшей мере, двумя обстоятельствами.

Во-первых, для непосредственного применения норм об уголовной ответственности за те или иные преступления эти нормы должны не только формулировать состав предусматриваемых ими

преступлений, но и устанавливать конкретные санкции за их совершение, включая их вид и размер. Однако нормы соответствующих международно-правовых документов таких санкций не содержат. Определяя, какие общественно опасные деяния следует рассматривать в качестве преступлений, они главным образом в общей форме налагают на договаривающиеся стороны обязательство наказывать за их совершение, относя функцию установления конкретных мер наказания к компетенции самих присоединившихся к ним государств. В некоторых случаях международно-правовые акты могут предписывать государствам-участникам вид наказания, которому последние обязаны будут подвергать лиц, виновных в совершении сформулированных в них преступлений. Однако и в этих случаях конкретные размеры наказаний устанавливаются не международными договорами, а внутригосударственным законодательством.

Во-вторых, в самих международно-правовых документах содержатся положения, являющиеся основной нормой для издания законами государствами-участниками, трансформирующие международные нормы во внутригосударственные. В этих законах государства не только устанавливают конкретные санкции, но и самостоятельно формулируют окончательный состав преступлений, который может отличаться в разных странах. В национальном уголовном законодательстве может иметь место и вторая форма реализации международно-правовых норм, которая

представляет собой санкционированное государством путем ратификации непосредственное применение этих норм в качестве правового регулятора общественных отношений с участием субъектов внутригосударственного права. Такие нормы являются «самоисполнимыми», поскольку они не обязывают вносить какие-либо дополнения и изменения во внутренне законодательство. Последнее в некоторых случаях содержит отсылки к международным договорам, в силу которых их положения могут непосредственно применяться в сфере действия российского законодательства [3, с. 8].

Например, прямые отсылки к международным договорам содержатся в ч. 4 ст. 11, ч. 3 ст. 12 УК РФ [2], определяющих порядок ответственности иностранных лиц, имеющих право дипломатической неприкосновенности, и ответственности иностранных лиц по уголовным законам Российской Федерации за преступления, совершенные ими за границей.

Вместе с тем необходимо отметить, что законодательство РФ по международному сотрудничеству в противодействии преступности не получили должного отражения в национальном уголовном законодательстве, поэтому в каждом отдельном случае при возникновении вопроса о применении ч. 4 ст. 11 и ч. 3 ст. 12 УК РФ необходимо провести конкретный анализ содержания положений соответствующего международно-правового акта и соотнести их с нормами Особой части Уголовного Кодекса РФ.

Литература

1. Блищенко, И. П. Международное и внутригосударственное право / И. П. Блищенко. – М., 1960.
2. Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – 17 июня.
2. Игнатенко, Г. В. Международное право в системе юридического образования / Г. В. Игнатенко, Д. Д. Остапенко // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения. – Свердловск, 1984.
3. Международно-правовые обязательства и внутригосударственное уголовное законодательство. – М., 1993.
4. Миронов, Н. В. Советское законодательство и международное право / Н. В. Миронов. – М., 1968.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

К.И. Сазонова,
адъюнкт Самарского юридического
института ФСИН России

Пенитенциарная преступность – это совокупность преступлений совершаемых в пенитенциарных учреждениях, местах лишения свободы [5, с. 164-165]. Несмотря на то что преступность является одним из неотъемлемых элементов современной жизни, государство и общество располагают возможностями для того, чтобы сдерживать ее неблагоприятные тенденции, обеспечивая постепенное снижение ее уровня и смягчение последствий.

Треть всех преступлений, совершаемых на территории исправительных учреждений (далее – ИУ), связана с незаконным оборотом наркотических средств [4]. На сегодняшний день предупреждение наркопреступности в местах лишения свободы – это главное направление деятельности государства и общества в борьбе с этим социально-негативным явлением.

Личность преступника, осужденного за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, характеризуется множеством социально обусловленных признаков, черт, свойств и связей, которые условно можно объединить в две группы. К первой группе относятся такие признаки, черты и свойства, которые присущи личности вообще и приобретают криминологическое значение только при рассмотрении их через призму факта совершения преступления. Это, например, социально-демографические признаки (пол, возраст, семейное положение, образовательный уровень и тому подобное). Вторую группу образуют признаки, черты и свойства, прямо или косвенно связанные с совершением преступления, детерминирующие или объясняющие его совершение. К этой группе следует отнести социально деформированные убеждения, установки, ценностные ориентации, направленность личности преступника.

Криминологическая характеристика личности преступника, осужденного за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и

их аналогов, объединяет признаки, которые могут раскрыть и объяснить причины преступного поведения и способствовать его предупреждению. Такая характеристика личности преступника представляет собой целостную систему взаимосвязанных личностных характеристик, которые в своей совокупности закономерно порождают преступное поведение, проявляются в нем либо помогают понять его причины.

Анализ личности и поведения лиц, склонных к наркомании, свидетельствует о том, что их объединяют типичные признаки и особенности, которые позволяют обозначить черты социального портрета этой категории правонарушителей.

Предметом криминологического исследования должна служить «индивидуальность» преступника как единство прирожденных и социальных качеств человека, его общих и единичных свойств.

Характер преступного поведения человека во многом зависит от его возраста. Проведенный нами анализ показал, что преступность в сфере незаконного оборота наркотиков – проблема молодежная. Среди лиц, совершивших такие преступления, большинство (66,7%) составляют молодые люди в возрасте 18-29 лет. Средний возраст лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, составляет 28,2 года, в то время как этот показатель для лиц, осужденных за другие преступления, – 32,6 года. При этом наблюдается большая разница в среднем возрасте мужчин и женщин (соответственно 27,4 и 33,2 года). Что касается преступников-наркоманов, то их средний возраст не превышает 26 лет [2, с. 18].

Молодежный возраст наркопреступности объясняется следующими факторами: во-первых, первичный прием наркотиков приходится на возрастной период от 12 до 16 лет (в общей структуре подростковой и юношеской наркомании 12-15-летние составляют 6–7%); во-вторых, дельцам наркобизнеса легче распространить наркоманию среди молодежи в силу ее природной любознательности, желания самоутвердиться, несамостоятельности мышления, стремления к подражанию, используя при этом отработанные приемы психического и физического воздействия на несовершеннолетних [3, с. 26].

Весьма важным является также и то, что среди лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, большинство составляют холостые мужчины и вдовцы – 54,1% [6].

Сложность рассматриваемой проблемы объясняется недостатками в профессиональной подготовке персонала структурных подразделений ИУ, обусловленными, в частности, отсутствием научно обоснованных методик по организации предупредительной деятельности.

Общая профилактика распространения наркомании среди осужденных включает:

1. Выявление причин и условий поступления в исправительные учреждения наркотиков и потребления их осужденными. По итогам проведенного анкетирования среди 150 сотрудников исправительных учреждений по Самарской области (ФБУ ИК-3 ГУФСИН России по Самарской области, ФБУ ИК-5 ГУФСИН России по Самарской области, ФБУ ИК-6 ГУФСИН России по Самарской области, ФБУ ИК-15 ГУФСИН России по Самарской области) следует, что основным способом осуществления доставки наркотических средств в ИУ является переброс (41,5% из общего числа опрошенных сотрудников); 25,4% считают, что наркотические средства доставляются посредством почты – в посылках и бандеролях; 22,9% – посредством проноса через КПП; 10,2% – путем провоза наркотических средств в грузах транспортных средств.

2. Разработку конкретных мер по устранению причин и условий распространения наркомании. На основании проведенного исследования было выяснено, что основной мерой наказания, которую следует применять в отношении осужденных, у которых были изъяты наркотики – это выдворение в ШИЗО (56,7% от общего числа опрошенных сотрудников); 24,7% – добавление срока отбывания наказания или перевод осужденного в более строгие условия отбывания наказания; 18,6% – привлечение к уголовной ответственности.

3. Определение путей совершенствования деятельности структурных подразделений ИУ по организации режима, труда, оперативно-розыскной и воспитательной работы, лечебного процесса, антинаркотической пропаганды.

Отметим, что предупреждение преступности – это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности.

Главным направлением стратегии борьбы с наркопреступностью в местах лишения свободы является воздействие на причины, ее порождающие. Предупредительная деятельность должна основываться на определенных принципах. Речь идет об основополагающих началах, которыми обязаны руководствоваться законодательные органы

при разработке правовых основ предупреждения преступности, а также практические работники, непосредственно ее осуществляющие [1, с. 126].

Принципы традиционно делятся на общие и специальные. К общим принципам предупреждения преступности можно отнести принципы уголовного законодательства, закрепленные в ст.ст. 3–7 УК РФ: законность, гуманизм, гласность, справедливость и т.д.

Законность деятельности ИУ по предупреждению наркопреступности предполагает наличие и развитие правовой базы. На сегодняшний день в Российской Федерации нет кодифицированного нормативного акта о предупреждении наркопреступности в местах лишения свободы, что, на наш взгляд, является существенным недостатком в правоприменительной практике.

Потребность в таком акте очевидна. Законность деятельности по предупреждению наркопреступлений в ИУ требует конкретного описания в соответствующих нормативных актах компетенции и правомочий субъектов профилактики, содержание ее мер, оснований и условий их применения.

Особое внимание следует уделить тому, что профилактические меры следует применять на ранних этапах к тем категориям осужденных, которые находятся «на контроле» у администрации (нарушающие внутренний распорядок, наиболее подверженные психологическому влиянию со стороны других осужденных и т.д.). Таким образом, законность предполагает своевременность профилактического и предупредительного воздействия.

Принцип гуманизма основывается на том, что в качестве главной цели предупредительной работы определяется сокращение наркопреступности во благо безопасности человека, общества, государства. Данный принцип находит свое выражение в том, что профилактические меры, применяемые в отношении конкретного осужденного, должны быть своевременными, необходимыми и достаточными. Ввиду этого профилактику справедливо проводить при наличии признаков склонности конкретного осужденного к совершению в местах лишения свободы такого преступления, как незаконный оборот наркотиков.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что каждый из рассмотренных принципов проявляется в сфере предупреждения преступности специфично. Криминологи изучают состояние и тенденции преступности, ее причины и условия, конкретизируют текущие и перспективные задачи и направления предупредительного воздействия.

Многолетняя практика противодействия наркопреступности в местах лишения свободы показала, что единичные мероприятия, направленные на снижение уровня противоправных посягательств, необходимого эффекта не дают. На наш взгляд, необходима систематизация такой деятельности: четкое

определение роли, компетенции субъектов профилактики, классификация профилактических мер. Профилактика преступности требует разработки и осуществления мер социального, экономического, воспитательного, организационного, информационно-аналитического и правового характера.

Литература

1. Барабанов, Н. П. Исправительные учреждения России в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и наркоманией (криминологические, правовые и организационные аспекты предупреждения) / Н. П. Барабанов. – Рязань, 2005.
2. Кочешев, С. П. Характеристика личности преступника / С. П. Кочешев // Журнал российского права. – 2008. – № 1.
3. Лунев, В. В. Криминальная глобализация / В. В. Лунев // Государство и право. – 2008. – № 1.
4. Состояние преступности в России. – М., ГИЦ и ГИАЦ МВД России 2005–2009
5. Старков, О. В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ / О. В. Старков, С. Ф. Милюков. – СПб., 2008.
6. Статистический сборник по правонарушениям и преступлениям (2007–2008 гг.). – М., 2009.

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

У.Д. Соловьева,
следователь отдела
по расследованию преступлений
на обслуживаемой территории
отделом милиции № 3 СУ
при УВД по г. Челябинску

Противодействие преступности в современных условиях требует от правоприменителя высокого профессионализма, который во многом зависит от качества законодательной техники, умения следователя, дознавателя, прокурора и суда понимать смысл закона, грамотно толковать каждую норму. Толкование норм права – это интеллектуально-волевая деятельность по установлению и разъяснению подлинного содержания правовых актов, норм права в целях их правильной реализации и совершенствования. Существование правового института толкования норм права обусловлено наличием в нормативных правовых актах определенных положений: пробелов в праве, нечетких формулировок законодателем ряда норм, коллизий, конкуренции, противоречий между нормами как отдельно взятого нормативного акта, так и различных нормативных актов, в том числе неодинаковых по юридической силе.

Толкование само по себе неоднозначно. Его различают в зависимости от способа (совокупности однородных мыслительных приемов, средств, используемых для установления содержания норм права). Между учеными, занимающимися толкованием норм права, отсутствует единство мнений по поводу количества способов толкования и их содержания. В литературе можно встретить такие способы толкования, как: буквальный, грамматический, систематический, исторический, телеологический, функциональный, логический и специально-юридический [1, с. 319–322].

Полагаем, что такие способы толкования, как систематический, специально-юридический, функциональный, являются наиболее сложными и требуют некоторого разъяснения.

Систематический способ толкования позволяет исследовать конкретную правовую норму в целостной системе норм, при этом установить ее юридическую силу, сферу действия, институт, к которому она принадлежит. Например, существуют различные формы привлечения участников уголовного судопроизводства, но не для всех участников подобные формы закреплены законодательно. Так,

понятых и специалистов для участия в следственных действиях приглашают, законных представителей, как правило, допускают, а переводчиков назначают. Эксперты при производстве экспертиз действуют по поручению следователя (дознателя), физических и юридических лиц признают потерпевшими соответствующим постановлением. Защитник по уголовному делу может быть как приглашен подозреваемым (обвиняемым), так и назначен, но уже следователем, дознавателем либо судом. Законодатель оставил открытым вопрос о привлечении к участию в уголовном деле представителя потерпевшего – юридического лица (ч. 9 ст. 42 УПК РФ). Из содержания нормы не понятно, допускают представителя юридического лица к участию в деле или признают его право представлять интересы. Также складывается неоднозначная практика по привлечению законных представителей несовершеннолетних. Ряд правоприменителей допускают их к участию в деле посредством вынесения постановлений, а остальные признают представителей законными. Таким образом, применение систематического способа толкования позволяет выявить недостатки законодательной техники относительно форм привлечения участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования.

Рассмотрим специально-юридический способ толкования, который заключается в уяснении юридических понятий, терминов, категорий, конструкций, с помощью которых законодатель закрепляет свою волю в нормативных правовых актах. Следует отметить, что в УПК РФ встречаются определения, не отвечающие требованиям практики правоприменения, нечеткие формулировки, непроработанные термины. Так, раздел 13 УПК РФ, включающий в себя две главы (апелляционное и кассационное производство), называется «Производство в суде второй инстанции». В данном случае формулировка, выбранная законодателем в качестве заголовка раздела, не соответствует содержанию ряда норм части третьей УПК РФ, регламентирующих судебное производство. Непонятно, какой суд следует считать судом второй инстанции. Если постановление или приговор, вынесенный мировым судьей, обжалуется в апелляционном порядке, а решение апелляционного суда по тому же делу обжалуется в кассационном порядке, то какой суд (кассационный или апелляционный) следует считать судом второй инстанции относительно мирового судьи.

Складывается мнение, что употребление термина «вторая инстанция» не совсем корректно в действующей редакции УПК РФ, поскольку не ясно, является она второй по счету, по последовательности или только в соотношении с предыдущей инстанцией. Полагаем, что для решения данной проблемы целесообразно законодательно закрепить понятие «суд второй инстанции», сформулировав данный термин в ст. 5 УПК РФ.

В УПК РФ содержатся нормы, в рамках которых допускается принятие нескольких решений, отличных друг от друга. При установлении содержания подобных правовых норм, включающих оценочные термины, понятия открытого перечня, а также управомачивающие понятия, используется функциональный способ толкования, который опирается на знание факторов и условий, в которых функционирует, действует и применяется толкуемая норма права.

Идея применения функционального подхода в толковании норм права рассматривается отдельными представителями общей теории права. Так, А.С. Шабуров считает, что в некоторых случаях для уяснения смысла нормы недостаточно брать во внимание только ее формальный анализ и общие условия ее реализации. Интерпретатор, по его словам, должен учитывать условия и факторы, при которых реализуется норма [2, с. 378].

Например, функциональный способ применим при толковании норм, регламентирующих избрание меры пресечения. Законодатель оставляет перечень обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ), открытым, предоставляя тем самым правоприменителю определенную свободу действий.

Наряду с указанными нормами, в УПК РФ содержатся положения, где хотелось бы видеть законодательно закрепленную возможность применения функционального способа толкования. В части 3 ст. 170 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень исключительных обстоятельств, при которых проведение следственных действий, предусматривающих присутствие понятых, возможно без их участия. Такими обстоятельствами являются труднодоступность местности, в которой проводится следственное действие, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также опасность самого следственного действия для жизни и здоровья привлекаемых понятых.

Вопрос об обязательном участии понятых при производстве следственных действий является дискуссионным и длительное время обсуждается учеными и практическими работниками. Неоднозначное отношение к институту понятых высказывают как представители сторон защиты и обвинения, так и граждане. Однако не все так называемые исключительные обстоятельства «неучастия» понятых в следственных действиях могут быть прописаны в рамках правовой нормы. Например, понятые привлекаются при производстве следственных действий (обыск, осмотр) в ходе расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, с убийствами. Однако подобные случаи также можно рассматривать как исключительное обстоятельство, препятствующее участию понятых в производстве следственных действий в связи с предполагаемой опасностью для их жизни и здоровья из-за возможного противодействия предварительному расследованию по уголовному делу со стороны представителей организованных групп. Наличие подобных ситуаций в правоприменительной деятельности позволяет сделать вывод о необходимости существования открытого перечня исключительных обстоятельств производства следственных действий без участия понятых.

В настоящее время нормы уголовно-процессуального законодательства требуют внимательного к себе отношения. Внутренние резервы права используются не в полной мере, изменения и дополнения, вносимые в действующее законодательство, не могут решить все проблемы практики правоприменения, так как невозможно все ситуации предусмотреть в строгих нормах уголовно-процессуального права. Возможность применения толкования заложена законодателем в уголовно-процессуальном законодательстве, и ее необходимо использовать в целях повышения эффективности противодействия преступности. Однако для этого необходима высокая профессиональная подготовка правоприменителей. Кроме того, реализуя различные способы толкования, следует руководствоваться общими положениями принципов уголовного процесса, нормами морали, этики, правосознанием и совестью.

Литература

1. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учеб. / В. В. Лазарев, С. В. Липель. – М., 1998.
2. Теория государства и права : учеб. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М., 2002.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Тараканова,
адъюнкт кафедры организации
предварительного расследования
Челябинского юридического
института МВД России

При осуществлении расследования по уголовному делу следователь уполномочен применять свои знания для решения задач уголовного судопроизводства. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует какое-либо определение специальных знаний, не определены критерии отнесения знаний, используемых при расследовании уголовного дела, к профессиональным для следователя. Нередко на практике возникает вопрос: где грань между профессиональными знаниями следователя и специальными знаниями специалиста.

В законодательных актах РФ специальные знания упоминаются в ГПК РФ, где говорится, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусстве, ремесле, суд назначает экспертизу (ст. 79 ГПК РФ), и в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где указано, что судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 9 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). При этом следует отметить, что как такового определения специальных знаний эти законодательные акты не содержат, а лишь перечисляют их источники.

Кроме того, несмотря на огромный научный и практический потенциал содержание понятия «специальные знания» не разработано и в современной науке уголовно-процессуального права. Наиболее общее определение, охватывающее специальные знания как знания, не являющиеся общедоступными, а присущие различным видам профессиональной деятельности, приобретаемые в процессе специальной подготовки или профессионального опыта, дано в работах: А.И. Винберга,

Е.П. Ищенко, А.А. Топоркова, Е.Р. Россинской, В.И. Шиканова, Ю.Т. Шуматова и многих других исследователей [1, с. 183; 5, с. 8; 2, с. 472; 4, с. 220; 6, с. 8]. Однако до настоящего времени не выработано четких критериев отнесения знаний к специальным либо профессиональным для субъекта, осуществляющего расследование. Считается, что знания из неюридических областей являются для следователя специальными, тогда как знания, требующиеся для разрешения юридических вопросов, однозначно отнесены к профессиональным знаниям следователя. В.Н. Маховым предложено относить к профессиональным для следователя и судьи знаниям те, что используются ими при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде в целях содействия установлению истины по делу в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством [3, с. 46]. Данное определение представляется удачным, поскольку следователем при осуществлении расследования по уголовному делу в процессе доказывания могут с успехом использоваться знания из неюридических областей, приобретенные им вследствие увлечения, прошлой профессиональной деятельности, обучения и т.д., причем осуществляться это может в порядке и формах, установленных уголовно-процессуальным законодательством. Так, например, следователь может использовать свои знания в области автотехники при осмотре места ДТП, автомобиля, вынесении постановления о назначении автотехнической экспертизы, в частности постановки вопросов эксперту. В данном контексте можно утверждать, что определенные знания из области неюридических наук, необходимые для успешного расследования некоторых видов преступлений, изучаются криминалистикой, которая относится к прикладным юридическим наукам. Однако следователи в разной мере владеют указанными знаниями, а критерии, устанавливающие объем знаний в тех или иных неюридических областях, необходимых для расследования преступлений, для их отнесения к знаниям профессиональным либо специальным для следователя отечественной наукой не разработано.

Итак, если следователь свои знания в неюридических областях может применить в случаях и порядке, определенных уголовно-процессуальным законодательством, они могут быть отнесены к его профессиональным знаниям, тогда к специальным

знаниям следователя следует относить те знания из неюридических областей, которые он не правомочен применить в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. То есть если следователь свои знания из неюридических областей может применить в процессуальной форме, они могут быть отнесены к профессиональным, если нет – их стоит относить к специальным.

Тем не менее следователь может и должен использовать имеющиеся у него специальные знания в ходе своей профессиональной деятельности в непроцессуальной форме, в частности для определения качества работы специалиста, оценки заключения эксперта, в ходе допроса сведущего лица и т.д. Для использования в процессуальной деятельности тех сведений, которые являются специальными для следователя, он обязан привлечь сведущих лиц, выступающих в качестве специалистов или экспертов, только в этом случае специальные знания этих лиц послужат формированию доказательств по уголовному делу. Перечень таких случаев, где привлечение соответствующего сведущего лица обязательно, несмотря на владение соответствующими специальными знаниями самим следователем, содержится в УПК РФ: участие судебно-медицинского эксперта или врача при осмотре, эксгумации трупа (ст. 178 УПК РФ), при производстве освидетельствования (ст. 179 УПК РФ); участие педагога при производстве допроса несовершеннолетнего в возрасте до 14 лет (ст. 191 УПК РФ); участие переводчика при проведении следственных действий с лицом, не владеющим языком, на котором ведется уголовное судопроизводство (ст.ст. 59, 164 УПК РФ); обязательное производство экспертом экспертизы в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ. Этим перечнем законодатель не ограничил следователя производящего расследование, в привлечении лиц, владеющих специальными знаниями, предусмотрев возможность производства экспертизы в иных, не предусмотренных ст. 196 УПК РФ случаях (ст. 195 УПК РФ), и привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях (ст. 58 УПК РФ).

Процессуальное положение, а следовательно, и возможности использования любым следователем специальных знаний при осуществлении расследования по конкретному уголовному делу, абсолютно одинаково и не зависит от должности в рамках родового понятия «следователь» (младший следователь, следователь, старший следователь, следователь по особо важным делам, старший следователь по особо важным делам). Следует особо остановиться на таком субъекте уголовного

процесса, как следователь-криминалист, который законодателем выделен в отдельную категорию должностных лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (ст. 5 УПК РФ).

Представляется необходимым выяснить, чем полномочия следователя-криминалиста отличаются от полномочий просто следователя; должен ли по замыслу законодателя следователь-криминалист обладать большим объемом профессиональных знаний, чем следователь в его родовом понятии; должен ли он обладать профессиональными знаниями, которые являются специальными по отношению к знаниям следователя, может ли он использовать свои специальные знания в процессуальной форме; требуется ли практике такой специфический субъект уголовно-процессуальных отношений со стороны обвинения, как следователь-криминалист; имеются ли какие-либо преимущества в производстве расследования именно им, а не просто следователем.

Анализируя нормы законодательства о компетенции следователя-криминалиста, можно отметить следующее. Во-первых, как и следователь, он наделен процессуальными полномочиями по осуществлению расследования в полном объеме. Во-вторых, в отличие от следователя, следователь-криминалист может участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий. Поскольку речь идет только об участии, очевидно, что проводить их будет другой следователь, в производстве которого находится уголовное дело. Как известно, следователь вправе привлечь к участию в производстве следственного действия по уголовному делу, находящемуся в его производстве, иных участников. Каждый конкретный участник процессуального действия привлекается к его производству для выполнения строго определенных функций и реализации таких прав и обязанностей, которые предусмотрены законодательством. Применительно к следователю-криминалисту эти вопросы законом не определены. Исходя из анализа норм УПК РФ следователь-криминалист, принимая участие в процессуальном действии, проводимом другим следователем, дублирует этого следователя, поскольку свои знания, как профессиональные, так

и специальные, он может применять в процессе расследования по тем же правилам, что и следователь. Такие доводы можно привести и при оценке положения закона, дающего право следователю-криминалисту производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

Если предположить, что, вводя в уголовный процесс такой субъект как следователь-криминалист, законодатель имел в виду, что объем его профессиональных знаний будет значительно превышать объем знаний следователя и в связи с этим качество следственных и иных процессуальных действий, проводимых с его участием либо им самим, будет лучшим по сравнению с качеством следственных и иных процессуальных действий, проводимых следователем самостоятельно, поскольку в данном случае он компенсирует

нехватку профессиональных знаний следователя, то непонятно, почему это не оговорено в законе. В этом контексте выглядит разумным и логичным предоставление следователю-криминалисту права участия в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производства отдельных следственных и иных процессуальных действий без принятия уголовного дела к своему производству. Таким образом достигается сразу несколько положительных результатов: возможность оказать помощь в расследовании большего количества уголовных дел, поскольку отсутствует обязанность принимать их к производству, а следовательно, производить расследование в полном объеме, укрепление доказательственной базы уголовного дела вследствие высокого качества производимых следственных действий, обучение менее опытных следователей.

Литература

1. Винберг, А. И. Криминалистическая экспертиза / А. И. Винберг. – М., 1966.
2. Ищенко, Е. П. Криминалистика : учеб. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. – М., 2005.
3. Махов, В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В. Н. Махов. – М., 2000.
4. Россинская, Е. Р. Криминалистика: вопросы и ответы : учеб. пособие / Е. Р. Россинская. – М., 1999.
5. Шиканов, В. И. Использование специальных познаний при расследовании убийств / В. И. Шиканов. – Иркутск, 1976.
6. Шуматов, Ю. Т. Использование специальных познаний на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Т. Шуматов. – М., 1996.

К ВОПРОСУ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЬЕ

А.В. Шефан,

аспирант кафедры уголовного права
и криминологии Челябинского
государственного университета

Среди существующих в России проблем, волнующих население, наибольшее беспокойство вызывают проблемы, связанные с обеспечением защиты граждан от различных преступных посягательств и, прежде всего, от насильственных. В связи с этим предупреждение преступного насилия в различных формах его проявления является первоочередной задачей правоохранительных органов. Именно состояние, динамика и структура наиболее опасных преступлений, к которым можно отнести посягательства против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека, определяют лицо преступности в целом, характеризуют уровень нравственного здоровья общества.

Особое место среди преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности занимают сексуальное насилие в семье в отношении несовершеннолетних, под которым понимается посягательство на половую неприкосновенность ребенка, нарушающее его психическое развитие; использование ребенка взрослым или несовершеннолетним для удовлетворения своих потребностей или получения материальной выгоды путем использования в качестве сексуального партнера для других. Сексуальное насилие осуществляется в формах полового сношения, орального или анального секса, взаимной мастурбации, других телесных контактов с половыми органами, обнажения перед ребенком половых органов, вовлечения его в проституцию, порнобизнес, порнографию [4, с. 48–49; 6, с. 43–44]. Сексуальное насилие над детьми американские исследователи определяют как любой сексуальный опыт между ребенком до 16 лет (по отдельным источникам – до 18 лет) и человеком, который старше его по крайней мере на пять лет. Данный вид насилия характеризуется вовлечением зависимых, психически и физиологически незрелых детей и подростков в сексуальные действия, нарушающие общественные табу семейных ролей, которые они еще не могут полностью понять и на которые не в состоянии дать осмысленного согласия [5, с. 12–15]. Сексуальное насилие характеризуется и тем, что

при изнасиловании или иных действиях сексуального характера (если рассматривать их как самые распространенные половые преступления) совершаются посягательства не только на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность несовершеннолетних, но и на их честь и достоинство, то есть одновременно сексуальное насилие сочетает в себе черты и физического, и психического насилия. Особо следует подчеркнуть, что подобные действия могут как сопровождаться физическим и психическим насилием, так и осуществляться без применения силы и даже с согласия ребенка, который в силу своего возраста и развития не осознает общественной опасности совершаемых с ним действий (разновидность беспомощного состояния). В связи с этим термины «сексуальное злоупотребление» и «сексуальное насилие» должны использоваться в таких ситуациях как равнозначные.

Сексуальные связи между близкими, кровными родственниками (инцест – кровосмешение и эбюз – использование ребенка в качестве сексуального объекта отцом или матерью), на наш взгляд, должны квалифицироваться как наиболее опасные формы сексуального насилия, так как они являются не только преступлениями, но и свидетельствами серьезных и необратимых нарушений в функционировании семьи. Случаи сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в семье, как правило, приобретают большой общественный резонанс. Среди преступлений, жертвами которых стали дети, наиболее распространены сексуальные посягательства, им подвергаются несовершеннолетние в возрасте от 2,5 до 15 лет. В 2009 г. было зарегистрировано почти 900 случаев изнасилования детей, четверть из этих деяний совершена дома близкими людьми, еще 14% приходится на «друзей семьи» [1].

Проблема предупреждения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в семье, по мнению Ф.С. Каприо, чрезвычайно важна, так как насилие связано с гомосексуализмом и последствия насилия бессознательно лежат в основе многих гетеросексуальных затруднений, таких как импотенция и фригидность [2, с. 212]. Главной причиной, толкающей взрослых на половые посягательства против детей, П.И. Люблинский считает алкоголизм виновных, поскольку алкоголь притупляет сознание ответственности, в результате чего жертвой может стать беззащитный ребенок. Также он полагает, что наряду с алкоголизмом факторами сексуального насилия являются грубый

эгоизм, равнодушие к ребенку и разнузданная чувственность, соединенная с сознанием вероятной безответственности [3, с. 98].

На первый взгляд причины сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних в семье ясны, но их очевидность всегда лишь кажущаяся, на самом деле они лежат в глубинных сферах человеческой психики и их мотивы чаще всего не охватываются сознанием. Из этого следует, что сексуальное влечение к детям и подросткам по механизмам коллективного бессознательного передается многим последующим поколениям от людей весьма далеких эпох, когда не было запрета на сексуальные отношения с ними. Наличие инцеста у отдельных примитивных племен говорит об их совершенной неразвитости. Табу на это явление появилось лишь на определенном этапе человеческого развития, когда, по всей вероятности, люди осознали его генетическую пагубность.

Другими важными факторами совершения такого рода преступлений является алкоголизация и наркотизация лиц, совершающих сексуальные преступления против несовершеннолетних в семье, наличие у них расстройств психической деятельности, конфликтные отношения в семье и иных сферах микросреды. Можно также предположить, что одной из причин является условный возврат в прошлое, в субъективное комфортное, эмоциональное состояние или уход от более сложных сексуальных отношений со взрослыми к более простым – с детьми. Из этого следует, что причиной таких действий может служить и половая слабость, когда сексуальный контакт со взрослым человеком не приносит удовлетворения.

Рассматривая мотивацию иных насильственных преступных посягательств в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что данные преступления совершаются по низменным мотивам и из личной неприязни к потерпевшим. Совратители

детей испытывают острый дефицит интимности, причем они более пугливы, тревожны и коммуникативно неумелы. Отцы и отчимы, совершающие и насилующие собственных детей, к чужим детям, как правило, не пристают. Они испытывают слабость, неуверенность в себе, трудность быть на равных со взрослыми женщинами, даже с собственной женой. Важнейшими факторами совершения развратных действий сексуального характера, а также изнасилований, являются не столько сексуальная незрелость и половая незавершенность, сколько беззащитность ребенка, поскольку он вступает перед ним сексуально слабым и неумелым, при котором можно проявить садистские наклонности, которых не потерпит жена.

Последствия сексуального насилия могут быть очень серьезными, дети становятся замкнутыми, раздражительными, у них возникают различные поведенческие и психологические нарушения. Причем сексуальное насилие может причинить даже больший вред здоровью и нормальному развитию ребенка, нежели физическое или психическое.

Система детских медицинских учреждений предоставляет определенные возможности для выявления случаев насилия, инициирования расследования и организации доступа ребенка и семьи к качественной социально-психологической помощи. Своевременно оказанная поддержка может уменьшить частоту проявлений сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в семье. Специалисты организации оказывают комплексную экстренную социально-психологическую помощь детям, пострадавшим от сексуального насилия в отношении несовершеннолетних в семье, а также сотрудники организуют взаимодействие и взаимный обмен информацией между учреждениями здравоохранения, социальной защиты, органами опеки и попечительства и органами внутренних дел.

Литература

1. Жертвы невидимого фронта. В России тысячи детей страдают от домашнего насилия // URL: <http://www.newizv.ru/news/2010-03-17/123412/>.
2. Каприо, Ф. С. Многообразие сексуального поведения / Ф. С. Каприо. – М., 1995.
3. Люблинский, П. И. Половые посягательства против детей / П. И. Люблинский // Проблемы преступности. – М., 1926.
4. Основы ювенального права : учеб. пособие / под ред. В. Ф. Воробьева, Е. Д. Волоховой, А. В. Заряева. – Воронеж, 2001.
5. Сафуанова, О. В. Правовые аспекты проблемы «сексуального злоупотребления» в отношении детей / О. В. Сафуанова // Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими сексуальное насилие / пер. с англ. А. В. Байгузова. – М., 1998.
6. Ювенальный словарь / под ред. В. Ф. Воробьева, Е. Д. Волоховой, А. В. Заряева. – Воронеж, 2001. – Т. 2.

VII. ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КУЧЕРЕНКО АННЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Я.Л. Ванюшин,
начальник кафедры
административного права
и административной деятельности
Челябинского юридического
института МВД России, кандидат
юридических наук, доцент

Развитие информационных отношений на современном этапе требует особого внимания и участия со стороны государства. Очевидно, что сегодня идет активный процесс развития прав и свобод человека и гражданина. При этом научно-технический прогресс обусловил два направления их развития – углубление содержания традиционных прав человека и гражданина, например, провозглашающих личную и семейную тайну, тайну переписки, коммуникаций, и возникновение нового поколения прав. В числе последних сегодня выделяют такие принципиально новые права, как защита от геномной инженерии, клонирования, защита персональных данных и др. И если первые права допускают возможность «подготовки» государства к их возникновению в будущем, то защита персональных данных требует уже сегодня соответствующего правового регулирования. Следует согласиться с диссертантом, что информационная сфера представляет собой одно из важнейших направлений реализации интересов личности. А интересы личности, в свою очередь, в совокупности с интересами государства и общества в информационной сфере составляют информационную безопасность Российской Федерации (с. 1).

Активное включение Российской Федерации в мировое информационное пространство, потребовало принятия специальных правовых мер направленных на защиту человека, общества и самого государства. Так, принятие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» ознаменовало новый этап правового регулирования информационных отношений.

Это вызывает необходимость теоретического осмысления правового регулирования и правоприменительной деятельности в сфере персональных данных, выработки предложений и рекомендаций по их совершенствованию, решения

организационно-правовых проблем, возникающих в деятельности органов государственной власти. В связи с этим актуальность диссертационного исследования Кучеренко Анны Вячеславовны на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.14 – административное право; финансовое право; информационное право на тему «Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации» не вызывает сомнения.

Целью диссертационной работы Кучеренко А.В. является комплексный анализ правового регулирования персональных данных в Российской Федерации, а также разработке и обосновании теоретических и практических выводов, предложений и рекомендаций по совершенствованию правового регулирования института персональных данных. Достижение цели исследования обеспечено решением сформулированных частных задач, в результате которых диссертантом достигнуты следующие наиболее существенные научные результаты:

– представлена ретроспектива института персональных данных в зарубежных странах и его современное становление в Российской Федерации (с. 17–34);

– проведен анализ системы правовых актов, регламентирующих персональные данные в Российской Федерации (с. 35–50);

– изучена правовая природа категории «персональные данные», ее основные характеристики и место в системе информации ограниченного доступа (с. 59–98);

– исследованы содержание категорий, составляющих научный инструментарий исследования, в частности «идентификация», «частная жизнь», «персональная информация», «общедоступная информация» (с. 58–60, 62–63, 84) и др.

– дана характеристика правовому понятию субъекта персональных данных (с. 104–120);

– проанализирован статус оператора, организующего и (или) осуществляющего обработку персональных данных (с. 121–134);

– исследованы проблемы реализации субъектами, участвующими в обороте персональных данных, прав, предоставленных им действующим законодательством (с. 135–158);

– изучен правовой статус Уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных (с. 161–173);

– разработаны и аргументированы предложения, выработаны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правового регулирования персональных данных в Российской Федерации. В частности сформулированы конкретные предложения по совершенствованию Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (с. 48, 67 и др.).

Методологическая основа диссертационного исследования в целом заслуживает одобрения. Исследование проведено системно, что стало возможно в результате широкого применения комплекса обще- и частнонаучных методов познания. Использование системного, формально-юридического, сравнительно-правового методов исследования и иных методов научного познания, позволили автору выявить и определить ряд проблем в правовом регулировании персональных данных.

Эмпирическую основу работы составили судебные решения, аналитические материалы и статистические данные федеральных органов исполнительной власти в сфере персональных данных.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что представленная диссертация является одной из первых работ, в которой после активного формирования современного института персональных данных, проводится комплексное исследование правовой природы персональных данных, направлений правового регулирования персональных данных, а также правового статуса участвующих в нем субъектов; существующие проблемы правового регулирования оборота персональных данных.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования, имеет стройную логическую композицию, что позволило автору последовательно раскрыть содержание темы. Работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и библиографического списка, который насчитывает 304 источника.

Оформление работы представлено в целом на надлежащем уровне и соответствует предъявляемым требованиям. Диссертация написана ясным и четким научным языком.

При изучении рецензируемой работы видно, что выводы и предложения, сформулированные в работе Кучеренко А.В., обладают научной новизной и вносят определенный вклад в развитие информационного права. Полученные результаты следует признать достоверными и значимыми.

В качестве положительных моментов работы, как уже было отмечено, соискатель вполне успешно на достаточном теоретическом уровне осуществляет анализ различных правовых категорий: «персональные данные», «персональная информация», «идентификация», «сопоставление» и др. При этом диссертант не ограничивается лишь исследованием понятий, а формирует на основе проведенного анализа собственное представление об их содержании.

Следует поддержать диссертанта в попытке совершенствовать законодательство о персональных данных в отношении индивидуальных предпринимателей (с. 42–44). Несомненно, установление иного режима персональных данных в отношении индивидуальных предпринимателей специальными нормами Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» по сравнению с другими субъектами существенно ограничивает их права. В связи с этим нельзя не согласиться с предложением Кучеренко А.В. устранить настоящую несогласованность нормативных правовых актов и распространить общие правила защиты персональных данных.

Несомненный интерес представляют выявленные в ходе диссертационного исследования проблемы правового регулирования персональных данных и предложения автора по его совершенствованию:

– отсутствие в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» четких критериев отнесения тех или иных сведений к числу персональных данных, вследствие чего одни и те же данные могут быть отнесены к различным видам информации ограниченного доступа (с. 46);

– отсутствие в законодательстве прямого ограничения оборотоспособности информационных баз персональных данных (с. 66);

– внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (п. 3 ст. 1260) в части установления правового регулирования создания и использования персональных данных (с. 67);

– проблема регулирования статуса изображения лица, прекращения обработки персональных данных (с. 72);

– предложения по совершенствованию регулирования трансграничной передачи персональных данных (с. 99).

Также несомненным достоинством является представленный в исследовании зарубежный опыт, что иллюстрирует содержание работы и обосновывает некоторые выводы соискателя.

Вместе с тем, положительно оценивая диссертационное исследование Кучеренко А.В., следует отметить ряд спорных и дискуссионных положений.

1. Исследование института персональных данных требует обращения к вопросам его развития. В соответствии с задачами работы и ее структурой в исследовании освещаются вопросы историко-правовых предпосылок формирования института персональных данных в Российской Федерации. Однако автор делает акцент лишь на зарубежный опыт (§ 1 гл. 1) правового регулирования персональных данных и проводит анализ современного отечественного правового регулирования персональных данных. Представляется, что формирование института персональных данных в Российской Федерации имеет давние корни, берет свое начало с провозглашения прав личной и семейной тайны, тайны переписки и т.п. Отсутствие в законодательстве категории «персональных данных» еще не означает отсутствие соответствующих общественных отношений и средств их правового регулирования. Очевидно, что речь в данном случае идет о том, что до принятия в современный период ключевых законов, таких как Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», правовое регулирование персональных данных носило фрагментарный характер.

В связи с этим суждение автора о том, что первыми нормами в этом отношении стали положения Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г., гарантировавшие право на неприкосновенность его частной жизни и т.п., не верно. Первые гарантии тайны переписки содержали Конституция СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. Особенно здесь следует отметить Конституцию РСФСР 1978 г., установившую запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, за исключением случаев, указанных в законе (ч. 3 ст. 40).

2. Работа приобрела бы большую значимость, если бы при рассмотрении вопроса о правовом институте персональных данных (с. 15–17) автор выразил свою позицию по составу отношений, охватываемых данным правовым институтом.

3. В положении № 2, выносимом на защиту, диссертантом отмечается приоритет специальных правовых норм, содержащихся в нормативных актах, регулирующих оборот отдельных видов информации ограниченного доступа, перед общими нормами, установленными Федеральным законом

«О персональных данных». Очевидно, что в данном случае речь идет лишь о подтверждении на примере правового регулирования персональных данных правовой аксиомы *lex specialis derogat generali* – «специальный закон отменяет общий». Представляется, что в некоторых случаях правового регулирования оборота персональных данных требуется приведение специальных норм в соответствие с общими. В исследовании автор приводит такие примеры, и это рекомендуется к более широкому изучению в его последующей научной деятельности диссертанта.

4. Говоря о проблеме ведомственного правового регулирования персональных данных и отмечая проблему дублирования в актах федеральных органов государственной власти законодательных положений (с. 36–37), соискатель не приводит конкретных примеров, не предлагает способы решения проблемы. Проблема подзаконного нормотворчества является хорошо освещенна в правовой литературе и ее обозначение в сфере персональных данных лишь частный пример. В данной ситуации уместным было бы предложить ограничение правового регулирования персональных данных федеральных органов исполнительной власти и сосредоточение полномочий в компетенции Президента РФ или Правительства РФ.

5. Сложно согласиться с мнением диссертанта о том, что мобильность и динамичное развитие института персональных данных связано с внесенными поправками в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». Соискателю следует обратить внимание на то, что половина поправок, внесенных в настоящий закон, носили скорее технический характер, в частности приводили закон в соответствие с Конституцией РФ (в части возможности установления исключений международным договором РФ) и сложившимся до принятия закона отношений по поводу переписи населения. Очевидно, что динамичное развитие института персональных данных требует более глубокого изучения.

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования и личный вклад в науку соискателя А.В. Кучеренко. Диссертант успешно справился с научной разработкой избранной темы, показал знания предмета исследования, способность самостоятельно решать актуальные научные проблемы.

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ ЛУКЪЯНОВОЙ ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ «ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ»

К.В. Михайлов,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии
Челябинского юридического
института МВД России, кандидат
юридических наук, доцент

Тема диссертации, избранная автором для исследования, представляется актуальной, так как посвящена одному из видов освобождения от отбывания наказания – отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), правовая регламентация применения которой лишь несколько месяцев назад была законодательно усовершенствована, что, безусловно, требует ее доктринального осмысления. Кроме того, значимости исследования института освобождения от отбывания наказания вообще и отсрочки отбывания наказания в частности свидетельствует и то, что сегодняшняя российская уголовная политика, как это следует из содержания принятых в последние годы законодательных актов об изменении уголовного закона, нацелена не только на усиление уголовной ответственности и наказания по мере возрастания общественной опасности совершаемых преступных посягательств, но и предполагает обратный процесс, включающий даже освобождение от наказания при достижении его целей без реального исполнения и отбывания.

Наряду с очевидной актуальностью темы, диссертационная работа характеризуется и определенной научной новизной, о которой можно судить по разработанным автором предложениям, направленным на дальнейшее совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также по результатам проведенного детального теоретического анализа современного института отсрочки в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Вызывают интерес с точки зрения новизны и положения, выносимые на защиту, большинство из которых являются аргументированными, конструктивными и нуждающимися в реализации для повышения эффективности применения правовых норм об отсрочке отбывания наказания.

Как можно судить по тексту автореферата, цель диссертационного исследования достигнута, а задачи решены. Об этом свидетельствует и содержательная часть работы, и выводы, к которым

пришел автор. Соискателем изучены теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы отсрочки отбывания наказания, разработаны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также практики его применения.

Вместе с тем, несмотря на очевидные достоинства работы, она не лишена и некоторых спорных и не вполне аргументированных положений:

1. В пункте 2 положений, выносимых на защиту, автор приходит к выводу, что отсрочка отбывания наказания по своей правовой природе является формой реализации уголовной ответственности. Это несколько спорное утверждение, так как в случае применения ст. 82 УК РФ уголовная ответственность, по всей видимости, реализуется в назначенном за совершенное преступление наказании, от отбывания которого (всего или его части) осужденное лицо освобождается, а отсрочка, в свою очередь, является освобождением от реального отбывания наказания, то есть освобождением от названной формы реализации уголовной ответственности. Иными словами, на момент применения отсрочки уголовная ответственность уже реализована в назначенном наказании. Подход же автора предполагает, что при отсрочке уголовная ответственность реализуется дважды: сначала в назначенном за преступление наказании, а затем в отсрочке от его отбывания. Не нарушается ли здесь принцип справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ)?

2. В пункте 3 положений, выносимых на защиту, диссертант отмечает, что есть две самостоятельные разновидности отсрочки: а) отсрочка от реального отбывания наказания – это вид условного осуждения; б) отсрочка от дальнейшего отбывания частично отбытого наказания – это вид условно-досрочного освобождения. Однако данная позиция предполагает, что отсрочки как самостоятельного вида освобождения от отбывания наказания нет, а есть либо условное осуждение, либо условно-досрочное освобождение. Однако это противоречит и теоретическому пониманию отсрочки отбывания наказания, и закону. Кроме того, считая, что отсрочка является лишь видом условного осуждения либо условно-досрочного освобождения и учитывая мнение диссертанта, изложенное в п. 2 положений, выносимых на защиту (отсрочка – это форма реализации уголовной ответственности),

можно прийти к выводу, что и условно-досрочное, и иные виды освобождения от наказания являются формами реализации уголовной ответственности, с чем также довольно сложно согласиться по изложенным выше соображениям.

3. Делая вывод об основаниях и условиях отсрочки отбывания наказания (п.п. 4 и 5 положений, выносимых на защиту), соискатель ни в числе оснований, ни в числе условий предоставления отсрочки отбывания наказания не упоминает о достижении целей наказания и, прежде всего, цели исправления осужденного (осужденной), хотя представляется, что именно достижение цели является основанием отсрочки, как и достижение данной этой цели без реального отбывания всего или части назначенного наказания является основанием применения норм уголовного закона об условном осуждении и условно-досрочном освобождении.

4. Соискатель в автореферате говорит о высоком уровне (стр. 20) и увеличении случаев рецидива (стр. 7) среди женщин, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, однако статистических данных, подтверждающих названные тенденции, не приводит, что следовало бы, по всей видимости, сделать.

Тем не менее названные и некоторые другие спорные положения работы не изменяют общей положительной оценки выполненного автором исследования и позволяют заключить, что Лукьянова Ирина Михайловна подготовила диссертацию на тему «Отсрочка отбывания наказания», которая соответствует требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, в связи с чем заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

VIII. ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК РУКОВОДЯЩАЯ ИДЕЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ К РАБОТЕ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ

З.Р. Танаева,

заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности Челябинского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук

Совершенствование системы высшего профессионального образования предполагает и повышение качества подготовки специалистов, деятельность которых направлена на обучение и воспитание подрастающего поколения. Происходящие в стране политические и социально-экономические преобразования привели к изменению ценностных ориентаций молодежи, деформированию ранее существовавших убеждений и взглядов. Осмысливая роль и значение подрастающего поколения в современных условиях, следует отдавать себе отчет в том, что молодежь может представлять собой не только потенциал позитивных перемен, но и возможный фактор социальной нестабильности. В этих условиях становится очевидной необходимость поиска новых путей качественной профессиональной подготовки специалистов для работы с молодежью, особенно с несовершеннолетними правонарушителями. Модернизация системы профессиональной подготовки к работе с несовершеннолетними правонарушителями необходима еще и потому, что в современной России охрана прав несовершеннолетних относится к числу наиболее актуальных проблем, обусловленных неблагоприятным положением детей как в обществе, так и в семье. При этом обострение данной проблемы происходит в условиях, когда на международном и национальном уровнях выработана и постоянно совершенствуется развернутая система правовых мер ювенальной защиты. Несмотря на достаточно широкую охватываемость правовыми нормами, сфера защиты прав несовершеннолетних остается неэффективно управляемой. Приходится констатировать, что нередко нарушения прав и свобод несовершеннолетних совершаются теми, кто по социальному или про-

фессиональному долгу призван их защищать: родителями, работниками учебно-воспитательных учреждений, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, пенитенциарной системы и т.п. Учитывая, что вся деятельность органов и учреждений, осуществляющих свою работу в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних должна быть направлена на провозглашение, реализацию и охрану прав несовершеннолетних, очень важно обратить самое пристальное внимание на формирование у будущих специалистов нравственных установок, личной убежденности, ориентированных на верность законам Российской Федерации, соблюдение норм морали, следование этическим нормам и проявление таких качеств, как терпимость, доброжелательность, тактичность, сочувствие, сопереживание и др.

Одним из основных принципов профессиональной подготовки будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями следует рассматривать законность. Она выступает важнейшей правовой категорией всей юридической науки и практики. Вместе с тем, связь профессиональной подготовки с будущей деятельностью специалистов по обеспечению прав и свобод несовершеннолетних является органической, следовательно, законность может быть положена в основу определения категории педагогического управления и определена в качестве основного положения педагогической концепции педагогического управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Принцип законности изучается в науке с позиций философии, педагогики, юриспруденции. Для нашего исследования все эти позиции имеют большое значение. Рассмотрим их.

Философская традиция изучения законности относится еще к средневековой философии. Фома Аквинский первым из средневековых мыслителей обратился к термину «закон». В своем учении о законе и праве термин «закон» он трактует как

«известное правило и мерило действия, которым кто-либо побуждается к действию или воздерживается от него» [10]. В трактовке закона Фома Аквинский использует платоновско-аристотельское учение о предустановленной цепи, поэтому законы у него выступают как проявление божественной воли. И. Кант в первые подвергает закон как гносеологическую категорию специальному анализу. По его мнению, законы природы в сущности – это законы рассудка. Плодотворна идея Канта о единстве законов природы и законов познающего мышления. Это единство трактуется идеалистически. В то же время кантовское учение о праве, государстве, законе сохраняет свою значимость и в наши дни в части развития мирового процесса в направлении к признанию и постепенному утверждению идей господства права, законности, равенства и самостоятельной человеческой личности [10]. Большой вклад в изучение категории «законность» внес Гегель, рассматривающий закон как ступень самого понятия права и разумное право [10]. Таким образом, Гегель приписывает закону признак объективности. В настоящее время в философии закон трактуется как «наиболее существенная, повторяющаяся, устойчивая связь и взаимная обусловленность. Благодаря познанию закона вскрываются не любые связи и отношения, а те, которые отражают явление в его целостности. Законы существуют объективно, так как они отражают объективную действительность» [14].

Педагогическая система является одной из подсистем общества, ее компонентам также присущи связи и отношения, поэтому есть основания говорить о такой категории, как педагогический закон. Еще Я.А. Коменский, широко используя в своих произведениях термин «закон», утверждал, что «правильно обнаруженные общие понятия дадут нам общие и прочные законы разумного обучения, которые необходимо соблюдать всегда и всюду; кроме того, частные знания дадут нам, в свою очередь, законы частные, которые необходимо соблюдать только в некоторых случаях» [6]. В работах Ю.К. Бабанского, Б.С. Гершунского, М.И. Махмутова, И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, П.И. Пидкасистого и др. выделены такие законы обучения, как закон социальной обусловленности целей, содержания и методов обучения; закон развивающего и воспитывающего влияния на учащихся; закон обусловленности результатов обучения характером деятельности и общения учащихся; закон целостности и единства педаго-

гического процесса; закон взаимосвязи и взаимообусловленности индивидуальности, групповой и коллективной учебной деятельности [9]. Законы, использованные в педагогике, как и законы общества, являются не результатом проявления какой-то внешней силы, а являются продуктом его внутренней самоорганизации. В законе отражается внутренняя взаимосвязь явлений, причем при соответствующих условиях она проявляется всегда. Таким образом, соглашаясь с В.И. Андреевым, считаем, что «педагогический закон – это педагогическая категория для обозначения объективных, существенных, необходимых, общих, устойчиво повторяющихся явлений при определенных педагогических условиях, взаимосвязь между компонентами педагогической системы, отражающая механизмы самореализации, функционирования и саморазвития целостной педагогической системы» [1]. Согласно логике всеобщих законов реализация принципа законности в педагогической науке способствует разработке новых методов обучения.

Педагогика является социальной наукой, поэтому в ней как социальной науке используются гносеологические средства для детерминирования уже известных всеобщих законов в процессе социализации. При этом понятия «закон» и «закономерность» отражают педагогические явления на разных уровнях обобщения: закон – на максимально конкретном и четком, а закономерность – на более абстрактном уровне, часто вскрывая лишь общую тенденцию функционирования и развития педагогической системы.

Приведем всеобщие законы, которые на протяжении многих лет используются в образовательном процессе [9], и соотнесем их с закономерностями концепции педагогического управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями. На законе пропорционального соотношения скорости движения с прилагаемой силой построены результативные закономерности, представляющие собой взаимосвязь дальнейшего развития концептуальной модели педагогического управления профессиональной подготовкой к работе с несовершеннолетними правонарушителями с характером отношений между субъектами педагогического управления и связями управления – взаимодействия. Процессуальные закономерности, представляющие взаимосвязь процессов педагогического управления со внешними факто-

рами и заключающиеся в том, что процессы педагогического управления профессиональной подготовкой к работе с несовершеннолетними правонарушителями определяются влияниями внешней среды и сами оказывают на нее воздействие, исходят из закона противодействия равного действия. На законе подобия построены социальные закономерности концепции педагогического управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями, представляющие собой взаимосвязь характера обучения и воспитания с конкретными историческими условиями и потребностью общества в высококвалифицированных кадрах для работы с несовершеннолетними правонарушителями. Из закона сохранения исходят психологические закономерности рассматриваемой концепции, отражающие зависимость результатов усвоения учебного материала от способности обучаемых к овладению конкретными знаниями, умениями и от их индивидуальных склонностей. Личностные закономерности, представляющие собой взаимосвязь развития личности будущего специалиста с его профессиональной подготовкой, на наш взгляд, также построены на законе сохранения, поскольку в процессе профессиональной подготовки обучаемые ориентируются на конкретные профессиональные ценности, которые в дальнейшем определяют их правосознание и социальную активность, направленную на преодоление подростковой преступности.

Принцип законности, с правовой точки зрения, является универсальным принципом, который нашел свое нормативное воплощение в Конституции РФ, устанавливающей верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории России. Законность рассматривается, с одной стороны, как требование соблюдения всеми гражданами закона, с другой стороны, как добросовестное исполнение обязанностей в ходе осуществления деятельности государственными органами, должностными лицами и негосударственными организациями по обеспечению прав и законных интересов граждан. Таким образом, в юридическом аспекте законность оказывается связующим звеном между юридическими нормами и правоотношениями, четко отрегулированными процессуальными законами (административным, уголовным, гражданским и т.д. законодательством), в которых тщательно регламентировано производство всех допустимых

законом процессуальных действий и процессуальных решений.

Принцип законности – это базисная установка педагогического управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними, которая должна пронизывать все управленческие позиции. Выбирая его в качестве одного из основных принципов профессиональной подготовки, мы руководствовались тем, что вся деятельность специалистов, осуществляющих профилактическую работу с несовершеннолетними правонарушителями, направлена на защиту их прав. Это возможно при условии твердых знаний и умелого применения специалистами соответствующих положений международных актов, отечественных норм права, отражающих основные приемы и способы обеспечения законных интересов несовершеннолетних. С этой точки зрения принцип законности концепции педагогического управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними призван решать следующие задачи:

- управление, направленное на овладение обучаемыми глубокими и системными знаниями положений уголовного, уголовно-процессуального, административного и т.д. законодательства по вопросам предупреждения правонарушений несовершеннолетних;

- управление, направленное на развитие навыков умелого толкования и применения закона;

- актуализация у обучаемых высокого уровня профессионального правосознания, умения эффективно бороться с преступностью и безнадзорностью несовершеннолетних, соблюдая действующие нормы отечественного и международного права.

Таким образом, под принципом законности мы понимаем выражение целостности процесса педагогического управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями, направленное на развитие у обучаемых правосознания, определяющегося степенью сформированности отношения к закону как ценности, находящейся в демократическом обществе вне конкуренции.

Одним из основных принципов педагогической концепции управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними рассматривается нами принцип гуманизации. Утверждение гуманистических ценностей в современном обществе выдвигает на приоритетные позиции ценность самой лично-

сти, богатство ее духовного мира. В связи с этим одной из ведущих тенденций в современной педагогике представляется ее обращение к мировоззренческим основаниям, к личности, к ценностям ее духовного мира.

В философии гуманизм понимается как процесс осознания человеком своей духовности, его взаимоотношений с внешним миром. Гуманизация представляется как развитие и освоение идей гуманизма, понимание взаимоотношений материального и духовного, природы и человека [13].

Идея гуманизации образования, являющаяся следствием применения аксиологического подхода в педагогике, имеет широкое философско-антропологическое и социально-политическое значение. В педагогике принцип гуманизации может быть рассмотрен как принцип социальной защиты растущего человека, как принцип очеловечивания отношений обучаемых с педагогами и между собой, когда педагогический процесс строится на полном признании гражданских прав воспитанника и уважении к нему. Модель воспитания, в основе которой лежит направление гуманистической психологии, развивали в 50-60-х годах в США такие ученые, как А. Маслоу, В. Франк, К. Роджерс и др. В настоящее время в области гуманизации образования накоплен определенный опыт отечественных педагогов-исследователей (Ш.А. Амонашвили, В.В. Давыдов, Н.Ф. Виноградова, Л.В. Занков, В.П. Зинченко, Н.Б. Истомина, В.В. Краевский, Л.Г. Петерсон и др.). Принцип гуманистической направленности педагогического процесса рассматривается ими как ведущий принцип образования, выражающий необходимость сочетания целей общества и личности. Реализация этого принципа требует подчинения всей образовательно-воспитательной работы задачам формирования всесторонне развитой личности. Отношения педагогов и обучаемых строятся на доверии, взаимном уважении, авторитете педагога, сотрудничестве, любви, доброжелательности в сочетании с высокой требовательностью к обучаемым для достижения нужных результатов.

Анализ юридической литературы, практический опыт работы позволили выявить особенности применения принципа гуманизации в процессе управления профессиональной подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями. Это, прежде всего, связано с тем, что в соответствии с законодательными актами деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершенно-

летних также основывается на принципах гуманного обращения с несовершеннолетними [12]. Под гуманным обращением с несовершеннолетними правонарушителями понимаем отношение, не унижающее человеческое достоинство, уважительное отношение к их родителям независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Принцип гуманизации является ведущим принципом деятельности всех субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, поскольку достижение эффективных результатов в профилактической работе с несовершеннолетними правонарушителями предполагает взаимодействие, основанное на межличностном общении. В то же время низкий уровень подготовки кадров, работающих с несовершеннолетними правонарушителями, очень часто является причиной преобладающего авторитарного стиля взаимодействия с подростком и членами его семьи, осуществления формально-ролевого, а не межличностного общения. Необходимо отметить, что специалист сможет организовать партисипативное общение только в том случае, если раньше по отношению к нему другими практиковался такой тип общения. С этой точки зрения принцип гуманизации педагогической концепции подготовки будущих юристов к работе с несовершеннолетними правонарушителями рассматривается нами как руководство для экстерииоризации собственного опыта при осуществлении в дальнейшем своей профессиональной деятельности.

Утверждение субъект-субъектных отношений, переход от монолога к диалогу в управлении профессиональной подготовкой – конкретные формы проявления гуманизации процесса обучения к работе с несовершеннолетними правонарушителями. Принцип гуманизации находит свое проявление как в цели концепции, так и в средствах достижения гуманизации образовательного процесса. Так, в качестве технологической составляющей концепции педагогического управления профессиональной подготовкой к работе с несовершеннолетними правонарушителями нами выделено использование системы педагогико-правовых задач, в числе которых рассматриваются коррекционные педагогико-правовые задачи, связанные с корректировкой стиля общения с различными категориями правонарушителей и их родителями;

творческие педагогико-правовые задачи, направленные на формирование творческого стиля в работе с несовершеннолетними правонарушителями. Собственную интеллектуальную и нравственную работу личности над собой предусматривает одно из организационно-педагогических условий успешного функционирования – осуществление рефлексии с подключением механизмов самопознания, самоанализа и самоконтроля. Организация субъект-субъектного взаимодействия участников образовательного процесса как процессуально-технологическое условие концепции подразумевает опору на высшие мотивы обучаемых: стремление к сопричастности, признанию, самовыражению.

С принципом гуманизации отчасти связан принцип толерантности, так как умение и готовность принятия обучаемых такими, каковы они есть, с их индивидуальными особенностями, не давая оценок этим особенностям, является основой гуманизации образовательного процесса.

Анализ теоретической (философской, социологической, историко-политической и психолого-педагогической) литературы позволил выделить различные подходы к дефиниции «толерантность» (см. табл. 1). Прежде чем перейти к анализу принципа толерантности применительно нашему исследованию проанализируем эти подходы.

Подводя итог существующим подходам к определению «толерантность», необходимо отметить, что, несмотря на отождествление большинством источников с терпимостью оно имеет более емкое понятие: прежде всего, это активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами, социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды. Важно уточнить также такой признак толерантности, как обязанность способствовать утверждению прав человека и правопорядка. Таким образом, проявление толерантности, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, антиобщественным поступкам, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Проявление толерантности созвучно уважению прав человека. В силу специфики своей деятельности именно такого рода толерантные отношения характерны для специалистов, осуществляющих свою деятельность в

правоохранительной сфере. Так, например, законодательно закреплено положение о том, что сотрудники органов внутренних дел во всех случаях ограничения прав и свобод гражданина обязаны разъяснить ему основание и повод такого ограничения, а также возникающие в связи с этим его права и обязанности; предоставлять возможность задержанным лицам реализовать установленные законом права [11].

Несомненный интерес для нашего исследования представляют и научные положения (О.Ю. Афанасьева, И.А. Стернин, К.М. Шилихина, Ю.В. Южакова и др.) о «языковой толерантности». По их мнению, языковая толерантность – это языковое воплощение концепта «толерантность», основанного на категориях философии и психологии; это категория градуируемая, при которой толерантная речь варьируется в широких пределах от агрессивной до нейтральной речи; это категория прагматическая и формальная, представляющая собой «мягкий» способ вербального выражения негативной оценки или инструментальной (имплицитной) агрессии, таким образом способствующая эффективности коммуникации.

Воспитание толерантности в человеческих отношениях, формирование менталитета толерантности – важнейшая стратегическая задача образования. Выполнение этого требования немислимо без коренных преобразований, как в сфере общего среднего, так и высшего профессионального образования. Занимавшиеся данной проблемой педагоги (Б.С. Гершунский, В.Г. Гималиев, Л.В. Головатая, П.Ф. Комогоров, Н.Ю. Кудзиева, В.И. Таланов и др.) отмечают огромную роль исследований в области образовательной теории и практики в решении проблемы формирования толерантности, а также указывают, что именно сфера образования может и должна инициировать интерес общества к проблеме толерантности. Это связано с тем, что система образования призвана готовить обучающихся к эффективному функционированию в обществе, выработке у них стратегий, позволяющих сочетать задачи самореализации с потребностями общества и государства.

Толерантность вырастает из многообразия систем ценностей, жизненных ориентаций, человеческих интересов, мнений и потребностей. Проектируя образовательный процесс, организованный на основе диалога, следует учитывать основные механизмы, ведущие к развитию толерантности. К наиболее ценной мотивации, которая может привести к толерантному поведению, относится партнерство. В нем

находит выражение идея человеческого достоинства, право человека на автономию, на свободу совести. А. Гжегорчик отмечает: «Если другого человека принимают как равного себе и имеющего абсолютную ценность, то его не могут оскорблять. Сказанные постулаты предписывают уважать каждого человека, считаться с волей и автономностью каждого, никого не рассматривать в качестве орудия собственной деятельности или предмета, на который эта деятельность направлена» [15]. Таким образом, исходным пунктом в толерантности является взаимное уважение, диалог и сотрудничество.

Особенно важно формирование толерантности как важнейшего элемента нравственной культуры. С этой точки зрения толерантность – комплексное качество личности, состоящее в высоком уровне знаний, умений и навыков уважительного отношения к «другому» в ходе общения, способности видеть в «другом» полноценную личность, способности к компромиссу и готовности частично поступиться собственными интересами для преодоления и предотвращения конфликта [7]. Толерантность рождает взаимное понимание, открытость, помогает преодолевать конфликтные ситуации, способствует проявлению доброжелательности и глубокой человечности, психологической «притирке» характеров.

Учитывая вышесказанное, солидаризуясь с мнениями В.Г. Гималиева, Л.В. Головатой, Н.Ю. Кудзиевой и др., дадим определение понятия «толерантность» по отношению к системе высшего профессионального образования. Толерантность – это форма выражения субъектами образовательного процесса своего отношения к окружающему миру в единстве всех его проявлений, предполагающая ту или иную форму согласия, основанное на всестороннем многоплановом анализе существенных связей и отношений зависимости между объектами, процессами и явлениями, что позволяет сформировать взвешенную точку зрения, учитывающую полярные и внешне несовместимые компоненты. Толерантность определяется нами как абсолютно необходимое условие успешного профессионального и социального функционирования субъектов образовательного процесса.

Рассматривая принцип толерантности в качестве одного из основных нравственных принципов педагогического управления профессиональной

подготовкой будущих юристов к работе с несовершеннолетними, мы руководствовались тем, что права несовершеннолетних представляют собой общечеловеческую ценность, причем независимо от их категории (девиантный подросток, с психическими отклонениями, несовершеннолетний правонарушитель и т.д.). Сотрудники, осуществляющие свою деятельность в сфере профилактики подростковой преступности, не должны допускать жестокого обращения с подростками, отношений, унижающих их честь и достоинство. Кроме того, специалист при общении с несовершеннолетними правонарушителями должен проявлять терпимость, использовать такие языковые средства, которые направлены на снижение двусторонней агрессии. Такая способность означает уверенность специалиста в себе и сознание надежности собственных позиций.

В качестве процессуально-технологического условия управления профессиональной подготовкой будущих специалистов к работе с несовершеннолетними правонарушителями, обеспечивающего развитие толерантности, нами рассматривается субъект-субъектное взаимодействие участников образовательного процесса. Такая система отношений преподавателя и обучаемого предполагает совместную деятельность, построенную на взаимном уважении и взаимопонимании. На наш взгляд, названный принцип поможет обучаемому в будущем воспроизвести толерантное поведение, которое формировалось в течение учебного процесса, в своей профессиональной деятельности по отношению к несовершеннолетним правонарушителям, осмыслить и переосмыслить полученные ценности в зависимости от объективных условий.

Таким образом, рассмотренные нами нравственные принципы обеспечивают целостность процесса педагогического управления, направленного на развитие у обучаемых высокого уровня профессионального правосознания, определяющегося степенью сформированности отношения к закону как ценности, находящейся в демократическом обществе вне конкуренции; взаимодействие субъектов образовательного процесса, основанное на доверии, взаимном уважении, стремлении к сопричастности, признанию, самовыражению.

Таблица 1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

№ п/п	Источник	Содержание
1.	Декларация принципов толерантности (Генеральная конференция ЮНЕСКО. 16 ноября 1995 г.)	<p>1. Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.</p> <p>2. Толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.</p> <p>3. Толерантность – это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность – это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных актах в области прав человека</p>
2.	Современный словарь иностранных слов	Толерантность (от латинского <i>tolerantia</i> – терпение) – 1) терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо
3.	Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова	Толерантность – термин современной философии, означающий воздержание от употребления силы для предотвращения отклонений во мнениях, верованиях, поведении другого человека или группы людей
4	Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона	Толерантность – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведением других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения
5	Политическая энциклопедия	Толерантность политическая – непереносимое требование в отношениях всех активных участников общественной жизни, осознающих необходимость упорядоченных цивилизованных отношений как внутри государства, так и между государствами
6	Большой психологический словарь	Толерантность – 1) установка либерального принятия моделей поведения, убеждения, ценностей другого

Литература

1. О милиции : закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (ред. от 29 дек. 2009 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503.

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 13 окт. 2009 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

3. Андреев, В. И. Педагогика : учеб. курс для творч. саморазвития / В. И. Андреев. – Казань, 2002.

4. Афанасьева, О. Ю. Управление коммуникативным образованием студентов вузов: педагогическое сопровождение : моногр. / О. Ю. Афанасьева. – М., 2007.

5. Гершунский, Б. С. Философия образования : учеб. пособие для высш. и сред. пед. учеб. заведений / Б. С. Гершунский. – М., 1998.

6. Гималиев, В. Г. Педагогические условия формирования социокультурной толерантности у студентов гуманитарных факультетов университета в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук / В. Г. Гималиев. – Чебоксары, 2006.
7. Головатая, Л. В. Толерантность как проблема философии образования : дис. ... канд. пед. наук / Л. В. Головатая. – Ставрополь, 2006.
8. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / Я. А. Коменский. – М., 1982.
9. Комогоров, П. Ф. Формирование толерантности в межличностных отношениях студентов высшего учебного заведения : автореф. дис. ... канд. пед. наук / П. Ф. Комогоров. – Курган, 2000.
10. Кудзиева, Н. Ю. Формирование толерантности у субъектов высшего профессионального образования : дис. канд. пед. наук / Н. Ю. Кудзиева. – М., 2003.
11. Левичев, О. Ф. Принцип законности в современной дидактике / О. Ф. Левичев // Педагогика. Психология. – 2008. – № 2.
12. Нерсесянц, В. С. Философия права : учеб. / В. С. Нерсесянц. – М., 2008.
13. Обухова, Л. А. Современное состояние и перспективы развития гуманизации учебно-воспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях России : дис. ... д-ра пед. наук / Л. А. Обухова. – М., 2004. – 366 с.
14. Общая и профессиональная педагогика : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение» : в 2-х кн. / под ред. В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых. – Брянск, 2003. – Кн. 1.
15. Подгурецки, Ю. Понятие и концепции толерантности. Толерантность – важнейшая компонента педагогической культуры / Ю. Подгурецки // Междунар. конф. «Проблемы формирования и развития философской и педагогической культуры специалиста» / под ред. В. А. Дмитриенко, А. А. Степанова. – Томск, 2004.
16. Стернин, И. А. Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж, 2001.
17. Таланов, В. И. Образование и культура толерантности / В. И. Таланов // Высшее образование в России. – 2001. – № 3.
18. Южакова, Ю. В. Толерантность как языковая категория / Ю. В. Южаков // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. – 2006. – № 6.

IX. ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ**СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ
В СИСТЕМЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ АТЕИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
(по материалам конца 50-х – середины 80-х годов XX века)****А.В. Ермолюк,**преподаватель кафедры философии
Челябинского юридического института
МВД России, кандидат исторических наук

1958–1964 гг. были отмечены последней в советский период кампанией по закрытию монастырей и храмов – так называемыми хрущевскими гонениями. Их завершение ознаменовало начало нового этапа в истории государственно-конфессиональных отношений, который окончился лишь в период перестройки 1985–1991 гг.

Система взаимоотношений государства с религиозными конфессиями, относительно стабильно функционировавшая около 20 лет (назовем ее доперестроечной), характеризуется следующими чертами:

1) строгое ограничение религиозной деятельности пределами храмовых зданий (существовал запрет на совершение большей части треб вне храмов и молитвенных домов, а также на колокольный звон);

2) тщательное наблюдение партийных и государственных структур за религиозной обстановкой, систематическое их вмешательство во внутренние дела религиозных объединений;

3) лишение священнослужителей, в том числе настоятелей, права руководить хозяйственно-административными делами религиозных обществ (приходов) и передача этих полномочий приходским собраниям во главе со старостами;

4) отлаженная и широковещательная атеистическая пропаганда.

Определяющим фактором складывания доперестроечной системы государственно-конфессиональных отношений была партийно-государственная политика в идеологической сфере. Эта политика в значительной мере зависела от марксистско-ленинских мировоззренческих установок и была инструментом, сдерживавшим распространение религиозных воззрений и расширение влияния религиозных институтов. Предполагалось, что тем самым обеспечиваются условия для распространения диалектико-материалистического, атеистического мировоззрения.

В этой обстановке правоохранительные органы неизбежно включались в систему атеистической работы (термин «атеистическая работа» часто использовался советскими официальными лицами и подразумевал не только атеистическую пропаганду, но и силовое, административное подавление религиозной активности). Оставим в стороне вопрос о соответствии такой практики действовавшим законам. Советское государство, нередко препятствовало осуществлению тех прав, которые формально имелись у верующих граждан. Впрочем, и сама «граница легальности» в сфере деятельности религиозных объединений в ту эпоху была, как убедительно показал историк А.Л. Беглов [8, с. 31–39, 103–122], очень и очень зыбкой.

Попытаемся рассмотреть участие милиции в атеистической работе. Сотрудники органов внутренних дел редко занимались атеистической пропагандой непосредственно, хотя киевляне Ю.И. Римаренко и С.А. Бублик – авторы учебного пособия для учебных заведений МВД – и полагали, что в деле выработки правильных взглядов на советское правосудие «неоценимую роль играют лекции, беседы и другие формы пропаганды, проводимые работниками прокуратуры, суда и милиции» [15, с. 41].

Атеистическим воспитанием занимались сотрудники органов внутренних дел, преподававшие в учебных заведениях МВД. При этом они стремились сформировать у обучающихся умение «правильно решать правовые вопросы научного атеизма, активно содействовать строгому соблюдению советских законов о свободе совести со стороны верующих и неверующих» [15, с. 64]. Возьмем Киевскую высшую школу МВД СССР. Как и в других вузах, там преподавался учебный предмет «основы научного атеизма». При его изучении основное внимание уделялось «усвоению советского законодательства о религиозных культах и практике его применения, а также принципов политики КПСС и Советского государства по отношению к религии, церкви и верующим, социалистической свободе совести». Помимо этого, на факультете общественных профессий действовало отделение научного ате-

изма. Для его слушателей устраивали «кинолектории по проблематике научного атеизма, тематические встречи с ответственными сотрудниками Совета по делам религий при Совете Министров УССР, членами комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах и т.д.» [15, с. 68]. Примеры тем кинолекториев, проводившихся в Киевской высшей школе МВД СССР: «Роль и место религии в современной идеологической борьбе», «Униатская церковь в планах антикоммунизма».

В городских и районных отделах, других подразделениях атеистическим воспитанием занимались руководители, политработники, партийные и комсомольские организации. Эти лица не должны были допустить «влияния враждебной идеологии на сознание и поведение сотрудников подразделений ОВД» [15, с. 98]. Для этого проводились атеистические лекции, циклы лекций, атеистические кинолектории для сотрудников [15, с. 69]. Атеистическую направленность могли носить политические занятия (в большинстве подразделений проводились с 1 октября по 31 июля дважды в месяц), политические информации (они проводились раз в неделю и продолжались 20-30 минут), ленинские чтения, тематические вечера, вечера вопросов и ответов. Для проведения лекций и бесед порой приглашались преподаватели вузов, сотрудники отделений общества «Знание», партийные работники [14, с. 84, 87–89, 200].

Однако атеистический смысл пропагандисты атеизма находили и во вполне обычной работе милиции по охране правопорядка. Они полагали, что тщательное исполнение милиционерами своих служебных обязанностей само по себе способно оказывать воспитательно-атеистическое воздействие на общество. Каким образом?

Во-первых, предполагалось, что в рамках человеческой личности религиозность непременно взаимосвязана с малообразованностью и социальной апатией. Четкое исполнение закона укрепляет правосознание, а значит, подрывает (пусть и косвенно) религиозность. «Осознание прав, свобод и обязанностей обеспечивает социально активное отношение личности к праву, законности и правопорядку. И это имеет глубокий атеистический смысл. <...> В правосознании верующих происходит смещение гражданской ответственности перед государством и его законами на второй план. Поэтому формирование такой правовой культуры верующего, когда уважение к праву, к закону становится его лич-

ным убеждением, имеет важное значение для выработки научно-материалистического, атеистического мировоззрения» [15, с. 39], – писали Ю.И. Римаренко и С.А. Бублик.

Во-вторых, деятельность милиции по защите прав верующих должна лишить почвы тезис «буржуазно-клерикальной пропаганды» о преследованиях за веру в СССР: «Избегать любых фактов, которые бы дали повод для извращенных представлений о справедливости социалистического правосудия, – одна из важных задач правоохранительных органов» [15, с. 41].

Агитационно-пропагандистских методов партийным и советским работникам казалось недостаточно. Обратной стороной партийно-государственной атеистической работы было административно-силовое давление на религиозные организации и верующих. И в этом аспекте атеистической работы милиционеры были уже не объектом воспитания, а зачастую активными участниками, осуществлявшими атеистическую работу. В каких же случаях государство прибегало к их помощи?

Во-первых, милиция обеспечивала силовую поддержку при закрытии монастырей и храмов. Особую актуальность это приобрело на рубеже 50–60 гг., когда шла кампания по массовому сокращению числа храмов и монастырей. Закрыть в 1961 г. Глинскую пустынь (монастырь в Сумской области УССР) властям удалось «только при помощи 250 милиционеров и сотрудников госбезопасности» [9, с. 37]. Паломники, приезжавшие в монастырь, старались не вставать на паспортный учет, поскольку информацию о посещении обители часто после этого передавали по месту их работы. В последние месяцы перед закрытием милиция стала особенно активно проводить проверки паспортного режима. Придирались уже не только к паломникам, но и к послушникам, еще не принятым в штат монастыря и числившимся в нем сезонными рабочими. Закрывали Глинскую пустынь 14 июля 1961 г. по заранее разработанному плану. Накануне в ходе очередной проверки паспортного режима из монастыря были выдворены богомольцы. Обитель была оцеплена милиционерами, дружинниками и партийными активистами. На дорогах, ведущих к ней, были выставлены посты, чтобы верующие не помешали [11, с. 130, 154–156].

Та же роль была отведена милиции и в тот период, когда власти пытались закрыть Почаевскую лавру в Тернопольской области УССР

(в итоге ликвидировали принадлежавшие монастырю окрестные скиты, сама лавра не была закрыта, но не о том мы сейчас ведем речь). Милиция, – пишет историк и очевидец многих событий С.С. Бычков, «вылавливала всех, кто не числился в монастыре. Отлавливаю подвергались в первую очередь паломники, затем те, кто не имел прописки». Здесь следует иметь в виду, что затруднить паломничество означает в значительной мере ослабить монастырь, подорвать его благосостояние. «Отваживание» паломников происходило порой довольно грубо: «Люди приезжали туда помолиться – подъезжала машина с милицией, сажали всех людей туда, вывозили в поле, оставляли и уезжали» [13, с. 126–127], – вспоминал современник событий протоиерей А. Мень. После выдворения паломников и послушников, не имевших прописки, «власти вызвали наместника Лавры, архимандрита Севастиана (Филипчука). Ему был предъявлен ультиматум: «или сам выписываешь из монастыря всех стариков и немощных, или мы сами наугад выпишем тех, кто подвернется». Наместник после раздумий предоставил в милицию список стариков и немощных. Их, естественно, выписали и тут же выдворили из монастыря» [10, с. 264].

Были и случаи, когда верующие сопротивлялись милиции при закрытии монастырей и храмов. А. Безбородов сообщает, что православные несколько дней «отстаивали храм в г. Клинцы Брянской области, причем милиция и дружинники не могли ничего сделать, и только вызванные отряды автоматчиков смогли подавить сопротивление» [9, с. 37]. Защита верующими Речульского женского монастыря под Кишиневом от закрытия кончилась трагически. В ночь на 1 июля 1959 г. свыше 300 православных окружили его плотным кольцом (по другим данным – забаррикадировались внутри). Работники милиции открыли стрельбу, убив одного и ранив пятерых прихожан [12; 17].

Во-вторых, распространенным способом давления на верующих, осуществлявшимся с помощью милиции, было пресечение несанкционированных молитвенных собраний. Так, в 1960–80-е гг. власти Челябинской области особенно активно противодействовали нелегальной деятельности баптистских общин в Магнитогорске, Троицке и на станции Полетаево. К борьбе привлекались и правоохранительные органы. 12 мая 1978 г. бюро Челябинского обкома КПСС постановило: «Совместно с управлением внутренних дел облисполкома пре-

дусмотреть профилактические меры, направленные на локализацию деятельности баптистской общины, предупреждение антиобщественных проявлений и нарушений общественного порядка со стороны сектантов» [6, л. 11]. Одной из таких мер стала проверка паспортного режима. Записка, составленная в отделе пропаганды и агитации Челябинского обкома КПСС, рекомендовала «в местах деятельности незарегистрированных религиозных общин и групп, в пригородных поездах и на вокзалах усилить охрану общественного порядка, строгое соблюдение паспортного режима, практиковать создание оперативных групп из работников милиции и членов добровольных народных дружин» [7, л. 22]. 21 января 1980 г. бюро Челябинского обкома КПСС одобрило эту записку и направило ее в горкомы и райкомы для принятия мер и использования в практической работе.

Интересен случай, иллюстрирующий практическое участие сотрудников милиции в пресечении собраний незарегистрированных религиозных обществ. Мы встретили документ, рассказывающий, как действия сотрудника милиции были опротестованы уполномоченным Совета по делам религий по Челябинской области – должностным лицом, которое крайне редко выступало в роли правозащитника. Дело в том, что магнитогорские баптисты, молитвенное собрание которых было прервано появлением милиционеров, обратились с письмом в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Работники Совета послали своему уполномоченному по Челябинской области П.И. Востренкову запрос, на который он ответил 14 ноября 1977 г. «При выяснении обстоятельств в действиях работников милиции отмечено и то, что ими допущены грубые ошибки, давшие пищу для жалобы. По моему требованию немедленно, 10 ноября, был возвращен паспорт гр-ке Н.Я. Чухонцевой, незаконно изъятый у нее майором милиции И.П. Лукьянчиковым при составлении административного протокола. Я настоял на том, чтобы паспорт вернул сам Лукьянчиков и принес извинения за ошибочность в своих действиях. На оперативном совещании работников районного отделения милиции майору Лукьянчикову указано на неправильные действия» [2, л. 53].

В-третьих, милиция (разумеется, наряду с другими правоохранительными органами) выявляла и боролась с подпольно издаваемой неподцензурной религиозной печатной продукцией. В письме от 19 ноября 1975 года уполномоченный Совета по делам религий по Челябинской облас-

ти П.И. Востренков сообщил: «26 июля 1975 г. в квартире активного члена руководства общины гр. Штейнбрехер (г. Челябинск, ул. Набережная, д. 20, кв. 21) при обыске были изъяты несколько номеров «Бюллетеня совета родственников узников ЕХБ в СССР» и другие материалы» [1, л. 53]. В документе, правда, не сказано, что обыск проводила именно милиция. Его могли провести и прокурорские работники, и сотрудники КГБ. Тем не менее, милиция могла участвовать в подобного рода мероприятиях. В пособии, адресованном именно сотрудникам органов внутренних дел, говорилось: «Административное принуждение в атеистической работе вполне обосновано в отношении тех, кто... требует неограниченной свободы религиозной пропаганды, <...> нельзя отказываться от применения административных мер к тем верующим, кто занимается сочинением различного рода клеветнических писем, посланий, в которых преднамеренно фальсифицируется политика КПСС и Советского государства в отношении к религии, церкви и верующим» [15, с. 45].

В-четвертых, наряды милиции, несшие службу возле храмов и молитвенных домов по большим праздникам для обеспечения безопасности, иногда преграждали доступ внутрь отдельным категориям верующих. Речь идет, прежде всего, об ограничении доступа в храмы молодежи.

Разумеется, в официальные обязанности милиционеров это не входило. Выставление нарядов для обеспечения общественной безопасности было обычной практикой. Побывав на пасхальном богослужении 1966 г. в подмосковной переделкинской церкви, А.И. Солженицын вспоминал: «Старуха крестится в стороне и говорит другой: «В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько» [16, с. 316]. В письме П.И. Востренкова в Совет по делам религий «О прохождении пасхальных праздников в русских православных церквях Челябинской области» от 12 мая 1978 г. сообщалось: «Как и в прошлые годы, по твердо установившейся традиции, исполорганы церквей с помощью комиссий содействия заранее установили контакты с местными органами милиции... Выделенные наряды милиции прошли специальный инструктаж по обеспечению верующим возможности спокойно участвовать в пасхальном богослужении, по предотвращению возможных помех со стороны хулиганствующих элементов... Празднование повсеместно прошло без каких-либо инцидентов» [3, л. 16].

Однако обеспечение порядка не было единственной целью сотрудников милиции и дружинников, дежуривших возле культовых зданий. «Отфильтровыванием» молодежи занимались обычно дружинники. Милиционеры чаще просто стояли рядом и не вмешивались, но в ряде случаев помогали дружинникам. Факты подобного рода приводятся в информации Совета по делам религий о праздновании Пасхи в 1983 г., направленной в ЦК КПСС: «В некоторых населенных пунктах (гг. Ставрополь, Тула, Псков и др.) для верующих возникали затруднения попасть в храм, ограничивался доступ в церковь молодежи. В основном эти конфликтные ситуации оперативно разрешались. Однако в Чувашской АССР действия административных служб, дружинников по «фильтрации» посетителей храмов в зависимости от возраста не были пресечены. Аналогичные методы сотрудников милиции в кафедральном соборе г. Астрахани позволили отдельным лицам, недовольным местными органами власти, обвинить должностных лиц в «нарушении свободы совести» [4, л. 86]. Аналогична информация по 1984 г.: «В ряде населенных пунктов в целях «обеспечения общественного порядка» устанавливались далеко от зданий церковью заградительные барьеры, создавались посты из работников милиции и дружинников, проводилась «сортировка» людей на верующих и неверующих перед церковной оградой (Кировская, Рязанская, Новгородская области). Эти факты вызывали большой интерес у иностранцев. Помимо больших групп милиционеров, около <Троице-Сергиевой> лавры сосредоточены были и воинские подразделения, совместно с милицией и дружинниками фильтровавшие посетителей». Работников Совета по делам религий, составлявших записку, это волновало не в последнюю очередь потому, что «иностранцы фото- и кинокорреспонденты стремились прежде всего запечатлеть сюжеты с участием работников МВД и военнослужащих» [5, л. 26–27].

Подведем итог. Пропаганда материалистического мировоззрения и создание условий для распространения атеистических взглядов официально не вменялись милиции в обязанность. Однако Советское государство по идеологическим и политическим мотивам боролось (на разных этапах с разной интенсивностью) с религиозным мировоззрением, поэтому партийные и советские органы в определенных случаях неизбежно привлекали советскую милицию к участию в атеистической работе.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 471.
2. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 1211.
3. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 1416.
4. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 2494.
5. ГАРФ. – Ф. Р-6991. – Оп. 6. – Д. 2723.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 288. – Оп. 191. – Д. 55.
7. ОГАЧО. – Ф. 288. – Оп. 193. – Д. 14.
8. Беглов, А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / А. Беглов. – М., 2008.
9. Безбородов, А., священник. Годы испытаний (история Православной Церкви на Калужской земле с 1917 по 2000 годы) / Священник А. Безбородов. – Калуга, 2001.
10. Бычков, С. С. Страдный путь архимандрита Тавриона / С. С. Бычков. – М., 2007.
11. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. – М., 1992.
12. Леонов, А. «Хрущевский» удар по Православию. Об антицерковной кампании 1958–1964 гг. / А. Леонов // URL : <http://www.pravoslavie.ru/smi/727.htm>
13. Мень, А. О себе... Воспоминания, интервью, беседы, письма / А. Мень. – М., 2007.
14. Политико-воспитательная работа в органах внутренних дел / отв. ред. Ю. М. Чурбанов. – М., 1980.
15. Римаренко, Ю. И. Атеистическое воспитание в системе идеологической работы в органах внутренних дел : учеб. пособие / Ю. И. Римаренко, С. А. Бублик. – Киев, 1989.
16. Солженицын, А. И. Пасхальный крестный ход / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Рассказы. – М., 1990.
17. Шубин, А. В. Притеснения Русской Православной Церкви в 50-60-х гг. / А. В. Шубин // URL : <http://www.soviethistory.ru/sovhist/a-18.html>

МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К.И. Попов,

старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Челябинского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

Современный сотовый телефон стоит недорого и свободно помещается в кармане, но мобильная связь не всегда была такой. На полноценную реализацию мечты о телефоне, не привязанном к проводам, ушел почти весь XX век. И большую часть этого времени такую связь можно было получить лишь из автомобиля. Телефонами на колесах пользовались руководители государств, крупные бизнесмены, полицейские.

Самый первый мобильный телефон был установлен в 1910 г. в автомобиле Ларса Магнуса Эрикссона, великого промышленника.

К тому времени Эрикссон отошел от дел и решил посвятить остаток жизни фермерству и путешествиям. Разъезжая с супругой Хильдой по живописным местам родной Швеции, Эрикссон возил с собой телефонный аппарат, провода от которого были присоединены к двум длинным шестам. С помощью такого устройства можно было контролировать компанию.

Сеанс общения происходил следующим образом. Хильда подходила к столбам телефонных линий, протянутых вдоль дороги, и дотягивалась шестами до разных пар, а Ларс слушал трубку телефона. Когда находилась свободная пара, Эрикссон крутил ручку вызова и заказывал телефонному оператору нужный разговор. В Швеции его персона к тому времени считалась живой легендой, и телефонная станция любого города с радостью обслуживала патриарха связи [1, с. 98].

Такой способ и раньше использовался для армейских переговоров. Однако именно Эрикссон был первым обладателем гражданского и полностью легального мобильного телефона.

Безусловно, данный вид связи нельзя назвать по-настоящему мобильным. Все-таки для сеанса связи требовались телефонные провода.

Чтобы «отвязать» разговор от провода, понадобилось радио. Однако радиостанции, созданные Поповым и Маркони, умели передавать лишь телеграфную азбуку. Мобильный телефон – вещь несомненно удобная, но пользователь, избалованный проводной телефонией, вряд ли бы перешел на

общение посредством азбуки Морзе, пусть даже аппарат для общения стоит в автомобиле.

Передачу голоса впервые осуществил канадский профессор Реджинальд Фессенден. Он интересовался разработками в области радио и предпочитал «искровой» системе Маркони собственное изобретение – передачу с помощью высокоскоростного мотора. Такие моторы были громоздкими и шумными, зато делали передачу более надежной. А самое главное – они позволяли передавать голос. В рождественскую ночь 1906 г. Фессенден играл на скрипке, и его слушали радисты морских кораблей – такой была первая музыкальная передача.

В начале голосовая система Фессендена была несовершенной и мало кого заинтересовала. Большинству перспективных пользователей голосовой связи хватало «морзянки». К тому же в 1914 г. началась Первая мировая война, и зашифрованные азбукой Морзе радиопередачи немало делали для армии и флота.

В послевоенное время становится ясно, что голосовое радио – замечательное средство массовой информации, «говорящая газета», которая к тому же доставляется мгновенно почти на любые расстояния. В мире появляется все больше радиостанций – а для каждой станции требовалось объемное оборудование и высокая антенна.

Создание радиотелефона было во многом обусловлено уровнем преступности в Америке 20-х гг. прошлого столетия.

Капитала в стране было много, и любители его перераспределить чувствовали себя в крупных городах очень уверенно. Пока дежурная часть получала сигнал тревоги и полицейские машины добирались до места, преступники успевали не только похитить содержимое банковского сейфа, но и покинуть место преступления.

В 1917 г. в городе Детройт появились «полицейские будки» с автомобилями и телефонами. Теперь патруль мог приехать от ближайшей «будки». Но как только автомобиль отъезжал на вызов, связаться с ним было уже невозможно. И второй банк в этом же районе можно было грабить беспрепятственно, чем налетчики и пользовались: первое ограбление было отвлекающим, а второе – основным.

Естественным выходом была радиосвязь, и в 1921 г. в Детройте начались первые эксперименты. Двустороннюю связь в автомобиле установить было невозможно в связи с размерами передат-

чика, поэтому на машинах были только приемники, а задания передавались с полицейской радиостанции. Разумеется, чтобы подтвердить получение, приходилось звонить в участок из ближайшей телефонной будки, но наличие приемника все-таки позволяло перевести машины на постоянное патрулирование, и скорость реагирования повышалась многократно.

Систему далеко не сразу удалось заставить работать. Радиолампы в приемниках могли разбиться от тряски в машине. Батарей хватало ненадолго, а собственные генераторы автомобилей были слишком слабыми. Кроме того, Федеральная комиссия по радио (FRC) чуть не отняла у радиостанции лицензию – она официально считалась развлекательной и потому должна была для соблюдения правил в перерывах между сообщениями о преступлениях и пропавших людях передавать музыку и новости! К тому же сначала город не хотел выделять денег, но вскоре благодаря радио был найден пропавший мальчик – и отношение к новой технике улучшилось.

К 1928 г. все проблемы были решены и началось регулярное патрулирование улиц нарядами на машинах с радиоприемниками. За первый год такой работы благодаря радио полиция смогла привести 551 арест.

Тем временем разрабатывались все более легкие и прочные передатчики. И с 1933 г. американская полиция стала внедрять уже двустороннюю связь – полноценный радиотелефон с приемом и передачей на разной длине волны. Иногда от радиостанции к машинам передача шла на средних волнах, а вот в другую сторону – на ультракоротких, потому что только такой передатчик мог помещаться в машине.

Из-за этого недостатка полицейские машины не могли напрямую связаться друг с другом, но иногда это было необходимо для координации действий. И на некоторых полицейских радиостанциях можно было включить режим замыкания приема на передачу – тогда все полицейские машины могли слышать друг друга. Таким и был первый коммутатор мобильной телефонной связи.

Очередным толчком развития голосовой связи стала Вторая мировая война. Появились относительно компактные рации, способные напрямую «слышать» друг друга. Они устанавливались, в частности, на танках и в самолетах. После войны электроника оказалась достаточно совершенной для появления первых гражданских мобильных телефонов [2, с. 3].

Первая сеть мобильной телефонной связи была открыта в городе Сент-Луис (США) в 1946 г.

Вскоре такие же системы появились в других крупнейших городах США, а затем и в Европе.

Тяжелая, но достаточно надежная рация устанавливалась в автомобиле. Радиоблок отправлялся в багажник, а трубку вместе с панелью управления монтировали в кабине водителя.

Позвонить по телефону было непросто: водитель поднимал трубку и начинал переключать каналы, стремясь найти свободный (в Сент-Луисе каналов было всего три, а например, в Нью-Йорке – 12). Затем нужно было поговорить с оператором и назвать городской номер, и только после этого удавалось пообщаться не с тем, кого разыскивал.

Тем не менее, даже такая несовершенная связь пользовалась немалым спросом. Монтаж радиотелефона себе в автомобиль заказывали торговцы, врачи, бизнесмены, и чем больше было абонентов, тем труднее было найти свободный канал.

Компаниям пришлось закрыть подключение новых пользователей, чтобы старые могли хоть как-то пользоваться связью.

Со временем техника понемногу совершенствовалась. В 1960-е гг. появились системы на транзисторах, которые автоматически искали свободный канал, многие из них позволяли непосредственно, без участия оператора, набрать номер.

Однако главной проблемой оставался резкий недостаток радиоканалов, особенно в США, где Федеральная комиссия по коммуникациям отказывалась выдавать новые частоты для мобильной связи. В результате, например, в Нью-Йорке в 1976 г. мобильной связью были снабжены 545 абонентов.

Одним из принятых вариантов стал пейджинг. Первые пейджеры были очень простыми устройствами: на них можно было передать только одно сообщение – о вызове данного номера. Пейджер, которому направлен вызов, пищал и вибрировал, и владелец знал, что его вызывают.

Такие устройства сначала появились у врачей, которых могли срочно вызвать в больницу. В конце 60-х гг. их предложили массовым пользователям и добились определенной популярности.

Для пейджингового обслуживания множества абонентов требуется всего лишь один радиоканал. Но ведь пейджер – это отказ от двусторонней связи, возвращение к временам детройской полиции, которая не могла установить передатчик на машины. Полноценная телефонная связь требовала другого решения. И оно было найдено – сотовая связь.

Все мобильные системы связи 40-70-х гг. XX в. работали с одним центральным передатчиком, расположенным, как правило, на одном из высоких зданий в городе. Этот передатчик был доста-

точно мощным, чтобы соединиться с телефоном в любой точке города и пригородов. На каждом из доступных частотных каналов передатчик мог передавать и принимать разговор. Интересно, что решения со многими стационарными приемниками были вполне известны: например, в самой первой системе мобильной связи в Сент-Луисе приемников было пять в разных концах города, чтобы маломощный сигнал от автомобильного дошел хотя бы до одного из них.

В сотовой связи, напротив, используется ограниченное количество маломощных передатчиков. Каждый из них (вместе с приемником) «покрывает» отделенный кусок территории – «соту».

Поскольку «соты» невелики и мощность передатчиков базовых станций мала, в других сотах прием сигналов с данной соты не происходит. А это означает, что в них можно использовать те же частотные каналы. Ввиду этого сотовая схема при том же количестве частот позволяет обслуживать существенно больше абонентов.

Хотя принцип сотовой связи был изобретен еще в конце 40-х гг., техника, способная его реализовать, появилась только в 70-х гг. При этом главной проблемой был так называемый хэндовер (handover) – передача разговора из одной «соты» в другую, ведь мобильные телефоны склонны к перемещениям и при этом желательно, чтобы эти перемещения не отражались на качестве передачи и не приводили к разрыву связи. А автомобиль вполне может «переехать» в зону действия другой базовой станции во время разговора.

В 70-е гг. в США и Европе начались активные работы над созданием сотового телефона, но европейцы уделяли внимание в основном большой площади покрытия. А американские фирмы задалась также и другой целью – создать телефон, который можно будет носить с собой как трубку обычного телефона. И при этом не таскать рюкзак с батареями. Это компании Motorola удалось.

3 апреля 1973 г. начальник подразделения мобильной связи Мартин Купер взял в руки вновь созданный телефон, вышел на улицу и позвонил. Звонок был адресован его коллеге Джо Энгелю, главе подобного же отдела фирмы Bell Labs. Надо было обязательно сообщить, что Motorola обогнала Bell и первой создала носимый мобильник [1, с. 101].

Правда, «носимость» новинки была довольно условной. Трубка весила более килограмма и была размером с кирпич, а батареи хватало на 10-20 минут разговора. Тем не менее, это был прорыв – теперь телефон не был привязан не только к проводам, но и к автомобилю.

Работы над полноценной сотовой связью продолжались все 70-е гг. В некоторых странах в начале 70-х были запущены «полусотовые» системы – в них связь просто обрывалась при выходе за границы соты. Это позволило удовлетворить спрос до момента готовности полноценных сотовых систем.

Первая коммерческая сотовая сеть была запущена в Японии в 1970 г. Сети стандарта NMT (Nordic Mobile Telephony), единого для всей Северной Европы, открылись в 1981 г., причем самой первой из них стала сеть в Саудовской Аравии, сами северные страны задержались на несколько месяцев. Телефоны NMT были тогда автомобильными – носимые трубки появились лишь в середине 80-х годов.

В США к началу 80-х все было готово к строительству и запуску сетей.

В 1983 г. сотовые сети стандарта AMPS (Advanced Mobile Phone System) были запущены в США. В них использовались как автомобильные телефоны, так и носимый аппарат Motorola DynaTAC. Теперь он весил чуть меньше килограмма [3, с. 105].

Эра современной мобильной связи началась, но это никогда не произошло бы без долгого «периода роста», без габаритных, не всегда надежных, иногда требующих долгого ожидания автомобильных телефонов.

Литература

1. Russian Mobile. – 2008. – март.
2. Russian Mobile. – 2007. – апр.
3. Russian Mobile. – 2008. – апр.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО (В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

А.В. Силаев,

председатель коллегии адвокатов;
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Челябинского государственного университета

История российского предпринимательства довольно широко рассмотрена в исторической и экономической литературе. Нам же более всего интересен момент возникновения и развития института уголовно-правовой ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности.

Взяв за основу анализа исторические периоды развития российского законодательства досоветского периода, мы сможем увидеть процесс появления и совершенствования рассматриваемой нормы.

В первом законе Древней Руси – Русской Правде – и последующих ее модификациях доминируют нормы общего права. Предпринимательство не имеет своего социального статуса, и законодатель не предусматривает уголовную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без соответствующего разрешения.

При дальнейшем развитии экономических отношений и укреплении государственной власти появляются первые предпосылки для возникновения данной ответственности.

В период правления Царя Алексея Михайловича (вторая половина XVII в.) было положено начало регулярному правотворчеству в сфере хозяйственной деятельности. С 1650 г. по февраль 1696 г., после которого появляются акты, подписанные Петром I, было принято 1458 нормативных актов [1; 12]. Основная их часть была посвящена регулированию торговли, промысла, таможенного дела, государственных пошлин и сборов. Наиболее показательными являются: Указ от 1 июня 1646 г., по которому была отменена беспошлинная торговля английских купцов; Указ от 1 июня 1649 г., предоставляющий право торговли английским купцам только в г. Архангельске; Указ от 25 октября 1653 г. о реформе таможенного дела; Торговый Устав 1653 г.; Новоторговый Устав 1667 г. [2, с. 14]. Указанные нормативные акты регулировали порядок мелкорозничной торговли. Так, запрещалось торговать мелкой снедью на Красной площади, на перекрестках, за Каменным мостом и на проезжей части, в монастырях и около них, у святых ворот,

во время крестного хода [3]. Соборное Уложение 1649 г. [4] предусматривало уголовное наказание за уклонение от уплаты пошлин и податей, нарушение кредитных обязательств, принуждение заключить сделку, нарушение правил торговли, в особенности спиртными напитками и табаком. Боярский приговор 1664 г. [5] запрещал перекупать у крестьян привозимые ими товары.

Таким образом, закон определял место и время торговли, разрешалось торговать в «рядах и лавках», которые облагались налогом. Запрещалась скупка и спекуляция.

В эпоху петровских преобразований вместе с активным распространением предпринимательства законодатель принимает необходимые меры для его регулирования, учредив Коллегию по руководству торговлей, Комерц-коллегию и Мануфактур-коллегию. Тем самым Петр I установил государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности. Данную позицию поддержали его последователи в своем законотворчестве.

К середине XIX в., когда уже стало складываться российское законодательство, появляется ряд нормативных актов [5, с. 149–150], регулирующих деятельность торговых учреждений, мануфактур, ремесел, промыслов. Одним из них стало Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных от 15 августа 1845 г. В соответствии с данным нормативным актом уголовной ответственности подлежали торговые лица, которые по закону не имели на это права (ч. 1 ст. 1169), при этом размер взыскания зависел от продолжительности деяния и количества денежных средств, находящихся в обороте содержания. Часть 2 ст. 1169 предусматривала наказание за нарушение торговых постановлений, выраженных в производстве торговли после лишения права на такую деятельность. По ст. 1170 привлекались лица, уличенные в производстве торговли или промысле по фальшивому свидетельству. Существовала ответственность за организацию какого-либо предприятия (торгового общества, фабрики, мануфактуры и т.д.): без разрешения правительства, органов местного самоуправления (ст.ст. 1197, 1346, 1347); в неустановленном месте (ст. 1348); изготовление огнестрельного оружия (кроме охотничьего) (ст. 1350). Наказанием за совершение данных преступлений являлись штраф и конфискация.

Таким образом, уголовно-правовые нормы Соборного уложения 1845 г. в сфере предпринимательской деятельности были не систематизированы и не имели однородного объекта преступления, однако приобрели более совершенный состав по сравнению с прошедшими периодами.

Следующим этапом становления уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконное предпринимательство, является Уголовное уложение 1903 г. [7]. В рассматриваемом законе произошли незначительные изменения норм в области предпринимательской деятельности, в его основу легли диспозиции статей Соборного уложения 1845 г. и Устава о наказаниях 1864 г., которые были частично объединены и дополнены с учетом изменений в экономике.

Так, ст. 310 Уголовного уложения [8] устанавливала ответственность за устройство завода, фабрики, аптеки или иного промышленного или торгового заведения без надлежащего разрешения в тех случаях, когда такое требуется, и устройство заведения лицом, не имеющим на это разрешения, или в месте, где их устройство воспрещено.

По ст. 316 наказывались лица, виновные в торговле крепкими спиртными напитками в местах, где такая торговля запрещена, без соответствующего разрешения, в помещении, открытом без разрешения или устройство которого не соответствует требованиям.

Статья 318 предусматривала ответственность за открытие без соблюдения правил или надлежащего разрешения торгового или промышленного общества; частного или общественного кредитного установления, банкирского заведения или меняльной лавки; комиссионной или справочной конторы для дел частных; ссудной кассы.

В соответствии со ст. 335 уголовной ответственности подлежали лица, занимающиеся незаконным производством торговли или промысла, а именно:

– лица, не имеющие права на производство торговли или промысла вообще. Это те, которые по состоянию или званию своему не имеют права производить торговлю, и те, которые хотя и имели по закону право на производство торговли, но впоследствии утратили его по судебному приговору;

– ограниченные в своем праве производить торговлю или промысел лица, в силу особых предписаний закона, пределами определенной местности, а также в случае нарушения этих предписаний;

– лица, самовольно производящие такого рода торговые действия, право на производство которых обуславливается по закону получением установленного разрешения [9].

В связи с тем, что Уголовное Уложение 1903 г. вводилось поэтапно, указанные статьи, устанавливающие ответственность за незаконное предпринимательство, так и не были введены в действие. В Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных от 15 августа 1845 г. неоднократно вносились изменения и дополнения. В таком состоянии они применялись до наступления советского периода уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Генезис развития уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное предпринимательство, позволил сделать вывод о том, что существовавшие нормы досоветского периода нашли свое отражение в нормах современного уголовного законодательства, то есть в ст. 171 УК РФ. В частности, это положение, касающееся условий наступления уголовной ответственности (осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или с нарушением правил регистрации; предоставление государственному органу заведомо ложных сведений; без соответствующего разрешения, когда оно обязательно).

Литература

1. Аистова, Л. С. Незаконное предпринимательство / Л. С. Аистова. – СПб., 2002.
2. Мальков, А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / А. Г. Мальков. – СПб., 1998.
3. Полное собрание законодательства. – Т. 2. – СПб., 1830. – № 660, № 1089.
4. Полное собрание законодательства. – Т. 3. – СПб. – № 1480.
5. Соборное Уложение 1649 г. – М., 1990.
6. Уголовное Уложение 1903 г. // Полное собрание законодательства : собр. 2. – Т. XXXVI.
7. Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. – СПб., 1903.
8. Хрестоматия по истории государства и права России. – М., 1998.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И (ИЛИ) СБОРОВ С ОРГАНИЗАЦИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1991 гг.)

А.М. Тимофеев,

соискатель кафедры уголовного права и криминологии Челябинского государственного университета

Трудности, с которыми сталкиваются отечественные законодатели при конструировании правовых норм, регулирующих уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, свидетельствуют о востребованности историко-правового опыта подобного регулирования. Действительно, недостатки в регламентации налоговых преступлений прошлых столетий должны предостерегать сегодняшних законодателей от совершения ошибочных действий.

После Октябрьской революции 1917 г. в развитии российского налогового и уголовного законодательства начался качественно новый этап.

Советская власть упразднила податный аппарат, а дореволюционные законы, устанавливающие налоги, были отменены как «противоречащие революционной совести и революционному правосознанию». После того как государство отменило право частной собственности на землю и орудия производства, аннулировало ценные бумаги и запретило заниматься предпринимательской деятельностью, оно фактически лишило себя всех объектов налогообложения.

Налоговая политика РСФСР сводилась к принудительному сбору с крестьян сельскохозяйственной продукции, так называемой продовольственной разверстке. Ответственность за укрывание хлебных запасов была установлена весьма жесткая – виновные объявлялись врагами народа, приговаривались к тюремному заключению на срок не менее десяти лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации [6, с. 26].

Итак, важной чертой уголовного законодательства первых лет советской власти являлся его ярко выраженный антигуманный и репрессивный характер. Особенности налогов становятся их конфискационный характер и классовая направленность [11, с. 17]. Свидетельством тому служит законодательство РСФСР 1917–1920 гг., регламентирующее ответственность за преступления

в сфере налогообложения. Оно в основном предусматривало жесткие санкции: почти во всех случаях – лишение свободы и конфискацию имущества.

Первая норма советского права, предусматривавшая уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, содержится в Декрете Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 16 декабря 1917 г. «О взимании прямых налогов» [8, с. 213]. В статье 2 этого Декрета указывалось: «Лица, не внесшие государственный подоходный налог и единовременный налог по окладам, установленным еще постановлениями Временного правительства, подлежали, помимо мер, указанных в дореволюционном законе, также и денежным взысканиям, вплоть до конфискации всего имущества. Лица, умышленно задерживающие уплату налога, подлежат тюремному заключению до пяти лет» [8, с. 213].

В период военного коммунизма налоговая политика РСФСР сводилась к продовольственной разверстке, в соответствии с которой у крестьян изымались по твердым ценам, под расписку или безвозмездно и принудительно все излишки сельскохозяйственной продукции сверх количества, необходимого для засева полей и личного потребления по установленным нормам [3; с. 26–27]. Согласно декрету ВЦИК от 9 мая 1918 г. «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» [7, с. 121], все, имеющие излишки хлеба и не вывозящие его на ссыпные пункты, а также расточающие хлебные запасы на самогонку, объявлялись врагами народа, осуждались к тюремному заключению на срок не менее десяти лет, изгонялись навсегда из общины, а все их имущество подвергалось конфискации.

В марте 1921 г. Десятый съезд РКП(б) принял резолюцию «О замене продовольственной разверстки продовольственным налогом» [2]. Продразверстка заменялась натуральным налогом, после сдачи которого производители получали право обменивать оставшиеся излишки на нужные им товары. В связи с отменой продразверстки постановлением НКЮ РСФСР от 29 апреля 1921 г.

«О прекращении разверстки и неплатеже чрезвычайного налога» всем судебным органам предписывалось прекратить производство дел по обвинению в преступлениях о нарушении правил разверстки продовольствия, сырья и фуража, а также: дела о неплатеже чрезвычайного революционного налога [7, с. 110–112].

15 июля 1921 г. был принят Декрет СНК РСФСР «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и обмене» [7, с. 97]. Он предусматривал уголовную ответственность «за несправку продовольственного или сырьевого налога, если было установлено отчуждение, сокрытие сельскохозяйственных продуктов, или прямой отказ от сдачи сельскохозяйственных продуктов, или иные злостные действия неисправного плательщика». Была введена уголовная ответственность в виде принудительных общественных работ или лишения свободы с конфискацией имущества [7, с. 100].

Высокие налоговые ставки, действовавшие в СССР в указанный период, стали одной из главных причин массового уклонения от уплаты налогового обложения. Это было связано с постепенным сокращением частной торговли и промышленности, с резким неприятием налогоплательщиками положений законодательства. Уклонение от уплаты налогов и сборов становится одним из наиболее распространенных экономических преступлений. Статистика называет следующие цифры такого массового уклонения: в 1922 г. за уклонение от государственных повинностей и налогов были осуждены 20 572 человека, а в 1924 г. – 26 152 человека [10, с. 143–144].

Стремление государства искоренить подобные явления привело к усилению уголовных репрессий, направленных против налоговых преступлений.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [1] (далее – УК РСФСР 1922 г.) налоговые преступления находились в ч. 2 «О преступлениях против порядка управления» в главе «Государственные преступления». Уклонение от налоговых платежей рассматривалось как скрытое противодействие советской налоговой политике, направленное на срыв мероприятий советской власти.

УК РСФСР 1922 г. предусматривал три состава преступления в сфере налогообложения. К ним относятся: массовый отказ от внесения денежных или натуральных налогов или от выполнения повинностей (ст. 78); неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа денежных или натуральных налогов (ст. 79); организованное по взаимному согла-

шению сокрытие или неверное показание объектов налогового обложения (ст. 80).

Кроме этих деяний, уголовное законодательство 1922 г. установило ответственность за противодействие исполнению гражданами своей обязанности платить налоги. Так, ст. 83 УК РСФСР предусматривала ответственность за агитацию и пропаганду, заключающую в себе призыв к совершению налоговых преступлений, ст. 84 – за изготовление, хранение с целью распространения литературных произведений, призывающих к совершению налоговых преступлений. Отметим, что такие нормы не нашли своего отражения в современном уголовном законодательстве.

Положения УК РСФСР 1922 г. об ответственности за экономические преступления не отличались стабильностью. В связи с изменчивой ситуацией в стране, соразмеряясь с действительностью, они неоднократно изменялись вплоть до принятия в 1926 г. нового Уголовного кодекса.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый Постановлением ВЦИКа от 22 ноября 1926 г. и введенный в действие с 1 января 1927 г. [9], в основном сохранил те же подходы к решению вопросов об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, что и УК РСФСР 1922 г. (с учетом внесенных в него изменений). Однако в ряде случаев ответственность была значительно повышена.

Уголовный кодекс 1926 г. неплатеж в установленный срок налогов или сборов отнес к иным преступлениям против порядка управления.

По сравнению с УК РСФСР 1922 г. содержание УК РСФСР 1926 г. обогатилось новыми нормами, связанными с налоговыми деликтами: нарушение акцизных правил или правил об особом патентном сборе (ст. 100).

Вместе с тем УК РСФСР 1926 г. содержал целый ряд уже известных ранее составов налоговых преступлений, к примеру, таких, как: массовый отказ от несения налогов, денежных или натуральных, или от выполнения повинностей (ст. 60) и другие.

За совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 60–63 УК РСФСР 1926 г., без отягчающих обстоятельств предусматривалось наказание в виде штрафа, а при наличии таковых – в виде лишения свободы на срок до одного года (ч. 2 ст. 60) или до двух лет (ст. 62).

В связи с принятием ЦИК СССР в феврале 1927 г. Положения о преступлениях государственных [7, с. 314] объективная сторона состава

«налогового» преступления, предусмотренного ст. 60 УК РСФСР 1926 г., была дополнена, переименована в ст. 59 и изложена в следующей редакции: «отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до расстрела с конфискацией имущества». Эта статья получила следующее название: «Массовый отказ от несения налогов, денежных или натуральных, или от выполнения повинностей».

В 1929 г. УК РСФСР 1926 г. был дополнен статьей, предусматривавшей ответственность за неуплату в срок специального военного налога при наличии к тому возможности.

В 1930 г. в России проведена налоговая реформа, необходимость которой была вызвана, прежде всего, коренными изменениями в экономике государства, системе производственных отношений, формах собственности.

В этот период наблюдается постепенное сокращение применения норм уголовного права, регламентирующих ответственность за налоговые преступления.

Таким образом, в начале 1930-х гг. XX столетия в уголовной политике СССР произошли значительные изменения. Переход к методам «командной» экономики сопровождался чрезвычайным расширением круга уголовно наказуемых деяний. Лишение руководителей хозяйствующих субъектов экономической и организационной самостоятельности вело к ослаблению экономических стимулов в сфере производства. На замену им приходило внеэкономическое принуждение, в том числе в форме уголовной репрессии. Неравные экономические условия, в которых находились государственные и частные предприятия, постепенно привели к ликвидации последних. Так, к 1931 году частный капитал в городах практически перестал существовать, а основными плательщиками налогов стали государственные предприятия, которые практически не были заинтересованы в сокрытии объектов налогообложения [4, с. 88].

За период действия Уголовного кодекса 1960 г. правовая регламентация вопросов уголовной ответственности в сфере налогообложения подверглась существенным изменениям. Переход страны к рыночной многоукладной экономике, введение частной собственности на землю и средства производства, развитие предпринимательской деятельности, поощрение конкуренции, расширение внешней торговли – все это требовало переосмысления роли уголовного права в регулировании хозяйственной деятельности.

Уголовное законодательство СССР не знало нормы, предусматривающей ответственность за уклонение от уплаты налогов в мирное время. В условиях, когда государство получало необходимые финансовые средства за счет прибыли предприятий, находящихся в его полной собственности, налоги как источник бюджетных поступлений, имели вспомогательный характер. Вместо налоговых составов в УК РСФСР содержалось ст. 152.1, предусматривающая санкции за приписки и иные искажения отчетности о выполнении планов [5, с. 277].

Ответственность за уклонение от уплаты налогов УК РСФСР 1960 г. рассматривал как преступление, совершаемое только в военное время. При этом законодатель отнес его к иным государственным преступлениям. Так, ст. 82 УК РСФСР «Уклонение в военное время от выполнения повинностей или уплаты налогов» закреплено, что уклонение в военное время от трудовой мобилизации или выполнения иных повинностей, а равно от уплаты налогов наказывается лишением свободы на срок от одного г. до пяти лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного г.

Отметим, что в течение длительного периода степень общественной опасности налоговых преступлений считалась незначительной. Борьба с уклонением от уплаты налогов фактически отсутствовала как отдельное направление правоохранительной деятельности государства, поэтому, ученые-криминалисты не занимались разработкой теоретических проблем ответственности организаций и предприятий за уклонение от уплаты налогов.

Литература

1. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
2. Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // СУ РСФСР. – 1921. – № 26. – Ст. 147.

3. О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими : декрет ВЦИКа от 9 мая 1918 г. : сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. – М., 1953.
4. Пешков, С. С. Противодействие налоговым преступлениям в России / С. С. Пешков // Публичное и частное право. – 2008. – № 1.
5. Припечкин, В. В. Установление и реализация ответственности за уклонение от налогов в России / В. В. Припечкин, Е. П. Антипова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2.
6. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. – М., 1953.
7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917 – 1958. – М., 1961.
8. Собрание уложений РСФСР. – 1917. – № 5.
9. СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
10. Трайнин, А. Н. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и социального порядка / А. Н. Трайнин. – 2-е изд. – М., 1927.
11. Тривус, А. Налоги как орудие экономической политики / А. Тривус. – Баку, 1997.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ

1. Общие рекомендации

К публикации принимаются статьи с учетом тематики журнала объемом 5-8 страниц (до 20 000 знаков). К рукописи обязательно должны прилагаться:

- сведения об авторе (соавторах) с полным указанием фамилии, имени, отчества, места работы, ученой степени, ученого звания, должности;
- выписка из протокола заседания кафедры, для адъюнктов (аспирантов), соискателей также отзыв научного руководителя о рекомендации статьи к опубликованию;
- цветные фотографии и рисунки отдельными файлами в формате *.tif или *.jpg (разрешение не менее 300 dpi).

Текст для публикации должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: «Рукопись вычитана, факты, цифры, ссылки проверены».

2. Оформление статей

Научные статьи, направляемые в наш журнал для публикации, необходимо оформлять следующим образом:

- текст должен быть набран в текстовом редакторе Word;
- шрифт Times New Roman – 14 кегль;
- межстрочный интервал – 1,5 см;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- поля – по 2,5 см каждое.

Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов.

Статьи принимаются в электронном и распечатанном виде.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТом 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решения о включении их в журнал. Отклоненные материалы не возвращаются.

После опубликования журнал «Юридическая теория и практика» будет обязательно выслан автору (по указанному Вами адресу).

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

* * *

Для опубликования статьи в журнале ее рукопись необходимо предоставить в редакцию за два месяца до выхода в свет очередного номера (**следующий номер планируется к изданию в марте-апреле 2011 г.**).

Публикация материалов в журнале будет осуществляться по таким рубрикам, как:

- «Теория и история государства и права»
- «Проблемы правового статуса личности»
- «Актуальные проблемы конституционного права»
- «Правоохранительная деятельность»
- «Уголовное право и криминология»
- «Криминалистика»
- «Административное право и административная деятельность»
- «Международно-правовые аспекты борьбы с преступностью»
- «Гражданское право»
- «Уголовный процесс» и др.

Приглашаем преподавателей, докторантов, молодых ученых юридических вузов, а также работников правоохранительных органов принять участие в подготовке следующего номера научного журнала. Ждем ваших откликов и предложений по содержанию, структуре журнала и определению специальных тем.

Редакционная коллегия

